

2017-IV

Journal of Frontier Studies

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN: 2500-0225

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№4 (8)

2017

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№4 (8)

2017

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2017, №4 (8)
Основан в 2016 г.

Журнал является периодическим изданием, выходящим четыре раза в год, не имеющим печатной версии. В журнале публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Журнал является рецензируемым научным изданием, посвященным проблемам фронта. Все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ

Саракаева Элина Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, Хайнаньский университет, Хайкоу (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР:

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Якушенков Сергей Николаевич, (Главный редактор), доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Федорова Мария Михайловна, доктор политических наук, ИФ РАН

Гринев Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП), профессор кафедры культурологии и социологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбГПУ).

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Khodarkovsky Michael, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago.

Romaniello Matthew P., Ph.D. in History, associate Professor of History, University of Hawaii at Manoa; associate Editor «The Journal of World History»

Geraci Robert P., Ph.D. in History, associate Professor of Department of History of University of Virginia.

Sunderland Willard, Ph.D. in History, Henry R. Winkler Professor of Modern History, Department of History, University of Cincinnati.

КОНТАКТЫ:

По издательским вопросам: Главный редактор журнала (Якушенков Сергей Николаевич)

Email: editorialboard.jsf@gmail.com

По организационным вопросам: Дирекция журнала (Топчиев Михаил Сергеевич)

Email: G.F.N@inbox.ru

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис. Фронтир. Наука».

Адрес: г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Все статьи публикуются в авторской редакции. Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР

Власова Н.В.

Шедевры монументальной храмовой живописи и опыт сохранения религиозного искусства в советский период в Астраханском крае (вопрос авторства настенной росписи Астраханской Гостинно-Николаевской церкви)7

Бойденко С.В., Скиба К.В.

Погром аула беглых кабардинцев князя Али Карамурзина в литературном наследии Ильи Тимофеевича Радужицкого14

Романова А.П.

Путешествие из Астрахани в Грозный и обратно: четверть века спустя39

ФРОНТИР В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Алиев Р.Т.

Изменение ряда языковых паттернов татар на приграничных пространствах: татары Астраханского края и татары-мигранты Китая58

Топчиев М.С.

Религиозный ландшафт приграничных территорий: проблема функционирования.....72

Кирчанов М.В.

«Новое вино в старых мехах»: другие горизонты фронтальных исследований и перформативный поворот в фэнтези между медиевализмом и традиционной поэтикой81

Плотичкина Н.В.

Герои сетевого фронта.....110

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФРОНТИР

Павленко Н.В.

Фронт с японским лицом127

CONTENT

RUSSIAN FRONTIER

Vlasova N.V.

Masterpieces of monumental temple painting and the experience of preserving religious art in the soviet period in the Astrakhan region (the question of the authorship of the murals of the Astrakhan Gostinno-Nikolaevskaya church))7

Boydenko S. V., Skiba K. V.

The demolition of kabardian refugees of prince Ali Karamurzin in the literary heritage of Ilya Timofeevich Radozhitsky14

Romanova A.P.

Jorney from Astrakhan to Grozny and back: a quarter century absence39

FRONTIERS IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE

Aliev R.T.

The changes in some linguistic patterns of the Tatars in the frontier spaces: the tatars of the Astrakhan region and the Tatar migrants in China.....58

Topchiev M.S.

Religious landscape of border territories: the problem of functioning72

Kyrchanoff M. W.

«New wine into old wineskins»: the other horizons of frontier studies and performative turn in fantasy between medievalism and traditional poetics81

Plotichkina N.V.

Heroes of network frontier.....110

FOREIGN FRONTIER

Pavlenko N.V.

Frontier with a japanese face127

**ШЕДЕВРЫ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ХРАМОВОЙ ЖИВОПИСИ И
ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ИСКУССТВА В
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В АСТРАХАНСКОМ КРАЕ (ВОПРОС
АВТОРСТВА НАСТЕННОЙ РОСПИСИ АСТРАХАНСКОЙ
ГОСТИННО-НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ)**

Власова Н.В.

Власова Наталья Владимировна, научный сотрудник ГБУК АО
«Астраханский музей-заповедник», 414000, г. Астрахань, ул. Советская 15.
E-mail: PearlHeavenly77@yandex.ru

Статья посвящена сохранению религиозного искусства региональными музеями в советский период на примере изучения фондовой коллекции Астраханского музея-заповедника. Основная цель исследования видится автором, в первую очередь, в изучении, атрибуции и поиске уникальных авторских произведений церковного искусства, утерянных в советский период в результате антирелигиозной деятельности. С использованием концепции фронтير в статье проводится сравнительный анализ наиболее продуктивных методов деятельности по сохранению произведений религиозного искусства. Использование микроисторического подхода даёт возможность выявления региональной специфики вопроса.

Ключевые слова: нижеволжский фронтир, монументальная храмовая живопись, Астраханская Гостинно-Николаевская церковь, музей, фондовая коллекция.

В советский период, особенно начиная с 20-х гг. стал значительно преобладать отрицательный идеологический аспект относительно функционирования общества в системе религиозного культа, что априори гарантировало негативную позицию к культовым объектам и храмовой культуре в целом. О губительности такого подхода общеизвестно. Лишь для незначительной части культовых объектов было сделано исключение – их ценность для общества была официально декларирована присвоением статуса «памятника», внесением в охранные списки, музеефикацией, помещением в музейные экспозиции, реставрацией. Для многих памятников культового зодчества, пожалуй, единственным спасением стала их дальнейшая музеефикация (Пиотровский & Цветаева, 2010). Тем не менее, решений вынесенных по поводу музеефикации храмовых объектов было вынесено по стране очень малое, практически ничтожное количество. Гораздо больше можно найти документов и

заметок о закрытии или сносе храмов. Так, на примере Астраханской епархии можно проследить печальную статистику, по которой до 1917 г. в Астраханской епархии было 310 приходских храмов, пять монастырей, духовная семинария и духовное училище. Даже на современном этапе, несмотря на возрождение и почти ежегодное открытие новых храмов пока не удалось восстановить эти показатели. Многие Астраханские храмы навсегда остались утеряны. Конечно же, решая вопрос о сносе храма, никто не ставил задачу о сохранении нередко уникальной монументальной храмовой живописи. Работа по сохранению настенной храмовой росписи требовала огромных физических и материальных затрат, чем явно не стало, да и не хотело заниматься руководство. Достаточно подробно о методах снятия и монтировки фрагментов росписей, опираясь на данные отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи, описали в своей работе «О снятии фрагментов росписей со стен разрушенных храмов в конце 1920-х - 1930-е гг.» Ф.В. Гузунов и К.И. Маслов: «Сначала проводилось предварительное укрепление красочного слоя «клеевым составом», затем на поверхность живописи наносилась профилактическая заклепка — слой тонкой папиросной бумаги, марли и ткани, серпянки на пшеничном клее. Затем хирургической пилой вокруг фрагмента прорезались борозды, и слой штукатурки отделялся от стены с помощью «эластичных длинных ножей» на фанерный подбитый войлоком щит. Левкасные гвозди либо перепиливались, либо отжимались. Снятый фрагмент укладывался тыльной стороной вверх, штукатурная основа выравнивалась, расчищалась, и фрагмент монтировался в деревянные рамы» (Гузунов & Маслов, 2003). На примере приведённого описания, можно сказать, что работа по снятию фрагментов настенных росписей была не просто сложной, а практически ювелирной. Тем не менее, в собрании коллекции Астраханского музея-заповедника хранятся уникальные фрагменты, являющиеся частью настенной росписи ныне уже не существующей Гостинно-Николаевской церкви, одной из первых церквей, появившихся на территории Белого города и, по сути, последней, разрушенной в Астрахани в советское время (Марьян, 2002). Окончательно здание храма было разобрано в 1974 г. Церковь всегда славилась своим внутренним убранством. В Астраханских Епархиальных Ведомостях упоминается великолепный иконостас храма, обновлённый в 1906 г. по указу епархиального начальства от 13 июня 1905 г. №5795 и изготовленный известным мастером Д. Шепелевым. За свою работу мастером было запрошено 6250 р (1907, стр. 20). По тем временам это была достаточно крупная сумма, но у Гостинно-Николаевской церкви были богатые благотворители из

купеческих сословий, особо почитающие святого Николая Чудотворца как своего покровителя. К тому же не за долго до внутренних реставрационных работ иконостаса при Гостинно-Николаевской церкви было открыто церковно-приходское попечительство во главе с его председателем купцом И. Цветковым, который и сделал один из первых благотворительных взносов на отделку иконостаса общей суммой 1000 руб. Не менее славилась настенная живопись храма. В книге «Астрахань. Храмы и монастыри» упоминается о том, как после разрушения храма верующие приходили на то место, где он находился, и подбирали штукатурку с сохранившейся храмовой росписью, а потом забирали её домой как особую святыню. То, что удалось хотя бы частично сохранить некоторые фрагменты настенных росписей Гостинно-Николаевской церкви, это практически единственный случай на примере нижеволжского региона. Картина из фондовой коллекции Астраханского музея-заповедника, являющаяся частью настенной росписи Гостинно-Николаевской церкви, по музейной легенде принадлежит кисти российского художника Александра Иванова и повторяет знаменитый сюжет его картины «Явление Христа Марии Магдалине после Воскресения». Картина написана на холсте масляными красками и имеет весьма внушительные размеры 293x196 см. В фонды музея картина поступила в середине 70-х гг. XX в. от Астраханского краеведа Александра Сергеевича Маркова. По его словам, когда стало известно о планах разрушения Гостинно-Николаевской церкви, то вопрос о демонтаже со стен фрагментов монументальной живописи XVIII-XIX в. не стоял, хотя подобная практика была известна в других регионах. Тем не менее, оценивая искусствоведческую ценность росписей храма и не найдя поддержки ни у каких вышестоящих инстанций, Александр Сергеевич Марков принял решение обратиться к рабочим, находящимся в пока ещё не разрушенном здании храма, которые согласились снять со стены холст с уже упомянутой картиной на сюжет «Явление Христа Марии Магдалине после Воскресения». Конечно же, ни о каких из приведённых выше способов снятия фрагментов росписей не было и речи, тем не менее, уникальная живопись, хотя и не осталась не повреждённой, но, во всяком случае, была спасена. Вся остальная храмовая живопись Гостинно-Николаевской церкви, которая частично сохранилась лишь на некоторых фотографиях, находящихся сейчас в частных коллекциях.

Относительно того, что фрагмент настенной храмовой живописи, находящийся в фондах Астраханского музея-заповедника принадлежит именно кисти Иванова вопрос весьма спорный. Ни в одном из источников такие данные не встречаются, Известно имя ещё

одного мастера, работавшего над внутренней росписью стен храма. Его в своей рукописи упоминает П.В. Лебедев (Лебедев, 1974-1975), который изначально также предполагает, что фрагмент храмовой росписи Гостинно-Николаевской церкви на сюжет «Явление Христа Марии Магдалине после Воскресения» принадлежит кисти художника А. Иванова. Но в этой же рукописи, возможно, в более позднее время сделано добавление, где указывается, что обновлением росписи стен Гостинно-Николаевской церкви занимался в 1886 г. некий художник Ишаков. С искусствоведческой точки зрения сомнения по поводу того, что эскиз на сюжет «Явление Христа Марии Магдалине после Воскресения» для росписи стен Гостинно-Николаевской церкви готовил именно художник А.А. Иванов подтверждаются тем, что на подлиннике картины художника присутствуют только две фигуры – собственно сам Христос и Мария Магдалина. Но если внимательно посмотреть на саму настенную роспись храма, запечатлённую на фотографии из коллекции Сергея Юрьевича Степанова, то на ней отчётливо прослеживается ещё одна фигура-фигура ангела. Сам сюжет картины представляет из себя эпизод из Евангелия от Иоанна а (Ин. 20:1-18), когда на третий день после распятия Мария приходит рано утром в сад ко гробу и видит, что он пуст. Она зовет Петра и другого ученика. Они осматривают пустой гроб и уходят. Мария остается и плачет. Обернувшись, она видит воскресшего Иисуса, но думает, что это садовник. Иисус обращается к ней, и Мария, узнав Его, тянется к Нему: «Учитель!». «Не прикасайся ко мне, – отвечает Иисус, – ибо я еще не восшел к Отцу Моему...». Сюжет над которым так упорно трудился мастер не был до него безызвестен. Например, за творениями европейцев на тему Явления Христа Марии Магдалине после Воскресения закрепилось общее название «*Noli me tatgere*» или «Не прикасайся ко Мне». Иконография *noli me tangere* с решительно уходящим Иисусом была давно известна Иванову. Ещё в 1834 г. он копировал в Падуе фреску Джотто, которая имеет много общих черт с его картиной. У Джотто Иисус в белых одеждах также резко выделяется на ночном фоне. Ведь если обратить внимание, то на картине А.А. Иванова, действительно, почти совсем нет заднего фона. Известно, что сам художник А. А. Иванов достаточно критично относился к вероятности исполнения церковной живописи. В декабре 1842 г. А. А. Иванов получает письмо от отца с радостным известием: архитектор К. А. Тон, строитель храма Христа Спасителя в Москве, намеревается заказать ему два больших образа – «Преображение» и «Вознесение», в представлениях К.А. Тона полотно А.А. Иванова «Явление Мессии» также должно было занять одно из центральных мест в будущем храме. Однако Иванов практически не принимает это

предложение, назвав свои работы скорее историческими, нежели религиозными. Тем не менее, художник очень серьёзно заинтересовался современным религиозным искусством. Со временем его взгляды относительно этого вопроса меняются. Последние восемь лет жизни А.А. Иванов работал над циклом библейских эскизов, основой для которых стала книга немецкого философа Д.Ф.Штрауса «Жизнь Иисуса». Мастер задумал около 500 сюжетов, однако исполнил только 200 (Степанов, 2012). Эскизы разработаны «эпохическими» циклами, с возможной полнотой охватывающими все подробности библейских рассказов. Библейские эскизы А.А. Иванова были переданы в Третьяковскую галерею из расформированного Румянцевского музея в 1925 г. Этот цикл по своему замыслу и стилистическим качествам не имеет аналогов в мировом искусстве. Среди библейских эскизов имеется и эскиз на сюжет «Явление Христа Марии Магдалине». Книга Штрауса дала толчок к иному размещению сюжетов, выдвинул на первый план не внешнюю хронологическую последовательность, но момент символично-религиозный. Эскиз весьма отличается от оригинала картины, но он не имеет достоверной схожести с фрагментом росписи Гостинно-Николаевской церкви. Хотя биографы и отмечают, что позднему творчеству А.А. Иванова присуща склонность к утопиям и к жизни в «параллельной реальности» (Охоцимский, 2017), поэтому можно предположить, что автор как-то доработал свой первоначальный вариант работы, чтобы привнести в свою картину оттенок религиозности, изобразив горный мир рядом с земным. Тем не менее, вопрос об авторстве того фрагмента настенной храмовой росписи, который находится в фондах Астраханского музея-заповедника остаётся открытым.

Список литературы

Гузунов, Ф.В. & Маслов, К.И. (2003). О снятии фрагментов росписей со стен разрушенных храмов в конце 1920-х - 1930-е гг. *Грабаревские чтения: Международная научная конференция. Мин. культуры РФ, ВХНРЦ им. акад. И. Э. Грабаря, М.: Сканрус, вып.V, стр.120-126*

Икона «Явления Христа Марии Магдалине после Воскресения». (Конец XIX в.) Холст, масло. Астраханский музей-заповедник. КП № 33227

Лебедев, П.В. (1974-1975). *Летопись монастырей, храмов г. Астрахани: рукопись.* Астрахань, стр. 58.

Марьян, И. игумену (2002). *Астрахань. Храмы и монастыри.* Астрахань, стр. 87

Охоцимский, А. Д. (2017) *Душевное дело Александра Иванова*. Retrieved from http://lib.rmvoz.ru/bigzal/spiritual_Alexander_Ivanov

Пиотровский, М. Б. & Цветаева, М. Н. (2010). *Проблемы сохранения церковного наследия: Сборник статей*. СПб.

Слово по случаю обновления храма (1907). *АЕВ* (1), стр. 20

Степанов, С.С. (2012). «Воскресение Христово видевшее» эскизы Александра Иванова для храма Христа Спасителя. *Наука и религия*, (5).

MASTERPIECES OF MONUMENTAL TEMPLE PAINTING AND THE EXPERIENCE OF PRESERVING RELIGIOUS ART IN THE SOVIET PERIOD IN THE ASTRAKHAN REGION (THE QUESTION OF THE AUTHORSHIP OF THE MURALS OF THE ASTRAKHAN GOSTINNO-NIKOLAEVSKAYA CHURCH)

Vlasova N.V.

Vlasova Natal'ja Vladimirovna, Researcher of GBUK JSC «Astrakhan museum-reserve», 414000, Astrakhan, The Soviet str. 15.

E-mail- PearlHeavenly77@yandex.ru

The article discusses conservation of religious art by regional museums in the Soviet period, specifically studying the stock collections of the Astrakhan Museum-reserve. The main objective of the study is primarily attribution and search of unique works of religious art, lost in the Soviet period as a result of anti-religious activities. Using the concept of the frontier the author analyses the most productive methods of conservation of religious works of art. The use of micro-historical approach makes it possible to identify regional specifics of the problem.

Key words: Low Volga frontier, monumental temple painting, Astrakhan Gostinno-Mykolaiv church, museum, stock collection.

References

Guzunov F.V. & Maslov, K.I. (2003). On the removal of fragments of paintings from the walls of destroyed churches in the late 1920's - 1930's. *Grabarevsky readings: International scientific conference. The minimum culture of the Russian Federation, VHNRTS them. Acad. IE Grabar, Moscow: Scanrus, issue V*, pp.120-126

Icon «The Appearance of Christ to Mary Magdalene after Resurrection». (The end of the XIX century.) Oil on canvas. Astrakhan Museum-Reserve. KP No. 33227

Lebedev P.V. (1974-1975). *Annals of monasteries, temples of Astrakhan: manuscript*. Astrakhan, pp 58.

Marian, Ibns (2002). *Astrakhan. Temples and monasteries*. Astrakhan, pp 87

Okhotsimsky A.D. (2017) «*The Mind of Alexander Ivanov*». Retrieved from http://lib.rmvoz.ru/bigzal/spiritual_Alexander_Ivanov

Piotrovsky MB, Tsvetaeva M.N. (2010). *Problems of preservation of the church heritage: a collection of articles*. St. Petersburg.

Word on the restoration of the temple (1907). AEV (1), p. 20

Stepanov S.S. (2012). «Christ's Resurrection Seen» sketches of Alexander Ivanov for the Cathedral of Christ the Savior. *Science and religion*, (5).

ПОГРОМ АУЛА БЕГЛЫХ КАБАРДИНЦЕВ КНЯЗЯ АЛИ КАРАМУРЗИНА В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ ИЛЬИ ТИМОФЕЕВИЧА РАДОЖИЦКОГО

Бойденко С.В.

Бойденко Светлана Владимировна, 105203, г. Москва.

E-mail: ssoloczka@mail.ru

Скиба К.В.

Скиба Константин Викторович, 352900, г. Армавир.

E-mail: kv-220-85@mail.ru

В данной статье впервые полностью опубликован, рассмотрен и изучен с развернутыми комментариями, фрагмент «Походных записок артиллериста в Азии с 1823 г. по 1831 г.», составленных И. Т. Раджицким, российским офицером-участником Кавказской войны.

События, описанные И. Раджицким, произошли в ходе военной экспедиции, предпринятой в апреле 1825 года генералом А. Вельяминовым против живших за Кубанью так называемых «беглых кабардинцев». Впоследствии эти исторические факты были использованы И. Раджицким для написания своей «черкесской повести в стихах «Али Кара-Мирза», которая была опубликована им в Москве в 1832 году.

Ключевые слова: Илья Тимофеевич Раджицкий, Кавказская война, Кубанская кордонная Линия, генерал А. Вельяминов, кабардинский князь Али Карамурзин, беглые кабардинцы, линейные казаки.

Кавказская война, которая много десятилетий «шла на Кавказе и за Кавказ», с момента прекращения которой прошло уже более 150 лет, продолжает стабильно привлекать внимание многих российских и зарубежных ученых. Но, как это часто бывает в любой исторической теме, на свет периодически появляются ранее неизвестные источники, которые заставляют нас по-новому взглянуть на многие, уже привычные и известные нам события той войны.

Один из таких источников – «Походные записки артиллериста в Азии с 1823 г. по 1831 г.», составленные «полковником Раджицким», которые хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА. Ф. 482 Оп.1 Д.135).

Их автором был Илья Тимофеевич Раджицкий (1788-1861 гг.) – российский офицер-артиллерист, военный топограф, директор

Тульских оружейных заводов, участник Отечественной войны 1812 года, Заграничного похода русской армии 1813-1814 гг. и русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

Кроме своей официальной карьеры, которую он закончил генерал-майором от артиллерии, И. Раджицкий был известным ученым-ботаником¹ и писателем². О его литературных успехах можно судить по тому, что И. Раджицкий дружил с А. С. Пушкиным, с которым он познакомился на Кавказе, о его книгах упоминал в своих статьях Н. В. Гоголь. Л. Н. Толстой использовал рассказы, записки и статьи И. Раджицкого при описании Бородинского сражения в «Войне и мире».

В 1823 году подполковник Илья Раджицкий отправился служить на Кавказ в Отдельный Кавказский корпус под командование генерала А. П. Ермолова, где его назначили в 22-ю артиллерийскую бригаду, штаб которой находился в городе Георгиевске (Колосовская, 2015, стр. 39).

Отсюда, за ближайшие несколько лет (1823-1825 гг.), офицер-артиллерист И. Раджицкий принимал участие в многочисленных военных походах и экспедициях «против непокорных закубанских горцев», которые были предприняты на Кубанской кордонной Линии генерал-майором Алексеем Александровичем Вельяминовым и его заместителями – полковниками Юрием Павловичем Кацыревым и Федором Александровичем Бековичем-Черкасским (Потто, 1994, стр.394-470).

Многочисленные картины боевой жизни кавказских войск, этнографические зарисовки из жизни «закубанских народов», свои личные впечатления И. Раджицкий включил в свои «Походные записки артиллериста на Кавказе и за Кавказом с 1823 по 1831 г.».

¹ Главный ботанический труд И. Раджицкого - неопубликованный труд «Всемирная флора» из 15 томов большого формата, «с атласом на 730 листах и с 1609-ю превосходно разрисованными им акварелью копиями и с натуры снятыми растениями, с подробнейшим и замечательно отчетливым анализом их органов».

² «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г.» («Отечественные Записки» 1823 г., ч. 14, стр.351-371; ч. 15, стр.20-40; 1824 г., ч. 17, стр.243-263; 1826 г., ч. 27, стр.325-347); «Походные записки артиллериста в Азии с 1829 по 1831 г.» («Военный Журнал» 1857 г., 1-я книжка, стр.1-93; 2-я кн., стр.94-164; 3-я кн., стр.75-160; 4-я кн., стр.154-204; 5-я кн., стр.153-203; 6-я кн., стр.136-175); «Историческое известие о походе российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командой графа В. А. Зубова» («Отечественные Записки» 1827 г., ч. 31, стр.127-168; 266-314); «Кыз-Брун, черкесская повесть» («Отечественные Записки» 1827 г., ч. 32, стр.285-310 и 451-477); «Амудат-Бек» («Древняя и Новая Россия» 1879 г., № 1, стр.84-85); «Неустранимость артиллеристов» («Отечественные Записки» 1826 г., ч. 26, стр.139-141); «Письма из Ставрополя» («Отечественные Записки» 1826 г., ч. 28, стр.104-140; 1827 г., ч. 29, стр.146-150; ч. 30, стр.489-495; ч. 34, стр.150-158); «Корреспонденции» («Северная Пчела» 1829 г., № 41, 80, 91, 98, 99, 101, 135, 136, 154; 1830 г., № 9, 10); «Письма с Кавказа к П. П. Свиныну» («Чтения Московского Общества Истории и Древностей», 1874 г., № 2, стр.113-128).

Однако их судьба, в отличие от других, опубликованных работ Радожицкого, сложилась крайне неудачно...

Из хранящейся в фондах РГВИА переписки И. Т. Радожицкого с Д. А. Милютиным выясняется, что в 1838 году И. Радожицкий привез свои записки в Петербург и представил лично председателю военного Цензурного комитета генералу Михайловскому-Данилевскому, который, как заметил сам Радожицкий, «знавши меня, принял очень благосклонно; однако семь лет держал их у себя, и когда я в 1844 году был переведен из Кавказа на службу в Штаб Его Высочества генерал-фельдцейхмейстера, тогда только, и то не иначе, как по ходатайству Начальника штаба князя Долгорукова, получил обратно свои рукописи, перемаранные и перечерканные... причем генерал Данилевский лично сказал мне, что о военных действиях на Кавказе с горцами не позволено ничего печатать, но о войне с турками я могу представить вновь свои записки, исключив то, чего не дозволяет цензура» (Колосовская, 2015, стр. 46).

Лишь после еще нескольких неудачных попыток, в 1857 году, при поддержке Д.А. Милютина, часть кавказских записок И. Радожицкого, повествующая о событиях русско-турецкой войны, была опубликована на страницах «Военного журнала» (Колосовская, 2015, стр. 47).

Сама же рукопись была передана в архив Военно-топографического депо; в настоящее время часть этой рукописи – 194 листа, которые не являются единым текстом (где находятся остальные части рукописи Радожицкого неизвестно), хранятся в фондах РГВИА под названием «Походные записки артиллериста в Азии с 1823 г. по 1831 г. Сост. полковник Родожицкий» (РГВИА. Ф. 482 Оп.1 Д.135).

Этим ценным историческим источником, написанным от первого лица, активно пользовался военный историк Василий Александрович Потто во время работы над своим знаменитым трудом «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях», который охватил период вооруженного противостояния на Кавказе с начала XVI века по 1831 год.

Но, как и было положено «официальному» военному историку, В. Потто взял из записок И. Радожицкого далеко не все. В первую очередь это касалось таких нелицеприятных моментов как чрезмерные жестокости во время военных экспедиций в отношении черкесских женщин и детей, служебные интриги российских военных между собой и т.д.

Для нашей статьи мы решили взять, и впервые опубликовать полностью, фрагмент записок И. Радожицкого о военной экспедиции, предпринятой в апреле 1825 года генералом А. Вельяминовым против

живших за Кубанью т.н. «беглых кабардинцев» (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Д.135 Л.67-78).

Своим главным помощником в этой экспедиции генерал Вельяминов, имевший временную резиденцию в крепости Прочный Окоп, назначил «любимого адъютанта Ермолова», «владельца Малой Кабарды», полковника Херсонского гренадерского полка князя Федора («а по-туземному Тембота») Александровича Бековича-Черкасского» (Толстой, 2000, стр. 110-111; Утверждение русского владычества, 1904, стр. 193).

Главной целью экспедиции был выбран большой аул беглого кабардинского князя Али Карамурзина (Али Кара-мурзы), который, «во время бунта всей Кабарды в 1822 году, преследуемый оружием русских, бежал за Кубань и поселился между бесланеевцами, на вершине реки Лабы, за горой Ахмат, в почти неприступном ущелье». По мнению военных, этот «дерзко расположенный» аул был «вечной угрозой нашим границам» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 191).

1 апреля 1825 года, как только начались темные, безлунные ночи, экспедиционный отряд генерала Вельяминова, «собранный в величайшем секрете» – 3 батальона пехоты из Тенгинского и Ширванского полков, 18 орудий пешей и конной артиллерии (в том числе «конно-казацьи орудия»), Кубанский и Кавказский казачьи линейные полки, собранные в поход «в весьма слабом составе» общим числом в 350 казаков, – переправился через Кубань в 4 верстах выше станицы Прочноокопской. Река была в разливе, поэтому артиллерию отряда пришлось переправлять на паромов, что задержало переправу на весь день (Потто, 1994, стр. 458; Утверждение русского владычества, 1904, стр. 191).

Далее мы предоставим слово самому И. Раджицкому:

«...Пообедавши и отдохнувши, часов в шесть пред вечером выступили мы из своей засады. Погода ясная обещала хорошую ночь.

Мы вытянулись к большому кургану. Этот курган по-ногайски называется Кутлов, по имени одного полководца крымского хана, с которым он шел до этого места, и который здесь умер.

Хан, в память храброму вельможе своему, приказал каждому воину бросать на его могилу по 15-ти фунтов земли, и оттого вышел большой курган; в стороне при нем поставлен особо надгробный памятник, в виде четвероугольной башни.

Во вторую ночь (в ночь на 3 апреля – Авт.), пройдя 15 верст, мы переправились вброд чрез речку Синюху, или Чабарту, с крутыми берегами; потом, пройдя 8 верст еще, перешли вброд чрез речку Малый Чамлык и, с рассветом дня, пройдя еще пять верст, перешли

третью речку – Средний Чамлык, чрез Касаев брод, и тут остановились¹.

Все эти речки впадают в правый берег Лабы. Здесь место было не совсем скрытное и лесу немного; дорога, по которой мы шли, была очень знакома солдатам, потому что здесь находился аул, разоренный ими раньше.

В продолжение всей ночи сон одолевал меня, однако я крепился. Переправа через три речки вброд нас довольно задержала, пехотинцы каждый раз разувались и обувались. Броды были глубиною до трех футов. Несмотря на то, прошли всего около 30 верст.

После такого похода отрадно было пообедать у генерала Вельяминова, у которого стол всегда изящен – как на квартире, так и на бивуаках. У него были две замечательные арбы, сделанные, в виде ящиков с двумя колесами, наподобие кубанских, у которых диаметр колеса три с половиною аршина, так что никакие броды не могут подмочить хранящихся в ящике гастрономических редкостей (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.67-68).

На третью ночь пред вечером, с пяти часов выступили мы из Чамлыцкой засады и 10 верст шли все вверх по Чамлыку, довольно открытой лощиной. Погода была сначала пасмурная и дождливая, но после разгулялась.

Мы дошли до реки Окарт и тут отдыхали в ожидании ночного мрака. Генерал расположился особо на кургане, вокруг его сохранялась тишина; казалось, мы были открыты черкесам и все сомневались в успехе.

Полковник Коцарев (хотя правильнее говорить Кацырев – Авт.) говорил, что будто аул, к которому направлен был набег, ушел; до Лабы оставалось еще 18 верст. Генерал был задумчив и мрачен.

Однако в 9 часов вечера (в ночь с 4 на 5 апреля 1825 года – Авт.), мы тронулись, шли очень тихо и часто останавливались. Дорога была не довольно хороша, грязна и встречались глубокие лужи. Ночь таинственная, звездная и довольно ясная.

Мы повернули влево и пошли вверх по Лабе, которая вправо у нас шумела по широкой лесистой долине, разделяясь на рукава; мы ошутительно поднимались все выше и выше, сближаясь с звездным небом, на котором ярко сверкали ночные светила; мы попирали высокую, поблеклую траву и местами проходили мимо больших, еще не растаявших груд снега.

¹ Стоянка отряда на реке Чамлык находилась на половине пути от Кубани до Лабы.

Я шел впереди колонны, при двух конно-казацких пушках; вправо, на пятидесяти шагах тянулась цепь пеших стрелков.

Князь Бекович со всеми казаками и двумя конными пушками шел, спешившись, за версту впереди. Мы шли скоро, ровно, тихо; но задние растягивались, и генерал, на двенадцатой версте, велел остановиться.

Тут, покуда все стянулись, прошло около часу, и при мерцании звезд мы тронулись тем же порядком, соблюдая строгую тишину. Я впереди вел ровный шаг; предо мною шел проводник Али Шегур с десятью казаками. Пройдя верст десять от привала, мы спустились к Лабе, по отлогой покатости берега, и примкнули вправо к лесу.

Еще пред спуском к Лабе с высоты мы увидели огни овчарников по ту сторону реки и слышали лай собак. Такое открытие дало нам надежду на добычу; но сказали, что это мирные бесленейцы – и солдаты приуныли (от того что сорвалась явная добыча – Авт.).

Рассвет дня открыл перед нами ущелье, из которого выходила Лаба, закрытая лесом, и которое преграждалось хребтом Черных Гор; из них выставлялась одна огромная гора Ахмат.

Когда мы остановились (утром 5 апреля 1825 года отряд Вельяминова стал лагерем на Лабе «в урочище Калымшоко»), пройдя в эту ночь около 40 верст без видимого успеха, солдаты стали проклинать вожатого, изменника, потому что привыкли всегда, бывало, с рассветом дня видеть баранов, или пленных, или разорение аулов.

Ропот неудовольствия слышан был за трехсуточную бесполезную ходьбу. Вдруг Коцарев приходит ко мне и велит облегчить два орудия, которые должны идти за батальоном Ширванского полка в ущелье; все опять зашевелилось.

Вскоре потом увидели мы впереди из-за леса от Лабы табун лошадей, которых гнали к нам казаки. «Вот баранта», – кричали солдаты, и все оживилось. Ширванский батальон побежал за Коцаревым вперед в ущелье, за ним пустились мои пушки и несколько казаков.

Я подъехал к генералу и поздравил его с добычей. «Да что, брат, поздно пришли!» – сказал он (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.68об-69об.).

Тут же подошел к нему Тенгинского полка майор Тихонов, у которого генерал спросил: «Что, братец, есть ли у тебя хотя три роты неусталых?». А мне сказал: «Да, да! Вот я и забыл! Оставайся-ка, устрой вагенбург». Сам он тотчас пошел за ширванцами с тремя ротами тенгинцев.

От казаков, пригнавших к нам черкесский табун лошадей, мы узнали, что Бекович захватил его недалеко за лесом, а потом сам с казаками и двумя пушками поскакал верст за пятнадцать в ущелье разорить кабардинский аул.

По отъезде генерала, я стал стягивать фуры и патронные ящики в каре около генеральской палатки, примкнув одним фасом к лесу. Для прикрытия этого фаса, только что выслал я в лес стрелков, как вдруг услышал там перестрелку. Я думал, что толпа черкесов намеревалась прорваться к вагенбургу, и поспешил его выстроить. У меня оставались две неполные роты пехоты, четыре пушки и с сотню казаков.

Я тотчас распорядился: роту пехоты выстроил в цепь, чтобы подкрепить стрелков, если б их стали сбивать оттуда, десять казаков послал к стрелкам с приказанием офицеру, чтобы не отдалялся вперед и держался бы на месте; пушки поставил на флангах, приблизил отбитый табун лошадей и остальных казаков расставил вокруг вагенбурга на пушечный выстрел пикетами по тропинкам и курганам, чтобы извещали меня о приближении партий и, если можно, перехватывали бы шатающихся черкесов.

После этого поехал я в лес; тут стрелки мои уже возвращались после перестрелки, и офицер донес, что, вступивши в лес, он увидел толпу бегущих справа от казаков черкес, которые отстреливались, поэтому и он начал в них стрелять; убил четверых и двух ранил; казаки тоже двух убили и с них сняли оружие; прочие разбежались, отстреливаясь неудачно (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.70-71).

Я приблизил стрелков к вагенбургу и равнодушно ожидал черкесов, надеясь, что встречу их недурно. Что делалось впереди в ущелье, нельзя было ни видеть, ни слышать, но казаки стали приводить ко мне пленных; сперва трех, потом пять, десять и в том числе одного раненого; наконец привезли целую арбу с имуществом и оружием. Пленных в короткое время собралось около двадцати.

Забавно было, что казаки в числе пленных привели ко мне нашего проводника Али Шегура – мирного бесленейца, который имел семейство в ауле, в семи верстах отсюда и, пробираясь туда, попался в руки пикетных казаков. Я велел было отобрать у него оружие и самого взять под арест, но, всмотревшись в его спокойное лицо, узнал проводника и вместе с ним рассмеялся.

Вскоре привели из того же аула пробиравшегося мимо нас бесленейского хаджи, я и его велел обезоружить, но Шегур сказал мне, что он точно мирный и не думает худо, а потому просил его выпустить.

Желая показать доверенность к нему, уважил его просьбу с тем только, чтобы этот бесленеец возвратился прямо в свой аул. Вскоре пригнали ко мне стадо рогатой скотины и до тысячи баранов.

Потом уже за полдень, когда я, пообедавши, уснул, казак привел ко мне пленную женщину, верхом на лошади, под покрывалом, говоря, что эта княгиня – жена убитого кабардинского князя Али Кара-Мирзы и что весь его аул razoren Бековичем.

Для черкесской княгини, которую воображал я красавицей, тотчас велел очистить солдатскую палатку и приставить к ней почетный караул. Сходя с лошади, она показалась мне довольно стройной, с маленькими ножками и ручками, только длинное покрывало не позволяло видеть лица, которое, без сомнения, было омрачено горестью.

Наконец явился генерал с веселым лицом и сказал мне, что Бекович один с казаками успел все сделать, и ни пехота, ни артиллерия не участвовали: аул razoren и выжжен, множество кабардинцев побито и взято в плен. Я поздравил его (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.71об.-72об.).

К вечеру, когда привезли 90 пленных женщин и девок, да 30 мальчиков и собралось столько же взрослых черкесов, все объяснилось.

Надо заметить, что Коцарев прошлого года с пятитысячным отрядом стоял на Лабе в 12 верстах ниже нашего места и не решался подступить к этим кабардинцам. Сам генерал, даже не думая о том, послал Бековича только чтобы подобрать баранту.

Князь Бекович пред рассветом отошел верст десять вперед от колонны отряда, переправился чрез Лабу и тут же увидел табун кабардинских лошадей. Хотя Коцарев пред тем распустил слух, что табун разбежался, однако присутствие табуна дало мысль князю допросить пастухов.

Он принял их в плети и узнал, что аул еще на месте и в расстоянии более двадцати верст. Князь решился и послал генералу сказать, что он идет, а для подкрепления просил выслать пехоту.

Сам он тотчас с 350 казаками бросился на гору Ахмат, скакал верст пять по ее отлогости мимо бесленейских аулов, в которых еще все спали; потом переправился через другую Лабу и на правом берегу ее, имея влево высочайшую лесистую гору, пробирался чрез узкую теснину верст двадцать.

Тут сотни черкесов достаточно было, чтобы не пропустить тысячи неприятелей. Казаки по одному и по два с трудом перебежали все выше и выше по грядной и каменистой тропинке, наконец, увидели аул, стоявший на долинке, которая образовалась на правой

стороне Лабы у подошвы лесистой горы, составлявшей часть смежного хребта.

Князь полагал найти аул из 40 саклей, но увидел их до 200. Кабардинцы знали о приближении русских и всю ночь не спали, но, не видя ничего, как на грех, перед рассветом овладел ими тяжкий сон.

Князь Бекович собрал казаков и сказал им выразительно: «Ребята, кто сделает хорошо свое дело, тот будет награжден, а грабителей я расстреляю!»

Тотчас послал он сотню казаков влево мимо леса, полсотни вправо от берега, а сам с 200 пустился в аул; причем велел без крика колоть вооруженных, отнюдь не стреляя из ружей.

Однако часть казаков завела перестрелку, а другая бросилась в сакли за добычей; тогда он задним велел стрелять в передних, чтобы поугатить их, а для отклонения грабежа приказал зажигать аул со всех сторон.

Майор Дыдымов¹ со своим Кавказским полком наиболее содействовал успеху всех распоряжений князя; он пронесся чрез весь аул с одного конца на другой, казаки его кололи пиками всех встречавшихся, а сам он налетел на князя Али Кара-Мирзу, которого знал. Полураздетый Князь выстрелил по нем – мимо, тогда Дыдымов вскричал ему по-черкесски: «Теперь ты мой!» – и пистолетным выстрелом положил его на месте: пуля прошла ниже правого глаза в затылок насквозь.

Все кабардинцы выскочили из саклей полураздетые и встречали верную смерть потому, что второпях не знали как защищаться, между тем казаки их нещадно кололи.

Жена Али Кара-Мирзы вышла, держа в руках мешок с 700 червонцами; казаки выхватили у нее золото и за это оставили в живых².

¹ Майор Аким Макарович Дадымов (Дыдымов), по-черкесски «джигит Еким», «родом осетин православного вероисповедания» из моздокских казаков, командир Кавказского линейного казачьего полка. Вскоре погиб «в жарком деле под Тлямовым аулом 18 августа 1825 года» (Памятники времен утверждения, 1909, стр. 152-160; Потто, 1994, стр. 469).

² Кроме нее была взята в плен и другая жена Карамурзина – сестра ногайского князя Эдиге Мансурова. У двух жен князя Карамурзина была следующая участь:

Одну из них – ногайскую княжну Ольмес-ханум отдали на попечение родственникам – ногайским князьям Эдиге Мансурову и Измаилу Алиеву.

Другую – черкешенку «Ханиш-Иль-Масхан», родственники которой жили далеко за Кубанью у абазин-кизилбековцев, отправили в Малую Кабарду и поручили лазутчику из отряда Вельяминова, кабардинскому узденю Астемирову, который сделал ее своей наложницей. Впоследствии, к сентябрю 1826 года на ней женился князь Федор Александрович Бекович-Черкасский.

Благодаря исследователю А. А. Прорецлавскому, сохранилась записанная в Ульском ауле песня «Плач княгини Иль-Масхан, жены Али Карамурзина». Вот ее строки: «Ранее я была женой славного князя Али Карамурзина. Я была счастлива и удаивалась чести играть с ним на разукрашенной шелками постели. Теперь я наложница ненавистного человека, командовавшего

Другая женщина, жена убитого узденя, бросила 400 червонцев в дурное место (туалет – Авт.) и сама, ставши тут, зажгла все вокруг себя и сгорела вместе с золотом. После того в разных местах между пеплом сгоревших саклей находили слитки золота и серебра (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.71об.-74).

На месте погребено было 570 тел и найдено в разных местах до 100 тел, выкинутых водой из реки. Из всего аула спаслось только 139 душ обоего пола (то ест взято в плен – Авт.); погибло значительных узденей 18 и более известных до 50. У нас ранены только два казака. Много богатства досталось в жертву пламени, но и казаки довольно поживились деньгами, оружием и всяким имуществом. Лошадей отбито 665, рогатой скотины 530 и овец 2300.

Никогда не бывало столь удачного набега с такими незначительными силами и с такою малой потерей при всей безнадежности, потому что всем казалось, будто опоздали; но это самое было причиной невероятного успеха: кабардинцы ночью не спали, могли бы, открыв нас ранее, встретить и задержать в непроходимом ущелье, а между тем семейства их были бы спасены.

Замечательно, что такое ужасное истребление нанес кабардинцам их же соплеменник – кабардинский князь Федор Бекович-Черкасский из колена Джембулатова рода; у черкесов он известен под именем Тембота, или Темир-Булата. Это поражение Али Кара-Мирзы подвергнуло князя Бековича кровавой мести от своих соплеменников, они угрожали ему после разорением его собственного аула в Малой Кабарде, где жила престарелая мать его, которую они намерены были похитить для истязаний в отмщение сыну. Князь

солдатами, которые убили моего мужа. Как часто, подходя к окну русской сакли, я мечтаю о своем молодом князе, забывая порой, что его нет в живых. Горько, горько мне, когда услышу вдруг, что зовут меня к постели богатой, и вижу там лохматого как медведя, ненавистного мне человека...». (Утверждение русского владычества, 1904, стр.194,196-197).

После смерти князя Федора Бековича-Черкасского от сильной простуды в 1833 году, родственник его жены – живший за Кубанью «беглый кабардинский» князь Исмаил Касаев хотел выдать «свою сестру (вариант: племянницу)» за знаменитого темиргоевского князя Джамбулата Болотокова. «Звали ее Сластamina (Слоетама) и она являлась вдовой генерал-майора Бековича-Черкасского». Как известно, князь Бекович-Черкасский был женат только на одной жене и умер бездетным, а, следовательно, Иль-Масхан (Ханиш-Иль-Масхан) и Сластamina - это один и тот же человек.

В 1834 г. к ней посватался кабардинский князь Атажуко Атажукин. Сватовство происходило в ауле прапорщика Докшуко Касаева на Баксане. Но князь Касаев передал ей, чтобы она «без приказанья его ни за кого не выходила в Кабарде замуж, и с тем вместе объявил, что он при удобном случае увезет ее за Кубань и там отдаст замуж за стоящего ее чермурчеевского (темиргоевского) князя Жембата Айтегова». (Бейтуганов С. Н., 2007, стр. 257). Отвергнутые Касаевым князя Атажукины, стали интриговать против него: «А Атажукины в ссоре за то, что не выдал по желанию их Атажуке Атажукину в замужество родной сестры своей бывшей за покойным генерал-майором князем Бековичем-Черкасским». (РГВИА. Ф. 13454. Оп.8. Д.18. Л.4).

Бекович имел причину решиться на этот подвиг, потому что Али Кара-Мирза сам грозил ему разорением и пленом матери за то, что он сделался русским (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.74об.-75).

Бекович говорил, что вовсе не ожидает награды он как за это, так и за прочие дела свои, потому что ценит дружбу генерала Ермолова выше всяких наград. Он не забывает никогда, что генерал доставил ему возможность приобрести почти потерянное имение покойного отца своего и тем, доставя ему и матери его пожизненное состояние, обязывает его вечной благодарностью. Это очень благородно; однако отважный подвиг должен быть награжден – и Бекович получил орден Св. Георгия 4-й степени (на самом деле он его не получил, подробности ниже по тексту – Авт.).

Никогда кабардинцы со времени своего существования не запомнят такого поражения, и кто не был сам на месте пепелища, тот почитал сказкой, чтоб 350 наших казаков могли пройти столь неприступное место и сделать такое опустошение.

Это злосчастье кабардинцы не иначе почитали как сверхъестественной силой Божеского наказания. Чрез час после разорения пришли к аулу 300 вооруженных баракайцев, – но уже поздно: кровавый пир окончился...

Трогательно было явление пленных женщин, девушек и детей, собранных в вагенбурге. Одна из них была ранена в ногу; некоторые как полоумные, помешанные, с дикими взорами, рвали на себе волосы, выли, плакали или обнимались.

Дети были привезены особо, после женщин; малютки бросились к своим матерям... тут надо быть каменному, чтобы не тронуться любовью матерей: несчастные прижимали их к грудям, целовали с восторгом, их глаза оживлялись мгновенною радостью, и опять увлажнялись горькими слезами.

Однако и среди кровавых ужасов они сберегли для детей кусочки хлеба, которыми теперь старались усладить их горестную участь плена.

Из числа пожилых женщин одна была весьма почтенного вида, жена убитого узденя Измаил Алесхира, дочь Ирак Султана; ее окружали несколько молодых, чистых, белых дев с длинными косами и с благородными чертами в лицах; все они были одеты в пестрые, шелковые, хотя старые халаты и подпоясаны. Впрочем, все они казались непривлекательными: большие глаза, большие носы и тонкие губы представляли отличительные черты черкесской физиономии, искаженные испугом, горестью и страхом.

Особенно одна женщина, совершенно нагая, как Венера, восковая и вместе с тем прекрасная собой, лежала на земле почти без

чувств; она ничего не видела и не слышала пред собой; только лежа на правом боку, головой на руке испускала немые стоны и протягивала левую руку к сидящему перед нею обнаженному курчавому и прекрасному мальчику, конечно, первенцу ее супружеского счастья; в нем она видела единственную отраду, образ своего погибшего друга.

Из девочек и мальчиков были очень хорошенькие, невинные, не понимавшие, что с ними делается. Одна восьмилетняя девочка от испугу была как сумасшедшая: ломалась, кривлялась и к утру умерла (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.75об.-77).

Для помещения важнейших пленниц генерал просил меня устроить им мою офицерскую палатку, которая не была растянута и оставалась в запасе на лафете потому, что я в этот раз довольствовался солдатской.

Мне приятно было после мечтать в этой палатке и угадывать тайны дум и скорби прекрасных пленниц.

Между тем в моей палатке сидел мой новый кунак уздень Али Шегур, приятного лица, пожилой черкес; он опасался выходить из палатки, чтобы его не узнали приезжавшие к нам бесленейцы и не разорили в ауле за горой, где находились его семейство и душ тридцать подвластных.

После он выпросил у генерала сотню казаков и четыре пары волов, с которыми ночью привез к нам в лагерь своих людей с тем, чтобы поселиться на Кубани.

Али Шегур рассказывал мне, что теперь всех бесленейцев не более 1500 семейств, баракаевцев и казылбеков по 200 семейств каждого. Бесленейцы живут по Лабе около горы Ахмат: казылбеки же и баракаевцы, принадлежащие Казыл-Беку и Татархану, живут гораздо выше на речках, составляющих вершину Лабы и под снеговыми горами.

Аул Казыл-Бека стоит на левом берегу Лабы, против разоренного аула Али Кара-Мирзы. Далее за казылбеками на день езды, в самых неприступных ущельях снеговых гор на малых речках, впадающих в Лабу, – Ходзе, Урупе и Зеленчуке, живет бедный дикий народ мадовеи, около 200 семейств.

Генерал, возвратившись из ущелья, вскоре лег и спал до следующего утра; князь Бекович, Коцарев и все ходившие с ними, тоже спали как убитые, потому что мы в три ночи прошли 105 верст, а они 140; так было им отчего спать.

Офицеры говорили, что Коцарев, не желая успеху¹, нарочито распустил слухи, будто аул ушел, и генерал не решался идти сюда в последнюю ночь от речки Окарт; только майор Дыдымов, знавший хорошо Коцарева, упросил Бековича не верить этим слухам, а Бекович убедил генерала идти» (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.77-78).

Подробный рассказ И. Раджицкого о гибели аула Али Карамурзина хорошо дополняют воспоминания черкесов, записанные А. А. Прорещавским «в Ульском ауле со слов Хаджи Шогенова и Султана Шахин-Гирея» (Утверждение русского владычества, 1904, стр.194). Хотя, как к любым устным преданиям, записанным спустя долгие годы после описываемых событий, относиться к ним стоит с известной степенью недоверия...

Прочитав эти записки, нам становится понятным почему «открытый черкесами и поздно пришедший отряд» российских войск застал жителей аула Карамурзина на своем месте: «Еще накануне вечером, когда совершенно стемнело, в аул Карамурзина прискакал незнакомый всадник, весь закутанный башлыком и буркой. Он тихо постучал в оконце княжеской сакли, и, вызвав самого Карамурзина, отвел его в сторону.

– Я служу русским, – сказал он, – но судьба детей и женщин твоего аула внушили мне жалость. Спасайте семьи. Сегодня или завтра нагрянут русские – их ведет Вельяминов.

Заметив на лице князя раздумье, он прибавил:

– Поступай, как знаешь. Я предупредил тебя и теперь еду к русским.

– Скажи, как твое имя? – спросил Карамурзин.

– Я бесленеевский уздень Крым-Гирей Давшоков, – отвечал незнакомец, и, ударив коня плетью, скрылся из виду.

Карамурзин тотчас собрал на совет стариков, но его никто не послушал.

«Сколько раз, – говорили они, – нас поднимали ночью, заставляли бежать и всегда напрасно; ни Вельяминов, ни Коцарев никогда не доходили до нас. Мы живем позади бесленеевцев, которые не пропустят русских, да и русские не пройдут мимо, чтобы их не ограбить; следовательно, уйти всегда будет время». Карамурзин уступил эти доводам.

¹ По словам И. Раджицкого «Настоящая фамилия его была Казара...он происходил из греков, поселившихся в Полтавской губернии...но сам выдавал себя всегда за родственника известного генерала Мелиссино. Кацырев был человек суровый, скрытный и нелюдимый. Он был очень завистлив к успехам других и не терпел князя Бековича-Черкасского, когда тот стал выдвигаться на Кубани своими боевыми подвигами» (Потто, 1994, стр. 425-426).

«Хорошо, – сказал он, – я останусь с вами. Но если меня сегодня убьют, то передайте всем, что Крым-Гирей Давшоков предупреждал вас» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 191-192).

В это время Давшоков возвратился к отряду Вельяминова и сообщил, что аул Карамурзина пуст. Но, как мы уже знаем, Вельяминов не поверил его докладу и впоследствии записал в журнале боевых действий отряда об этом так: «Известие это показалось мне странным; я усомнился в нем, потому что войска шли по ночам и весьма скрытно; правда, хотя и за всем тем движение их могло быть как-нибудь замечено или открыто посредством армян, торгующих на меновых дворах, но намерение мое напасть на аул Али Карамурзина никак не могло быть известным, ибо множество других аулов имели столько же причин опасаться нашего нападения.

Я решился идти далее с тем, что если не удастся напасть на аул, то, по крайней мере, заставить его совсем уйти к абадзехам, где кабардинцы находятся в весьма стесненном положении» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 192).

В это время к Вельяминову подъехал другой лазутчик – Шавгуров (Али Шагур из записок Раджицкого) и шепнул ему на ухо: «Не верь Давшокову: он изменник и лжет. Я сейчас поеду сам и узнаю правду; никто не мог предупредить Карамурзина».

К вечеру он вернулся и сообщил, что аул стоит на месте. Давшокова арестовали и затем повесили, а Вельяминов, как мы уже знаем, двинул к аулу 350 линейных казаков под начальством Бековича-Черкасского, «приказав ему как можно скорее обложить аул и держать его в блокаде до прибытия пехоты». (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 192-193).

Еще один источник, дополняющий рассказ И. Раджицкого о разгроме аула и судьбах его обитателей, – адыгские исторические песни-«гъыбзэ».

В одной из них уздень Шумаф Шогенов, «видя, что все вокруг гибнет», взял на руки своего двухлетнего сына Измаила, привязал к его руке свою «заветную, не знавшую промаха золоченую винтовку «череджаб» (название винтовки – искаженное имя известного черкесского оружейника Ериджибока – Авт.) и со словами: «Аллах, в твои руки предаю их», бросил в глубокую пропасть. А свою дочь – «красавицу Кошехероей, он защищал до последних минут жизни» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 194).

Дальнейшая судьба двух детей узденя Шогенова была разной. В рапорте Вельяминова от 22 апреля 1825 года, где был приведен поименный список всех пленных и в котором есть имена других

членов семьи Шумафа Шогенова, девушка с таким именем не значится.

А вот его двухлетний сын Измаил выжил. Через три дня после ухода русских войск, его случайно обнаружили черкесы висящим над пропастью и зацепившимся отцовской винтовкой за куст. Провисев много времени без пищи и воды, он «казался мертвым», но был «возвращен к жизни». После завершения Кавказской войны он проживал в Ульском ауле Кубанской области.

10 апреля 1825 года отряд Вельяминова, нагруженный пленными и добычей, потеряв за весь поход троих раненых казаков, «из которых двое вскоре умерли», вернулся в Прочный Окоп (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 195).

Общие итоги этой экспедиции генерал Вельяминов представил А. П. Ермолову в рапорте от 19 апреля 1825 года: «Кто не был сам на месте пепелища, тот почитает сказкой, чтобы 350 казаков могли пройти через такие неприступные места и сделать такое страшное опустошение.

К сожалению, погибло много простого народа, женщин и детей. Всеобщий испуг был тому причиной. Все жители без памяти бросились под защиту вооруженных», и казаки, сражаясь с ними, невольно убивали и тех, кого надо было бы спасти. Многие погибли, пытаясь перебежать на другую сторону Лабы, но, увлеченные быстрой водой, тонули» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 195).

Что же касается приведенных русским отрядом черкесских пленнх, то с ними «было поступлено обычным порядком» – мужчин разослали на крепостные работы, а женщин и детей раздали в казачьи семьи.

Описанные выше ужасы гибели аула Карамурзина, привели к тому, что, когда генерал А. П. Ермолов, получив донесение о погроме «беглых кабардинцев», представил Бековича к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени «за предприятие отлично смелое и самым удачным образом исполненное», то император Александр I не утвердил это представление.

«Если распоряжения его к первоначальному нападению и заслуживают награды, – писал царь в рескрипте от 29 сентября 1825 года Ермолову, – то, с другой стороны, он теряет право на нее тем, что благоразумно начатое дело было окончено совершенным истреблением более трехсот семейств, в коих, конечно, большая часть были женщины и дети, не принимавшие участия в защите... Умение удержать подчиненных в должном повиновении при победе, равно как и в несчастии, – продолжал император, – есть из первых достоинств военачальника, и я не намерен награждать тех, кои не действуют в сем

важном случае во всей точности моих повелений» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 195-196).

Тем не менее, уничтожение аула Карамурзина стало очень значимым событием в истории Кавказской войны на Кубанской Линии.

Генерал А. А. Вельяминов, как мы уже знаем, «почитал это сказкой», историк В. А. Потто отмечал, что «никогда еще кабардинцы не терпели такого страшного поражения, нанесенного столь ничтожной горстью людей».

Именно поэтому покойный доктор исторических наук В. Х. Кажаров из Нальчика сильно усомнился в картине этих событий, представленной в трудах дореволюционных авторов...

В своей статье «Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны» (Кажаров, 2014, стр. 30-89), на основе анализа старинной адыгской песни «Лабэдэсхэм я гыбзэ» («Плач жителей Лабы»), он утверждал, что «...сведения Потто о силах, уничтоживших аул князя Карамурзина, и неучастии в этой операции отряда Вельяминова на самом деле следует признать сказкой» (Кажаров, 2014, стр. 65).

Но на какой основе он сделал такой вывод?

В первую очередь на идеализации воинских качеств кабардинских дворян, которые «даже застигнутые врасплох, оказали бы казакам столь мощное сопротивление, что их первоначальный успех обернулся бы для них неминуемым поражением. В русских источниках отмечалось, что по своим боевым качествам 100 кабардинских узденей превосходят 500 казаков и что «никакое нерегулярное войско с кабардинцами сравняться не может» (Кажаров, 2014, стр.65).

По мнению В. Кажарова «...все началось не с нападения «горсти» казаков, а с артиллерийского обстрела, который разбудил спящее село, внес наибольшее смтение среди его жителей и причинил им самый значительный урон, сделав невозможным их организованное сопротивление».

В песне есть такие слова: «О, гяуры проклятые, вашим пушкам зеленым большим Ахмет-гора эхом отвечает». Это значит, что 18 орудий с горы Ахмет в упор расстреливали аул. Затем в дело вступили регулярные части - пехотинцы («сэлэтыжхэр») и драгуны («дырэгунхэр»), сопровождаемые боем барабанов:

Разбудили нас рано барабаны,
На горе – гяуры в свиных чевяках.
От грохота их барабанов
Красная Ахмет-гора гудит.

В песне также неоднократно упоминаются штыки («фочыпэбж») – атрибут вооружения опять же регулярной пехоты:

«Не в обычае у нас, чтоб женщин

Остриями штыков кололи!» –

Так сказав, бросилась на штыки

Дочь Шогеновых Гошехурей».

Также в тексте песни устами женщин говорится, что:

«Нас же берут в наложницы

Усатые драгуны».

В то же время ни в одной из версий этой песни не говорится о казаках, которые упоминаются во всех «гъыбзэ» времен «Кавказской войны», как «къэзакъыжхэр» – «казаки поганые» (Кажаров, 2014, стр.69-70).

Отсюда В. Х. Кажаров сделал вывод, что 350 линейных казаков князя Бековича никак не могли в течение двух часов уничтожить весь аул, являвшийся «целым городом», убить свыше 1000 человек, «отбить скота и лошадей свыше 4000 голов, взять в плен 139 душ и потом безнаказанно уйти от подошедших к аулу на помощь трехсот кабардинцев».

Все это сделали регулярные войска (пехота и артиллерия) из отряда Вельяминова, «причем в гораздо большем количестве, чем это отмечено у В. А. Потто» (Кажаров, 2014, стр.71).

Мы, в свою очередь, можем сказать, что в своей статье В. Кажаров, по любому поводу используя слова «военное преступление», «мирное население», «уничтожение беззащитных людей», «убийство женщин и детей нельзя оправдать никакой военной или политической целесообразностью», «невиданный (по крайней мере, со времен татаро-монгольского нашествия) случай массового уничтожения беззащитных людей»¹, существенно исказил реальную историческую картину.

Во-первых, из-за того, что он не был знаком с записками И. Раджицкого, которые повествуют об этих событиях правдиво и непредвзято. И, напомним, именно из-за такого подхода к историческим фактам, записки Раджицкого так и не были опубликованы...

Во-вторых, В. Кажаров, когда писал свою статью, видимо не удосужился познакомиться с техническими возможностями

¹ С этим никто не спорит, но таких же фраз в отношении пограничного российского населения – погибших или уведённых в плен женщин и детей из казачьих станиц, хуторов, крестьянских сел, национальные авторы никогда не говорят. Но при этом они имеют смелость утверждать, что «к таким методам ведения войны, как вероломное нападение на спящих жителей и поджог жилищ», черкесы «не прибегали даже в самых экстраординарных случаях» (Кажаров, 2014, С.67).

русской артиллерии той эпохи. Втащить на высокую и крутую гору Ахмет (авторы лично бывали в ее окрестностях и могли лично оценить крутизну ее склонов – Авт.), куда казаки поодиночке поднимались «по едва приметной тропинке», все 18 полевых¹ пеших и конных орудий отряда, установить их там, как и стрелять из них вниз, под отрицательным углом возвышения, тогдашним пушкам, в силу своей конструкции, было невозможно.

В-третьих, никаких «драгунов» в отряде Вельяминова не было.

В-четвертых, «на войне и не такое бывает», взгляд В. Кажарова на события, произошедшие в ночь с 4 на 5 апреля 1825 года на Лабее, явно предвзят и, как известно, к устному народному творчеству, к песням, записанным через десятки лет после описываемых в них событий, стоит относиться с известной степенью доверия...

Но мы, впрочем, снова вернемся к событиям 1825 года.

Прошло немного времени и, в ответ на разгром аула Карамурзина и смерть самого князя, закубанские горцы отомстили двум черкесским лазутчикам отряда Вельяминова. Кровомстителями для двух проводников отряда – Шавгурова (Шагура) и Астемирова (Астемира) стали племянники убитого князя Карамурзина – «беглые кабардинские князья» князья Кучук Аджи-Гирей и Магомет Атажукин (последний, до своего побега в горы, сам служил у русских лазутчиком).

Сперва Магомет Атажукин подстерег Шавгурова (Шагура), когда тот выехал из своего аула и положил его на месте выстрелом из винтовки. По княжескому обычаю он снял с убитого его оружие, положил возле тела, накрыл Шагура буркой и, стреножив коня, пустил его возле.

Один мирной кабардинец случайно наткнулся на убитого и поднял тревогу. Из аула выскочили жители, никого не нашли, но все поняли что это была месть за Довшокина (Давшокова) и Карамурзина...

Затем Кучук Аджи-Гиреев, среди белого дня, угнал в горы табун, принадлежавший Астемиру. Астемир догадался, что Аджи-Гирею вовсе нужны не его лошади и сразу понял, зачем приезжал его кровник.

С несколькими нукерами он пустился в погоню. Табун они скоро настигли и, увидев Аджи-Гирея, Астемир крикнул ему: «Ты приехал за моей жизнью, так бери же ее, если можешь»!

¹ Важен тот факт, что это были именно полевые орудия с тяжелыми и неразборными лафетами. Первое упоминание специальной горной артиллерии в боевых действиях на Северо-Западном Кавказе – 3-фунтовых горных единорогов и 6-фунтовых кегорновых мортирок, относится к 1828 году, к экспедиции генерала Г. А. Емануэля для покорения Карачая.

Тогда, по старому адату, княжеские уздени отъехали в сторону, и оба противника понеслись друг на друга. Их одновременные выстрелы из винтовок прошли мимо цели, но выстрел Аджи-Гирея из пистолета убил Астемира наповал (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 197-198).

Прошли годы, Илья Тимофеевич Раджицкий уже покинул Кавказ, но события, произошедшие в апреле 1825 года возле Ахмет-горы, не шли у него из головы. В конце концов, они воплотились в «черкесскую повесть в стихах «Али Кара-Мирза», которая была опубликована им в Москве в 1832 году.

И хотя сам И. Раджицкий свою поэму называл «безделкой» и «плодом часов отдохновения от важнейших занятий по службе», она, по мнению литературных критиков, «может быть поставлена в один ряд с лучшими произведениями русской литературы», написанными в начале XIX века и «посвященными Кавказу...» (Колосовская, 2015, стр. 50).

Поэма «Али Кара-Мирза» была написана И. Раджицким в модном тогда стиле романтизма. Вслед за А. С. Пушкиным, он рисует образ гордых и свободолюбивых черкесов, живущим по обычаям «горной и лесной свободы»¹:

«Им мило жить всегда в горах,
Без принуждения, по воле,
Летать орлами в чистом поле,
Ловить добычу, промысл знать:
Губить, жечь, грабить, разорять,
Не знать суда иной расправы,
Как острый при бедре булат –
Такие у черкеса нравы» (Раджицкий, 2002, стр. 36).

Но, с другой стороны, И. Раджицкий, российский офицер, показывает «совсем неромантичные» набег горцев на Кавказскую Линию:

«...Иной скрылся за кустами,
Караулить у дороги,
И завидя, как с волами,
Едет сонный, свесив ноги,
Гикнет мигом из засады,
Нападает на сонливых,

¹ Весьма характерная мысль по этому поводу была сказана Владимиром Броневским в своей книге «История Донского войска. Описание Донской земли и Кавказских минеральных вод» (СПб., 1834). В ее 4-й части - «Поездка на Кавказ», в главе «Нечто о черкесах» - есть фраза о том, что «...Едва ли есть на земном шаре другой народ, который бы с большим упорством защищался и с большею наглостью посягал на утеснение своих соседей и ближних» (Броневский, 1834, стр. 83-84).

И за подвиг свой в награды
В плен уводит баб трусливых...».
«...Ни проезда, ни прохода
Нет урусам по дороге;
В поле страшна им работа,
А в станицах все в тревоге:
Табуны там угоняют,
Дым клубится от пожара,
Там марушки пропадают –
И виной всему был Кара!» (Раджицкий, 2002, стр. 12).

И, как ответ на горские набеги, в следующей, «третьей песне» своей повести – «Появление мстителя», автор воспекает действия генерала Алексея Петровича Ермолова, грозного «проконсула Кавказа»:

«...Кавказа снежные вершины,
Двуглавый Казбек вековой,
И страшны Терека пучины
Смирились под его пятой.
Хребет нагорный раздвоился,
Мостами Терек укротился,
В ущельях ветер, не смеет дуть!
Где он идет – свободен путь...».
«Смотрите чудное явление:
Потрясся холм, и дол, и лес,
Вздрыгнула с ним сама Природа!
То бич кавказского народа –
Исчезли для черкес мечты...
Вождь силы грозной – это ты!» (Раджицкий, 2002, стр. 14).

И, в конце концов, Кабарда, после ожесточенного сопротивления, была усмирена Ермоловым, а часть ее жителей спасается бегством за Кубань:

«Спаслись они от злой беды,
Но не спасли всей Кабарды!»

В «девятой песне» автор описал разорительный набег «закубанских народов» на казачью станицу, в котором принял участие кабардинский князь Али-Кара-Мирза вместе со своими подвластными.

Но, на обратном пути к Кубани, горцы были разбиты «урусами» и у молодой жены князя Кармурзина, которая получила от него в подарок двух пленных женщин-казачек, «предчувствием сердце страдает»:

«Уж там от урусов явились беды:
Аул разорили соседний,

Дождется и Кара своей череды!
Набег тот свершился последний...». (Раджицкий, 2002, стр. 46).

«Десятая песня», названная «Поход русских», описывает скрытное движение к аулу князя Карамурзина отряда «сердитого генерала» Вельяминова, который:

«Пылая лютым, грозным мщеньем
Готовил закубанцам казнь.
Храня свой замысел в тайне строгой,
К Кубани он полки собрал:
Пришли: Тембот¹, Яким², и пушек много;
Пришел сердитый генерал».

Один из важных фактов, о котором И. Раджицкий ничего не сказал в своих записках, он вставил в свою поэму:

«Узнал Мирза. Ему князь темиргойский,
Мисост³ прислал такую весть,
Что враг урус собирает тайно войски,
И замысел в нем какой-то есть».

Но самоуверенный «Мирза-джигит с презреньем усмехаясь, сказал: «Пускай идут», собираясь приготовить для русских «вкусный пир» с угощением из их собственных ушей и голов...

Но, пока он так говорил, «урус уже шел»:

«...И в первый день,
Он на Уруп пришел под тень,
Над берегом, в дремучий лес,
И скрылся днем тут от черкес.
В другую ночь, в туман велик,
Прошел он скоро на Чалмык;
И тут в лесу весь день сидел,
Не вздул огня, не пил, не ел.
На третью он последнюю ночь
Явил свою джигиту мочь:

Прошел к Лаббе через леса,
Туда, где жил Али-Мирза». (Раджицкий, 2002, стр. 48-51).

«Одиннадцатая песнь» – «Поражение» описывает нападение русских и кровавый разгром кабардинского аула:

¹ «Полковник, князь Бекович-Черкасский, которого черкесы называют Темир-Булатом, или Темботом» (примечание И. Раджицкого).

² «Майор Дыдымов, бывший командир Кавказского казачьего полка, офицер, уважаемый черкесами под именем джигита Якима» (примечание И. Раджицкого).

³ «Мисост Айтеков, князь Темиргойский, живший на реке Лаббе, против крепости Усть-Лабинской» (примечание И. Раджицкого).

«Уж храбрый Тембот, неизменный джигит,
Казаков ведет за собой длинно-пиких,
Дух мщенья и злобы в сердцах их кипит,
Как в вебрях щетинистых страшных и диких».
И вот «...храбрый Тембот в тот аул, с трех сторон
С казаками вихрем для сечи ворвался!
Вдруг выстрел, вдруг пламя, крик с плачем и стон;
Удар за ударом, глас битвы раздался!
Пирует тут смерть!
Очнулись черкесы, не знают, что взять,
В безумье, от страха, к оружию стремятся;
Не знают себя-ли, детей-ли спасать,
Иль в саклях горящих с врагами сражаться!
Иной вдруг, спросонья, хватает кинжал,
Выходит для сечи полуобнаженный;
Иной без заряда, прицелясь, стрелял,
И падал без выстрела, пикой пронзенный.
Пирует тут смерть!
Так весь истребили урусы аул;
Что пика щадила, огнем пожиралось;
От сечи кровавой носился лишь гул;
Младенцев невинных, прекрасных их жен
Урусы, смягчаясь, едва пощадили;
Все взяли: оружие, злато и плен!
И триста джигитов с Мирзою погибли:
Так страшен урус!
С победой Тембот возвратился в свой стан.
Гордясь от мщенья урусы ликуют.
Но пленные плачут и стонут от ран,
О родине, милой свободе тоскуют.
О, сколь для черкесов ужасен был день!
Судьба так жестоко Мирзу наказала!
Исчезло их счастье, как беглая тень;
Исчезли надежды, что мило прельщали!
Так страшен урус!» (Раджицкий, 2002, стр.52-54).

И, в завершении нашей статьи, мы приведем два фрагмента из повести, в которых И. Раджицкий, устами рассказчика – горского князя Джембулата, сделал два вывода, к которым он пришел за время своей службы на Кавказе:

«Но кто виной? Не кабардинцы ль сами?
Кто раздражал урусов грабежами?
Их дружною зачем не дорожим?

Во вред себе мы им вредить хотим,
Но силы где, и что нам для защиты?
Толпы рабов и буйные джигиты!...»

Прекрасно понимая, что именно черкесские набеги на казачьи станицы и крестьянские села влекут за собой такие жестокие меры российского командования, И. Раджицкий, опять устами князя Джембулата, говорит о бесперспективности горского сопротивления:

«Ах! Зачем бессильным драться!

Лучше власти покоряться,

Чем буяннить, резать, жечь,

И без славы в прахе лечь!» (Раджицкий, 2002, стр. 18, 58).

Список литературы

Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Фонд 482 «Военные действия в Закавказье и на Северном Кавказе (Кавказские войны)» Оп.1. Д. 135 «Походные записки артиллериста в Азии с 1823 г. по 1831 г. Сост. полковник Раджицкий». 194 л.

РГВИА. Фонд 13454 «Штаб войск Кавказской Линии и в Черномории расположенных» Оп.8. Д.18. «Рапорт исправляющего должность главного пристава закубанских народов штабс-капитана Венеровского командующему войсками на Кавказской Линии и в Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову, за ... (дата написана нечетко) сентября 1835 г.».

Бейтуганов, С. Н. (2007) *Кабарда: история и фамилии*. Нальчик: Издательство «Эльбрус».

Броневский, В. Б. (1834) *История Донского войска. Описание Донской земли и Кавказских минеральных вод*. СПб.: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг.

Кажаров, В.Х. (2014) *Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны. Адыгские песни времен Кавказской войны*. Нальчик: Издательство «Печатный двор».

Колосовская, Т.А. (2015) *Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII - XIX вв.* М.: Издательство «Каллиграф».

Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. / Под редакцией генерал-майора Потто (1909). Выпуск 2. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа.

Потто, В. А. (1994) *Кавказская война. Ермоловское время (Т.2)*. Ставрополь: Издательство «Кавказский край».

Раджицкий, И. Т. (2002) *Али-Кара-мирза. Черкесская повесть в стихах*. Нальчик: Издательство журнала «Адыгэ Хэку».

Толстой, В. С. (2000) *Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать*. Сборник Русского исторического общества. Россия и Северный Кавказ. Т.2 (150). М.: Издательство «Русская панорама»

Утверждение русского владычества на Кавказе: к столетию присоединения Грузии к России. 1801-1901. (1904) Под руководством Н.Н. Белявского; под редакцией В. А. Потто. Том III «Время Алексея Петровича Ермолова: 1816–1826». Часть вторая. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа.

THE DEMOLITION OF KABARDIAN REFUGEES OF PRINCE ALI KARAMURZIN IN THE LITERARY HERITAGE OF ILYA TIMOFEEVICH RADOZHITSKY

Boydenko S. V.

Boydenko, Svetlana Vladimirovna, Moscow 105203,
e-mail: ssoloczkaya@mail.ru

Skiba K. V.

Skiba, Konstantin Viktorovich, Armavir 352900,
e-mail: kv-220-85@mail.ru

In this article, a fragment of «Travel records of an artilleryman in Asia from 1823 to 1831» compiled by I.T. Radozhitsky (a Russian officer who participated in the Caucasian war) is for the first time fully published, studied and commented in details. The events described by I. Radozhitsky took place during a military raid forayed by General A. Velyaminov in April 1825 against the so-called «Kabardian refugees» who lived across the Kuban river and the defeat of the Prince Ali Karamurzin's village («aul»). These historical facts were later used by I. Radozhitsky in his «Ali Kara-Mirza, a Circassian novel in verse» which was published in Moscow in 1832.

Key words: Ilya Timofeevich Radozhitsky, Caucasian War, Kuban border line, General A. Velyaminov, Kabardian Prince Ali Karamurzin, Kabardian refugees, linear Cossacks.

References

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (dalee RGVIA). Fond 482 «Voennye dejstviya v Zakavkaz'e i na Severnom Kavkaze (Kavkazskie vojny)» Op.1. D. 135 «Pohodne zapiski artillerista v Azii s 1823 g. po 1831 g. Sost. polkovnik Rodozhickij». 194 l.

RGVIA. Fond 13454 «SHtab vojsk Kavkazskoj Linii i v CHernomorii raspolozhennyh» Op.8. D.18. «Raport ispravlyayushchego dolzhnost' glavnogo pristava zakubanskih narodov shtabs-kapitana Venerovskogo komanduyushchemu vojskami na Kavkazskoj Linii i v CHernomorii gospodinu general-lejtenantu i kavaleru Vel'yaminovu, za ... (data napisana nechetko) sentyabrya 1835 g.».

Bejtuganov, S. N. (2007) *Kabarda: istoriya i familii*. Nal'chik: Izdatel'stvo «EHL'brus».

Bronevskij, V. B. (1834) *Istoriya Donskogo vojska. Opisanie Donskoj zemli i Kavkazskih mineral'nyh vod*. SPb.: Tipografiya EHkspedicii zagotovleniya Gosudarstvennyh bumag.

Kazharov, V.H. (2014) *Pesni, islam i tradicionnaya kul'tura adygov v kontekste Kavkazskoj vojny. Adygskie pesni vremen Kavkazskoj vojny*. Nal'chik: Izdatel'stvo «Pechatnyj dvor».

Kolosovskaya, T.A. (2015) *Rossijskie voennye v sociokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza XVIII - XIX vv*. M.: Izdatel'stvo «Kalligraf».

Pamyatniki vremen utverzhdeniya russkogo vladychestva na Kavkaze. / Pod redakciej general-majora Potto (1909). Vypusk 2. Tiflis: Tipografiya SHtaba Kavkazskogo voennogo okruga.

Potto, V. A. (1994) *Kavkazskaya vojna. Ermolovskoe vremya (T.2)*. Stavropol': Izdatel'stvo «Kavkazskij kraj».

Radozhickij, I. T. (2002) *Ali-Kara-mirza. CHerkesskaya povest' v stihah*. Nal'chik: Izdatel'stvo zhurnala «Adygeh Hehku».

Tolstoj, V. S. (2000) *Biografii raznyh lic, pri kotoryh mne prihodilos' sluzhit' ili blizko znat'. Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Rossiya i Severnyj Kavkaz. T.2 (150)*. M.: Izdatel'stvo «Russkaya panorama»

Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze: k stoletiyu prisoedineniya Gruzii k Rossii. 1801-1901. (1904) Pod rukovodstvom N.N. Belyavskogo; pod redakciej V. A. Potto. Tom III «Vremya Alekseya Petrovicha Ermolova: 1816–1826». Chast' vtoraya. Tiflis: Tipografiya SHtaba Kavkazskogo voennogo okruga.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ АСТРАХАНИ В ГРОЗНЫЙ И ОБРАТНО: ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ¹

Романова А. П.

Романова Анна Петровна, Астраханский государственный университет.
Гуманитарный институт. 414056, г.Астрахань, ул. Татищева 20 а.
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Статья представляет собой небольшой травелог, как результат путешествия автора в Чечню после более чем двадцатипятилетнего отсутствия на родине. На основании прошлых воспоминаний и сравнения их с современными реалиями, автор пытается проанализировать изменения в современном культурном ландшафте республики. Автор соотносит увиденное со своими научными исследованиями последних лет в области кавказского фронта. Эссе иллюстрировано собственными фотографиями автора.

Ключевые слова: травелог, Чечня, новации, традиции, фронтирные личности, кавказский фронт.

Грозный – моя родина. Я здесь выросла, закончила среднюю школу в самом центре города, что замыкала собой когда-то старое здание Нефтяного института. Он был одним из лучших учебных заведений страны, в нем учились мои родители и работала я после специалитета и аспирантуры МГУ. Грозный был городом моего детства, наполненным смехом, играми, друзьями, надеждами, буйной зеленью, из которого я окончательно уехала летом 1991 г. В это время к власти уже пришел Джохар Дудаев и обстановка в республике обострилась. Я уехала в соседнюю Астрахань и о ситуации в Чечне узнавала из СМИ, да от друзей, которые сначала выбирались, а потом просто убегали от войны. Студенты из Чечни, учившиеся у нас в Астраханском государственном университете, привозили фотографии разрушенного города, разбитых домов, ощерившихся провалами окон, разрухи и беды. Все это убедило меня в том, что города моего детства больше нет.

Я не была в Грозном практически более 25 лет. Друзья звали на конференции и юбилеи, но я не хотела ехать. Сначала я просто боялась отголосков войны, ненависти и обид, той сгустившейся, застоявшейся атмосферы горя и невозвратимости утраты, которая

¹ Работа выполнена по государственному заданию No 35.6373,2017/БЧ «Построение модели функционирования традиций и инноваций в пространстве фронта»

витала там все военные годы. Потом, когда вернувшиеся из Грозного коллеги убеждали меня в абсолютной безопасности поездки, поняла что боюсь уже несколько другого – соприкоснуться со «своим-чужим» городом. Понятно, что любой город через четверть века меняется порой очень кардинально, но в основном, как мне казалось, не так и не по таким причинам.

Но вот на глаза моим коллегам проф. Бaeвой Л.В. и доценту Алиеву Р.Т. попала информация о конференции в Чеченском государственном педагогическом университете, посвященной проблемам безопасности, которыми мы занимались уже много лет, и мы решили поехать. Грела мысль о встрече с друзьями, но страшила встреча с городом. Больше всего я боялась пройти по родному проспекту Победы и уткнуться в обезличенные стекло и бетон. Однако встреча с Грозным меня ошеломила. Уже подъезжая к Грозному, на станции Гудермес мы не могли отвести глаз от светящихся минаретов местной мечети. Яркими огнями небоскребов встретил нас и ночной Грозный. Интересно, что именно ночь в Грозном стал объектом популярных туристических маршрутов из района Минеральных вод.

Грозный-сити и мечеть «Сердце Чечни». Фото автора

Когда я увидела Грозный, мне захотелось назвать его *своей* гетеротопией*, прежде всего потому, что этот город изменился именно для меня, он стал *другим* пространством по отношению к городу моих воспоминаний. В центре города – Грозный –сити, небоскрежное пространство в стекле, бетоне и огнях. К нему примыкает большой цветочный парк с зелеными скульптурами, пальмами, ночной иллюминацией. Рядом – мечеть «Сердце Чечни» – одна из самых больших в Европе, внутри которой нам тоже удалось побывать. Через дорогу – мемориал памяти жертвам в борьбе с терроризмом. Символично, что этот совершенно новый архитектурный комплекс – построен на месте уничтоженных зданий обкома КПСС и Совета министров.

Ощущение дежавю и одновременно гетеротопности пространства вызвал бывший проспект Победы, ныне В. Путина. Большая часть домов, среди них и дом, где я жила, отреставрированы почти в первоначальном виде, сохранился бульвар в центре улицы.

Мой дом на проспекте В. Путина (бывший п. Победы) Фото автора.

Однако при ближайшем рассмотрении понятно, что это еще и частичная реконструкция. Достаточно посмотреть на башенку с часами на моем доме, раньше она выглядела иначе. На первых этажах

* Гетеротопия – термин М.Фуко, обозначающий *другое* культурное пространство.

домов бутики, кафе во французском стиле. И ты понимаешь, что идешь по «своему/другому» городу.

Салон на проспекте В.Путина. Фото автора.

Очень странное и щемящее чувство. Я узнавала и не узнавала дома, где жили друзья, где мы бывали в гостях, куда я ходила на уроки музыки. Моя приятельница из прошлого, а ныне зав. кафедрой информационных технологий Грозненского государственного нефтяного технического университета Наталья Алексеевна Моисеенко, провезла нас по городским улицам и мы вспоминали, что здесь было когда-то, а что исчезло безвозвратно. Больше всего было жалко окончательно утраченные ныне библиотеку Чехова, здание ГНИ, где мы работали и старый Кировский парк.

*Здание Грозненского нефтяного института до войны.
Фото автора.*

Грозный и в советское время был зеленым, красивым городом, с достаточно ухоженным центром, сталинскими домами в районе двух главных проспектов – Революции и Победы. Однако раньше мне всегда не хватало в нем историко-культурного ландшафта, исторических маркеров, которыми отличались многие российские города и в частности Астрахань: крепостей, исторических построек и памятных мест.

Каюсь, живя и работая в Грозном, я недостаточно интересовалась историей и культурой Чечни и Кавказа в целом. Сфера моих научных интересов лежала в несколько иной плоскости. По прошествии многих лет, занимаясь фронтирными исследованиями, по совету проф. С.Н.Якушенкова, я обратила свое внимание на Кавказ. Правда сделала я это с некоторой опаской, поскольку понимала, что термин «кавказский фронт», впрочем, как и само понятие фронта воспринимались многими отечественными исследователями неоднозначно. (Голованова, Шнайдер 2012) Часть исследователей,

такие как Шеуджен Э.А. (Шеуджен,2006) , уверенно отрицали правомерность применения этого понятия по отношению к Кавказу прежде всего на том основании, что главной характеристикой фронта считается соприкосновение зон дикости и цивилизации, а Кавказ на тот момент с точки зрения исследователя был самостоятельной цивилизацией. Другие активно используют этот термин (Баррет, 2000), что позволяло им рассмотреть период кавказских войн не только с позиции ведения боевых действий и постройки укреплений, а как территорию активных межкультурных коммуникаций.

Занятия фронтирными исследованиями подвели нашу научно-исследовательскую группу в 2016 г. к созданию словаря «Личности российского фронта» (2016), в который вошло немало исторических личностей, в том числе и представлявших кавказский фронт. Мое путешествие в Чечню оказалось неожиданным для меня соприкосновением с историческими местами или их отсутствием, связанными с фронтиром и фронтирными личностями, о которых я недавно писала.

Конечно, в Грозном в советское время были памятники, но в основном они принадлежали XX веку. Из культурных маркеров более раннего времени в Грозном был памятник Александру Ивановичу Полежаеву, опальному поэту, участнику кавказской войны, бретеру и скандалисту, сосланному на Кавказ за поэму «Сашка», короче-фронтирной личности. Здесь, на Кавказе он увлекся местной культурой и написал ряд поэм, описывающих горский быт и историю: Эртели (1830) и Чири-Юрт (1832) , а так же серию лирических стихов (Полежаев,1987). Судьба Полежаева была печальна, он, как и многие из его талантливых современников, связавших свою жизнь с Кавказом, умер молодым. Памятник стоял в сквере возле здания Грознефти рядом с домом, в котором жили мои бабушка с дедушкой. Он ассоциируется у меня с моим дедом, который гулял с маленькой мною в этом садике.

Был еще один знаковый памятник, связанный с историей Грозного – это бюст основателю города проконсулу Кавказа Ермолову Алексею Петровичу. Первоначально рядом с памятником сохранилась еще землянка генерала, но я уже помню его спрятанным за сплошной кирпичной стеной. Памятник Ермолову периодически уничтожался и восстанавливался, поскольку фигура военачальника была весьма «дискуссионной» для вайнахских народов. Окончательно памятник был уничтожен в 1989 г. Памятник Полежаеву тоже не сохранился.

Сейчас в облике Грозного достаточно культурных маркеров. Ими становятся, во-первых, вайнахские – башни. Они теперь

встречаются в Чечне не только, например, как исторический памятник в Итум-Кале, но и как культурные симулякры* – практически на каждом шагу. Баши стали основой облика нового здания национального музея, обозначают вход на чернореченское водохранилище, находятся на игровых детских площадках и т.д..

*Национальный музей Чеченской республики.
Фото автора*

Кстати о музее. В советское время в двух музеях Грозного – краеведческом и изобразительных искусств была очень неплохая коллекция артефактов, и при посещении музея было приятно осознать, что ее значительная часть сохранена или выкуплена на аукционах. Новое здание национального музея имеет не только оригинальный фасад, но и впечатляющее экспозиционное пространство. Этот музей – два в одном. Часть экспозиций занимает археология и этнография, а центральный зал под куполом отдан картинам. Я поймала себя на том, что через много лет узнаю многое и не могу сдержать радостных комментариев, что привлекло к нам девушку-экскурсовода. Она

* *Симулякр* — это постмодернистский термин, обозначающий изображение без оригинала, репрезентацию чего-то, чего на самом деле не существует, как например фотография или макет объекта.

объяснила, что около 60 картин еще находится в Москве на реставрации, в том числе и известная картина Ф.Рубо «Взятие аула Гуниб и пленение Шамиля 25 августа 1959». В экспозиции я увидела автопортрет еще одной фронтирной личности - интересного художника с трагической судьбой – П.З. Захарова-Чеченца. Он был найденышем, по сути жертвой Кавказской войны, с семилетнего возраста воспитывался в семье двоюродного брата проконсула Кавказа Петра Николаевича Ермолова.

Об этой ситуации позже в поэме «Мцыри» упомянул М.Ю. Лермонтов:

*«Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез...»*

Увидев ранние способности ребенка к живописи, генерал дал ему хорошее художественно образование в Петербургской Академии художеств. Впитавший в себя традиции европейской культуры, высоко оцененный К. Брюлловым, П.З. Захаров, крестник генерала А. Ермолова, будучи истинным человеком фронта, несмотря на то, что был воспитан вне родной культуры, всегда осознавал свою этническую идентичность – рядом со своей фамилией писал – «чеченец». Судьба его тоже фронтирна. Став академиком живописи, написав портреты Ермолова, Лермонтова, Муравьева, получив признание, женившись по большой любви на дочери известного Московского врача И.В. Постникова, он через несколько месяцев после свадьбы вслед за женой в тридцатилетнем возрасте умирает от чахотки.

*Автопортрет П.З. Захарова-Чеченца.
Фото автора*

Вторым культурным маркером Чечни становится мусульманская атрибутика и это, прежде всего мечети. Я не помню мечети в советском Грозном, и не нашла об этом упоминаний в интернете. Да и православная церковь была, по-моему, тоже одна на проспекте Ленина, кстати, она восстановлена и сейчас функционирует. Сейчас мечети построены практически во всех районах Грозного и Чечни, и каждая из них по-своему оригинальна и красива. Нам довелось побывать внутри «Сердца Чечни» и полюбоваться меняющей цвета мечетью в Аргуне.

*Мечеть в городе Аргун, меняющая свои цвета.
Фото автора.*

Последний день нашей поездки был потрясающим. Небо благоволило нам и послало солнечную теплую погоду. Мои друзья, с которыми я работала в Грозненском нефтяном институте, проф. М.М. Ибрагимов и доц. С.Х. Улубаев повезли нас в горы и показали ряд исторических и культурных мест, с которыми я, ранее не была знакома.

Надо сказать, что в Чечне успешно справились по крайней мере с одной российской бедой – дорогами. Первое, что поразило меня, распространение почти европейского качества дорог не только в столице, но и в горных районах Чечни, что позволило нам объехать достаточное количество населенных пунктов.

Нашим гидом был доктор исторических наук, профессор Муса Муслимович Ибрагимов. Это был экскурс и по местам его детства, и по памятным историческим местам Чечни.

Проезжая мимо Сержень - Юрта, где практически вся советская городская молодежь, в том числе и ваша покорная слуга, отрывалась летом в пионерских лагерях - «Дружба», «Светлячок» и т.д., я поняла, что это до настоящего момента был конечный пункт моего знакомства с горными районами республики. Выше по дороге в горы я никогда не поднималась. Я так и не смогла побывать в Итум-

Кале и это осталось неосуществленной мечтой. Минуя Сержень-Юрт, мы едем в Ведено. Часть детства и юности Мусы Муслимовича Ибрагимова прошла в школе-интернате в Ведено, и в любую погоду, в снег и в дождь, он ходил сюда на учебу по дороге, по которой мы ехали на машине по хорошему асфальту минут сорок. Он рассказывал, как маленьким мальчиком чуть не замерз в снегу, и я подумала, каким сильным внутренним стержнем и жаждой знаний обладало наше поколение.

Первое что бросилось в глаза при въезде в Ведено – сельский рынок с экзотическими вяленными тушами.

Рынок в Ведено. Фото автора

Аул Ведено является своеобразным фронтирным маркером не только для Чечни, но и для Кавказа в целом. Во время Кавказской войны, именно рядом с аулом была последняя ставка имама Шамиля, это была столица его имамата и, по сути, здесь война и закончилась. В Ведено сохранилась старая гарнизонная крепость, заложенная на излете Кавказской войны.

*Боевая башня крепости Ведено.
Фото автора*

Описания Ведено оставил военный историк Н.В.Волконский «Бывший аул Ведень лежал на правом берегу левого притока реки Хулхулау, при выходе его из лесистого и более или менее недоступного ущелья. Окруженный заповедными горными и лесными трущобами, он красиво покоился в долине, и только западная и восточная стороны аула были ограждены отвесными обрывами, круто ниспадавшими в глубокие овраги; кроме того, они были укреплены брустверами из плетней и туров, засыпанных землей... В середине аула был двор Шамиля, также обнесенный частоколом, а в середине этого двора — его дом, со всеми необходимыми службами, в том числе с кунацкой и гаремом. В том же дворе было здание для двухсот мюридов, составлявших конвойную команду имама». (цит.по Ходжаев 1998) В крепости располагались арсенал, мастерские. Надо сказать, что Ведено было на тот момент действительно пространством активных межкультурных коммуникаций. Здесь в особом скиту жили казаки, перешедшие на сторону горцев. В войске Шамиля и его обслуге были русские, украинцы, поляки, венгры. «Всем перебежчикам к Шамилю давали свободу и права гражданина (узденя) Имамата. Из бывших русских солдат были составлены артиллерийские команды и отдельный шамилевский батальон. Казаки же вместе с чеченцами служили в кавалерии». (Ходжаев,1998)

К настоящему моменту сохранились и отреставрированы боевая башня и стены крепости.

Реставрированная крепостная стена.

Фото автора.

Муса Муслимович Ибрагимов показал нам подземный ход к источнику, которым пользовались как обитатели крепости, так и ученики школы-интерната.

*Подземный ход к источнику в крепости Ведено.
Фото автора*

Рядом с крепостью располагается старинный парк, заложенный еще в середине XIX века. История крепости и парка связана непосредственно с именем еще одного фронтирного героя - абрека Зелимхана Гашмазукаева (Харачоевского). Абрек на Кавказе - это человек, ушедший в горы, давший обет на несколько лет отрешиться от всех родственных связей и заниматься разбоем. До 1901 г Зелимхан ведет семейный, вполне добропорядочный образ жизни. На путь абрека его толкнула ситуация умыкания невесты Зезак у брата Солтамурада, закончившаяся кровавой разборкой. Зелимхана по оговору сажают в тюрьму. Дед Зелимхана Бахо приезжал в Веденскую крепость просить за свою родню, но в ответ получил только оскорбление и вскоре умер. Зелимхан поклялся отомстить за смерть деда и становится абреком. Далее история Зелемхана становится достойной хорошего романа (Гатуев ,1930) и экранизации, что собственно и было осуществлено в 1929 г. режиссёром О.Фрелихом, в роли Зелимхана снялся осетин Ладо Бестаев.

Бежав из практически неприступной тюрьмы Грозного, Зелимхан пытается разрешить ситуацию с возвращением невесты брата силовыми методами. Зезак бежит из плена и позднее выходит за

Солтамурада замуж. Однако власти арестовывают семью Зелимхана – жену и детей, и они содержатся в той же крепости в Ведено. Зелимхан ночью проникает в неприступную крепость и заключает сделку с подполковником Добровольским, пообещавшим выпустить семью Зелимхана, но не сдержавшим своего обещания. Зелимхан, в свою очередь похищает сына Добровольского и только тогда обмен происходит. В ответ подполковник начинает репрессии не только против семьи Зелимхана, но и против всех односельчан. Кстати известность к Зелимхану приходит после громкого убийства одного подполковника в 1906 г. в перестрелке у Ведено. В парке возле крепости в 1908 г. был убит Зелемханом инициатор и ответственный за проведение антикрестьянского землеустройства в Чечне полковник Галаев.

Место в парке, где предположительно был убит Галаев. Фото автора.

В народе образ Зелемхана приобретает черты Робин Гуда. Рассказывают эпизод, как в руки Зелимхана попал знаменитый Ф.Шалапин, которого абрек попросил только спеть. Действия Зелимхана перерастают в настоящую партизанскую войну. Власти испуганы возросшим авторитетом абрека и интенсификацией его деятельности. Больше всего они боятся, что он станет «новым Шамилем». За голову Зелемхана назначается безумная по тем

временам сумма – 18000 рублей. По тем временам корова стоила около 60 рублей. В конце концов находится предатель, который сдает местопребывание Зелимхана и 27 сентября 1913 г. его жестоко убивают близ села Шали. Открытки с мертвым Зелимханом еще долго ходят в народе. О нем слагают песни, пишут книги, ставят фильмы. (Гудаев, 2011; Бибулатов, 2014. При советской власти Зелимхан превращается в героя национально-освободительной борьбы, революционера. В наше время в его родном селе ему поставлен весьма живописный памятник возле девичьего ручья.

Памятник Зелимхану в с. Харачой. Фото автора.

Возвращались обратно мы по дороге, проходящей через святое для чеченцев место село Хьаьжи-Эвла, в котором жил шейх Кунта-Хаджи Кишиев, и где захоронена его мать Хеди. Мы не стали фотографировать мавзолей, тем более что туда как раз прибыли паломники. В советское время имя Кунта-хаджи было под запретом, как и зикр, который он проповедовал. Поэтому еще одним финальным знаком перемен в Чечнее стал вот этот дорожный билборд.

Дорожный билборд. Внизу надпись – Пища и зикр-секреты нашего долголетия. Фото автора.

Уезжала я из Чечни с теплым чувством, что все-таки мой родной город есть. И я могу опять к нему прикоснуться, как к кусочку своего детства.

Список литературы

Барретт Томас, М. (2000). Линии неопределенности. Северокавказский «фронт» России. *Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Имперский период: Антология* / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, стр. 163-194.

Бибулатов, В. М. (2014). *Рыцарь чести*. Минводы. Подиграфпром.

Гатуев, Д. (1930). *Зелимхан*. Retrieved from: <https://www.litmir.me/br/?b=206082&p=1>

Голованова, С.А. & Шнайдер, В.Г. (2012) Концепция фронта в современной кавказоведческой литературе. *Вестник Адыгейского государственного университета*, сер 1. С.66-74

Гудаев, Л. (2011). *Абрек Зелимхан: факты и документы. Грозный*. ГУП «Книжное издательство».

Полежаев, А.И. (1987). *Стихотворения и поэмы*. М.: Советский писатель.

Хожаев, Д. (1998). *Чеченцы в Русско-Кавказской войне*. Грозный. Издательство «Седа».

Шеуджен, Э.А. (2006). Зона ли фронта Северный Кавказ? *Вопросы теории и методологии истории: сб. науч. Трудов*. Майкоп. Изд-во АГУ, вып. 5, стр. 3-15

JORNEY FROM ASTRAKHAN TO GROZNY AND BACK: A QUARTER CENTURY ABSENCE

Romanova A. P.

Romanova Anna Petrovna, Astrakhan State University. Institute for the Humanities. 414056, Astrakhan, Tatishchev St. 20 a.
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

The article presents a small travelogue as result of the author's journey to her native place Chechnya after more than twenty-five years absence. Comparing her old memoirs with the new impressions, the author analyses changes in the modern cultural landscape of Chechen republic. The author correlates her impressions with scientific research of the last years in the field of the Caucasian frontier. The narration is illustrated by the author's photos.

Keywords: travelogue, Chechnya, innovations, traditions, people of the frontier, Caucasian frontier.

References

Barrett, Thomas M. (2000). The line of uncertainty. The North Caucasus frontier of Russia. *American studies. Milestones in the historiography of recent years. The Imperial period: an anthology /Comp. M. David-Fox*. Samara, стр. 163-194.

Bikbulatov, V. M. (2014). *Knight of honor*. Minvody. Poligrafprom.

Gatuev D. (1930). *Zelimkhan*. Retrieved from: <https://www.litmir.me/br/?b=206082&p=1>

Golovanova, S. A. & Schnaider, V. G. (2012) The Concept of the frontier in the modern literature about the Caucasus. *Vestnik of Adyghe state University, Vol. 1*, pp. 66-74

Gadaev, L. (2011). *Abrek Zelimkhan: facts and documents*. Grozny. GUP «Knizhnoe Izdatel'stvo».

Polezhaev, A. I. (1987). *The Poems*. M.: Soviet writer.

Khojaev, D. (1998). *The Chechens in the Russian-Caucasian war*. Grozny. Publishing house «Sedan».

Sheudzhen, E. A. (2006). Is the Northern Caucasus the frontier area? *Questions of theory and methodology of history: collection of scientific works. Maykop. Publishing house AGU*, vol. 5, pp. 3-15

ИЗМЕНЕНИЕ РЯДА ЯЗЫКОВЫХ ПАТТЕРНОВ ТАТАР НА ПРИГРАНИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ: ТАТАРЫ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ И ТАТАРЫ-МИГРАНТЫ КИТАЯ¹

Алиев Р.Т.

Алиев Растям Туктарович, к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, Астраханский государственный университет, Астрахань.
E-mail: rastaliev@gmail.com

Данная статья посвящена компаративистскому анализу лингвистических паттернов татар-мигрантов Китая и татар астраханского фронта. Во введении автор рассмотрел основные исследования по проблеме татарской миграции XX в., и сделал предположение, что на пограничных территориях у подобных этносов развитие языка проходит по особым законам в связи с характером указанных пространств (астраханский фронт и Северо-Восточная Азия). Тем самым предмет исследования был переведён в культурологическую плоскость.

В основной части данной статьи были рассмотрены лексические единицы, грамматические формы словообразования и фонетические особенности языка татар-мигрантов Китая и астраханских татар. В ходе исследования автором были созданы сравнительные таблицы по каждой категории поставленной проблемы и были выявлены основные факторы, повлиявшие на становление лингвистических особенностей указанных субэтнических групп относительно литературного татарского языка. К ним автор отнёс периферийный фактор существования этноса и религиозный характер образования этнических общин на новых территориях. При этом вопрос о влиянии соседних тюркских этносов автором ставится под сомнение, и кажется им потенциально решаемым в случае получения общей картины комплексного анализа развития близкородственных тюркских языков.

Ключевые слова: фронт, Другой, Чужой, татары, татарские мигранты, тюрко-татарская община, дальневосточный фронт, вестиментарность, алиментарность, лингвистика, грамматика, фонетика, лексика.

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации»

Введение

Взаимодействие этносов на определённых территориях всегда выкристаллизовывало особо важные процессы, происходящие в культурном, историческом, этническом и даже политическом аспектах того или иного народа. И подобные «встречи» всегда проходили по одному или нескольким определённым сценариям: столкновение, мирное сосуществование, нейтралитет и т.д., выражавшихся в двух когнитивных моделях – топофилия и топофобия (Якушенков, 2015, стр. 265). Все они порождали что-то новое, проявлявшееся в социокультурных особенностях развития этноса на новых пространствах. Их изучение в контексте проблемы «встречи с Другим/Чужим», приближает нас к пониманию процессов формирования и функционирования культурных паттернов: будь то алиментарный, или вестиментарный, или какой-либо другой. И нет сомнения, что даже в языковом аспекте возникают определённые маркеры, отражающие социокультурную реальность этого самого процесса взаимодействия. Они формируются под воздействием различных факторов: от внешности и гастрономических предпочтений Другого, до его профессии и сексуальной ориентации (Романова, Хлыщева, Якушенков, & Топчиев, 2013, стр. 58-60). И в контексте данной проблемы, на наш взгляд, актуальным является вопрос о трансформации лингвистических паттернов этноса под влиянием Другого/Чужого на фронтальной гетеротопной территории, так как язык остро реагирует на любые социокультурные изменения, а также оставляет неизменным другие формы своего проявления, которые менялись в иных условиях.

Ранее в предыдущих исследованиях мы уже касались анализа межкультурной коммуникации татарской этнической эмиграции в Северо-Восточной Азии и выделили ряд особенностей адаптации их в чужое пространство. В частности, нами было выявлено, что в данном контексте «решающую роль сыграли несколько факторов: политический, религиозный, национальный, внешний (культурная и научная заинтересованности японскими исследователями тюрко-татарами)» (Алиев & Демина, 2017, стр. 11). Естественно, что данная проблематика довольно обширна и требует более детального рассмотрения отдельных её аспектов. Тем более что в контексте предыдущего исследования мы заметили некоторые особенности функционирования и развития этнических культурных элементов на фронтальных территориях (в частности, вестиментарная и гастрономическая культурные категории татар) (Алиев & Демина, 2017, стр. 10). Поэтому, учитывая всё вышесказанное, перед нами встаёт важная задача проследить трансформацию лингвистических

паттернов татар мигрантов на Дальнем Востоке в сравнительном срезе с татарами других фронтальных территорий и выявить ряд общих закономерностей функционирования татарского языка на подобных пространствах.

Сама проблема татарской эмиграции лежит в большей степени в плоскостях исторических и политических исследований и естественным образом связана с рассмотрением общего вопроса о русских мигрантах XX в. В данной области многими экспертами отмечается именно восточная волна эмиграции, внутри которой доминировала этническая и национальная градации (Ревякина, 2002, стр. 70). Интерес к дальневосточной тюрко-татарской миграции проявили в основном зарубежные исследователи. В частности, многие японские учёные отмечали характер и особенности тюрко-татарских общин на данных территориях (Kamozawa, 1981) (Matsunaga, 2004) (Matsunaga, 2003) (Sakamoto, 2003). Но здесь необходимо подчеркнуть тот факт, что японские исследователи в своих работах используют русскоязычные источники, в то время как источники на татарском или других тюркских языках не проанализированы вообще (Komatsu, 2003, p. 130). Другим пластом зарубежных научных изысканий в данной области являются турецкие исследования, которые обращаются к вопросу о дальневосточных тюрко-татарских мигрантах в контексте проблемы турецко-японских и исламо-японских отношений (Dundar, 2004) (Esenbel, 2002) (Esenbel, 2003) (Esenbel, 2004).

В российском же дискурсе «проблема татарской эмиграции не поднималась примерно до середины 1990-х гг.» (Пронин, 2015, стр. 120). Например, крупный исследователь Дальнего Востока Д. Стефан в своих работах даже не упоминает татарских мигрантов и их общины (Stephan, 1994, pp. 2, 62). А появившиеся в последние годы исследования татарских и башкирских учёных, к сожалению, не представляют полной картины генезиса миграционного процесса (Адутов, 2001) (Гайнетдинов, 1996) (Черникова, 2003) (Юнусова, 2015). Первой попыткой глубокого исследования поставленного вопроса раскрывается в работах тюрколога Л. Усмановой. Итогом её многолетнего исследования явилась изданная в Японии в 2007 г. монография о тюрко-татарской общине Северо-Восточной Азии (Usmanova, 2007). В области чисто лингвистических научных изысканий татарских общин Китая, в частности, и Северо-Восточной Азии, в общем, нами отмечается более глубокая проработка проблематики в части анализа грамматического, фонетического и лексического аспектов татарского языка (Чанышев, 2007) (Денмухаметова & Мугтасимова, 2012) (Набиуллина, 2013) (Сафиуллина & Зәкиев, 2002).

Подчеркнём, что данная работа посвящена сравнительному анализу языковых особенностей татар на фронтальных территориях, что переводит предмет исследования в культурологическую плоскость и выделяет её на фоне других.

Основная часть

«Временной и территориальной разрывы с формирующимся в начале XX в. центром татарской культуры в России, взаимодействие с другими народами и этносами естественным образом приводили к трансформации культурных паттернов татарских мигрантов на новых землях. А в условиях гетеротопного пространства эти изменения происходили по совершенно иным законам» (Алиев & Демина, 2017, стр. 8). В Китае центрами татарского Зарубежья стали города Урумчи, Кульджа и Чавучак (Госманов, 1996, стр. 6), в которых первые поколения татарских мигрантов не воспринимали местный китайский язык никак. Из-за закрытости общины и тесного общения между своими земляками и родственными этносами (уйгурами и казахами), представители татарских мигрантов общались на родном или похожем на него (уйгурском) языках (Чанышев, 2007, стр. 75). Но, как отмечают лингвисты Э. Н. Денмухаметова и Г. Р. Мугтасимова, последующим поколениям приходилось всё больше и больше вливаться в общую китайскую социокультурную среду (2012), а, следовательно, кроме татарского или уйгурского языков молодёжи приходилось изучать и китайский. И в этих условиях язык татарских мигрантов развивался особенно. В частности, необходимо подчеркнуть тот факт, что на конец XIX – начало XX в. у поволжских татар окончательно формируется такая общественная прослойка, как интеллигенция, а вместе с ней складывается на основе среднего (казанского) диалекта и общепринятый литературный татарский язык (Ахатов, 1979, стр. 6). Именно на этот период и выпадает начавшийся, а после 1917 г. достигший своего апогея, процесс татарской эмиграции в дальневосточные страны. Следовательно, язык последних не ощущал тех культурных и лингвистических влияний литературного татарского, как это происходило в Поволжье. А значит, как отмечает лингвист Г. А. Набиуллина, с одной стороны, у них «...сохранились архаичные, характерные для старотатарского языка элементы...» (Набиуллина, 2013, стр. 278), а, с другой, «...воздействие китайского и уйгурского языков вызвало появление в речи слов с семантическими отклонениями <...> заимствований» (Денмухаметова & Мугтасимова, 2012).

Исходя из этого, для нашего исследования необходимо, прежде всего, выявить какие лексические, фонетические и грамматические

единицы, отличные от литературного татарского языка, являются характерными для татар-мигрантов Северо-Восточной Азии, а потом сравнить их с подобными лингвистическими единицами на других фронтальных территориях, в частности, характерных для татар астраханского фронта. Но здесь возникает другая проблема: какие субэтнические группы, проживающие в Астраханском крае считать этими астраханскими татарами? Под этим условным термином большинство учёных считают именно юртовскую субэтническую группу. Но в контексте данного исследования нам было бы интересно сравнить язык татар-мигрантов Китая с говорами юртовцев и других групп татар Астрахани, так как за долгое время пребывания на астраханском фронте в процессе культурных взаимовлияний не кажется удивительным наличие общих сформировавшихся и устоявшихся у юртовцев и, например, мишарей лингвистических единиц и словоформ. К тому же, как отмечают некоторые учёные, занимавшиеся проблемой татарской миграции в Северо-Восточной Азии, основу тюрко-татарских общин составляли поволжские этнические группы мишарей (Усманова, 2005).

Лексика татар-мигрантов Китая содержит огромное количество устаревших относительно литературного языка единиц. Лингвисты Э. Н. Денмухаметова и Г. Р. Мугтасимова, классифицируя их, постулируют, что они делятся на архаизмы и историзмы (2012). Под архаизмами мы понимаем лексико-фонетические единицы, звучание и написание которых отличается от их аналогов в общепринятом варианте. Чаще всего, подобные архаизмы не воспринимаются другими, но иногда в речи понятны на интуитивном уровне. Например, «огул» или «оглы» (тат. «сын») вместо общепринятого «ул» или «улы» является архаизмом китайских татар, тогда как у астраханских данная лексическая единица употребляется в литературной форме, но присутствует традиционное использование архаизма в форме «оглы» при написании имени умершего человека на надгробии, например «Гаяз Гыйләжетдин оглы Исхақы» («Гаяз Гиляжетдинов Исхаков», дословно «Гаяз сын Гиляжетдина»). Примечательно и то, что слово «гора» у татар Китая звучит и пишется как «таг», тогда как данный архаизм у других татар фронтальных территорий замечен не был, у них это слово видоизменилось на литературный манер – «тау». Подобная ротация «г» [ǵ] или «к» [q] / «у» [w] повсеместное явление для тюркских языков.

К другим лексическим архаизмам так же относятся и слова, форма которых в литературном языке изменилась кардинально. Например, у татар-мигрантов отмечены следующие подобные

лексические единицы (далее мы приводим сравнительную таблицу некоторых лексических единиц):

Лексическая единица у татар Китая	Лексическая единица у Астраханских татар	Литературная форма	Перевод
Гадай	Ярлы	Ярлы	Бедный
Йэйә	Ашый	Ашый	Ест
Нан	Әпәй	Икмәк	Хлеб
Ямгур	Ямгыр/Янгыр	Янгыр	Дождь
Пул	Мәнит/Акча	Акча	Деньги

(Таблица №1. Сравнение лексических единиц)

Как мы видим из таблицы, наиболее полно лексические единицы старотатарского языка сохранили именно татары Китая. Это объясняется тем, что, с одной стороны, они в начале XX в. были оторваны от общекультурных процессов, происходивших в регионе Поволжья среди татарского населения, а, с другой, как мы отмечали в предыдущем исследовании, основным фактором образования тюрко-татарской общины до 1940-х гг. в Северо-Восточном азиатском регионе был именно религиозный, а не национальный (Алиев & Демина, 2017, стр. 7).

Также особое место в языке татар-мигрантов Китая занимают лексические заимствования. Среди них выделяются «сумка», «вилка», «вокзал», «фабрика», «ваза», «кино». М. З. Закиев и Ф.С. Сафиуллина, учёные-лингвисты, отмечают: «такие заимствования относятся, в основном, к социально-политической, экономической, военной и медицинской тематике. Такие слова и по сей день, без каких либо изменений, употребляются в современном татарском литературном языке и в его диалектах» (2002, стр. 68). Подобные заимствования, на наш взгляд, занимают особое место в лексике татар и представляют собой единицы, перенятые из русского языка и не изменившиеся со временем.

В ходе сравнительного анализа грамматики слообразования и фонетики татар-мигрантов Китая и татар астраханского фронта нами были выявлены два интересных явления: с одной, стороны замечено влияние соседних тюркских народов, а, с другой, наличие общего пласта словоформ, характерных только для татар, проживающих на отдалённых от центра татарской культуры¹ территориях.

¹ Под этим центром мы понимаем конкретно Среднее Поволжье.

Что касается влияния соседних тюркских народов (уйгур и казахов), то здесь нами были выявлены схожие формы словообразования у татар-мигрантов Китая и юртовских татар. У последних это объясняется, скорее всего, тем, что юртовский говор формировался на стыке степного ногайского языка и влияния литературного татарского на протяжении всего XX в. Так, например, притяжательные аффиксы первого лица множественного числа в татарской среде Китая звучат как **-ымыз/-емез** или **-мыз/-мез** («Наша дочь» – «Кызымыз»), в то время как их литературная форма **ыбыз/-ебез** или **-быз/-без** («Наша дочь» – «Кызыбыз»). Подобное встречается и у юртовцев.

Такую же аналогию, как и астраханских татар (встречается не только у юртовцев), так и у татар-мигрантов Китая можно провести с притяжательными местоимениями, которые образуются с помощью аффиксов **-ныкы/-неке** («Это чьё?» – «Бу кемнеке; «Это моё» – «Бу минеке») вместо литературного **-нын/-нең** («Это чьё?» – «Бу кемнең; «Это моё» – «Бу минем»). Именно такая же форма словообразования встречается и в казахском языке – «Бұл менікі» («Это моё»). Вышеописанная лингвистическая ситуация характерна и для прилагательных в сравнительной степени, которые образуются удваиванием аффиксов **-рак/-рэк** и получают форму **-раграк/-рэгрэк**, например «зурраграк» («больше») (Набиуллина, 2013, стр. 279-280). Эта форма словообразования тоже не является чем-то уникальным и встречается также и у татар астраханского фронта (мишар и юртовцев). Подобную особенность можно отметить также и в использовании уменьшительно-ласкательной формы, которое образуется путём прибавления аффикса **-тэй** к слову «кечкенэ» («маленький») – «кечкентэй». Подобная структура также наблюдается и у астраханских, и сибирских татар, и татар-мигрантов КНР, и казахов – «кішкентай» (здесь стоит отметить нарушение принципа сингармонизма в словообразовании, что, на наш взгляд, по меньшей мере, является странным и редким явлением, особенно для казахского языка).

На лицо внешнее влияние соседнего этноса. Хотя этот вопрос можно поставить под сомнение: учитывая общую картину развития тюркских языков, можно предположить, что некоторые лингвистические паттерны, исчезали у одних тюркоязычных народов, и сохранялись и получали развитие у других. Но это уже совсем другая проблематика, выходящая за рамки данного исследования. С другой стороны, мы можем сказать, что подобные формы словообразования не являются чем-то уникальным, и зачастую в

татарской среде встречается у субэтнических групп, проживающих на пограничных территориях.

Именно поэтому для нас кажется спорным и влияние уйгурского на словообразование настоящего времени изъявительного наклонения в языке татар-мигрантов Китая. Данная форма, точно также, как и у юртовских татар, образуется добавлением к глаголу аффиксов **-айы/-эйе** вместо **-ый/-ей** (например, «уйлайым» вместо «уйлыйм» – «думаю»).

Сравнение словообразований и фонетики вариантов татарского языка на разных территориях представлена ниже в таблице №2:

Форма словообразования	Форма словообразования в литературном татарском языке	Форма словообразования в языке татар-мигрантов Китая	Форма словообразования в языке татар астраханского фронта
<i>Притяжательное наклонение существительных</i>	-ыбыз/-ебез или -быз/-без (Кызыбыз; киемебез)	-ымыз/-емез или -мыз/-мез (Кызымыз; киемебез)	<i>Встречаются обе формы</i>
<i>Притяжательные местоимения</i>	-ның/-нең (Кемнең)	-ныкы/-неке (Кемнеке)	-ныкы/-неке , но встречается и литературная форма
<i>Сравнительная степень прилагательных</i>	-рак/-рәк (Зуррак)	-раграк/-рәгрәк (Зурраграк)	-раграк/-рәгрәк , но встречается и литературная форма
<i>Уменьшительно-ласкательная форма прилагательного</i>	-	-тәй (Кечкентәй)	-тәй (Кечкентәй)
<i>Настоящее время изъявительного наклонения</i>	-ый/-ей (уйлыйм)	-айы/-эйе (уйлайым)	<i>Встречаются обе формы</i>

(Таблица №2. Сравнение форм словообразований)

Таким образом, при сравнении словообразований и фонетики татарских говоров на пограничных территориях и языка татар-мигрантов Китая мы можем прийти к выводу, что в данном случае сходств намного больше, чем при анализе лексических единиц. Это говорит в пользу гипотезы о том, что у этносов на подобных пространствах язык наряду с другими культурными паттернами

(вестиментарность, алиментарность и другие) развивается по другим закономерностям.

Заключение

Подводя итоги данного исследования, нужно сказать, что сравнительных анализ лингвистических паттернов татар на пограничных территориях выдал довольно многочисленные результаты. Так, нами был выявлен тот факт, что на подобных пространствах языковые аспекты тех или иных этносов развиваются по совершенно другим законам. В частности, рассмотрев лексические единицы татар-мигрантов Китая в сравнительном срезе с литературным татарским языком и говорами астраханских татар, мы пришли к выводу, что на сохранение долитературных форм решающую роль сыграли два основных фактора:

1. Периферийный характер существования этноса. Его отдалённость позволяет обойти влияние мейнстримных культурных процессов, происходящих в определённый период.

2. Религиозный характер в объединении тюрко-татарской общины в противовес национальному фактору позволил татарам-мигрантам сохранить старотатарские лексические единицы, так как мусульманская среда включала в себя различные тюркские этносы (как пришлые, так и местные), что заставляло сохранять те формы языка, которые были приближены к общетюркским языковым особенностям других этносов.

Говоря о грамматике и фонетике татарского языка периферийных субэтносов татар, то здесь мы наблюдаем примерно те же процессы. Но сравнительный анализ показал больше совпадений в словообразованиях и фонетике татар-мигрантов Китая с татарами астраханского фронта, чем в их же лексике. Вопрос о влиянии соседних тюркских этносов ставится нами под сомнение, и кажется потенциально решаемым в случае получения общей картины комплексного анализа развития близких тюркских языков, что позволит решить, является ли верным тот факт, что некоторые лингвистические паттерны, исчезали у одних тюркоязычных народов и сохранялись и получали развитие у других.

Список литературы

Dundar, A. (2004). Japonya Turk-Tatar Diasporasi. *Modern Turkluk Arastirmalari Dergisi*. – Ankara Üniversitesi, Kasim(7), pp. 76-88.

Esenbel, S. (2002). Japan and Islam Policy During the 1930s. *Turning Points in Japanese History*, pp. 180-214.

Esenbel, S. (2003). Japanese perspectives of Ottoman World. *The Rising Sun and the Turkish Crescent / Edited by S. Esenbel and I. Chinaru. – Istanbul*, pp. 7-41.

Esenbel, S. (2004). Japan's Global Claim to Asia and the World of Islam: Transnational Nationalism and World Power, 1900–1945. *The American Historical Review*, 109(4), Retrieved from: <http://www.historycooperative.org/journals/ahr/109.4/esenbel.html>.

Kamozawa, I. (1981). Zainichi tatarujin nitsuite nokiroku. *Bulletin of Faculty of letter, Hosei University*(28), pp. 27-56.

Komatsu, H. (2003). *Modern Central Eurasian Studies in Japan: An overview 1985-2000. Part 1*. Tokyo.

Matsunaga, A. (2003). Ayaz Ishaky and Turco-Tatars in the Far East. *The Rising Sun and the Turkish Crescent – Istanbul*, pp. 197-215.

Matsunaga, A. (2004). Ayaz Ishaki ve Uzak Dopu'daki Tatar Türkleri. *Tarih*(5), pp. 47-51.

Sakamoto, T. (2003). The First Japanese Hadji Yamaoka Kotaro and Abdurresid Idrachim. *The Rising Sun and the Turkish Crescent – Istanbul*, pp. 105-121.

Stephan, J. J. (1994). *The Russian Far East. A history*. Stanford University Press.

Usmanova, L. (2007). *The Turk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: Historical and Sociological Account between 1898 and the 1950s*. Tokyo: Rakudasha.

Адутов, Р. (2001). *Татаро-башкирская эмиграция в Японии*. Набережные Челны.

Алиев, Р. Т., & Демина, А. В. (2017). Татары на чужбине: опыт межкультурной коммуникации в условиях дальневосточного фронта. *Культура и искусство*(11), Стр. 1-17.

Ахатов, Г. Х. (1979). *Татарская диалектология. Средний диалект (учебник для студентов вузов)*. Уфа.

Гайнетдинов, Р. Б. (1996). *Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX в. — 30-е гг.* Набережные Челны.

Госманов, М. Г. (1996). *Ябылмаган китап*. Казан: Тат. китап нәшр.

Денмухаметова, Э. Н., & Мугтасимова, Г. Р. (2012). Лексические особенности речи татар, проживающих в КНР. *Современные проблемы науки и образования*(4), Retrieved from: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6913>.

Набиуллина, Г. А. (2013). Морфологические особенности речи татарской диаспоры В КНР. В сборнике: *Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение материалы Междунар. науч.-практ. конф.. Под общей редакцией Р.Р.*

Замалетдинова, Ответственные редакторы Т. Г. Бочина, А. Ш. Юсупова., (стр. 277-281).

Пронин, А. А. (2015). *История изучения российской эмиграции в диссертационных в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: ч. I: монография*. М.-Берлин: Директ-Медиа.

Ревякина, Т. В. (2002). *Российская эмиграция в Китае: проблемы адаптации (20-40-е гг. XX в.)*. М.

Романова, А. П., Хлыщева, Е. В., Якушенков, С. Н., & Топчиев, М. С. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Сафиуллина, Ф. С., & Зәкиев, М. З. (2002). *Хәзерге татар әдәби теле*. Казан: Мәгариф.

Усманова, Л. (2005). Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии начала XX в. *Гасырлар авазы*(1), Retrieved from: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_1/03/03_2/.

Чанышев, М. К. (2007). *Кытайда татар мәгарифе тарихы*. Казан: Жыен, Идел-пресс нәшр.

Черникова, Л. (2003). Тюрко-татарская колония в Китае. По страницам «Шанхайской зари». *Русское поле*(4), Retrieved from http://www.tatar-history.narod.ru/turk_migracion.htm.

Юнусова, А. Б. (2015). *Татаро-башкирская эмиграция на Дальнем Востоке: Мусульманский фактор социальной адаптации и сохранения этнокультурной идентичности*. Получено из http://tatar-history.narod.ru/turk_migracion.htm

Якушенков, С. Н. (2015). Топофилия vs топофобия как когнитивные парадигмы фронтирного пространства. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*(3), Стр. 261-266.

THE CHANGES IN SOME LINGUISTIC PATTERNS OF THE TATARS IN THE FRONTIER SPACES: THE TATARS OF THE ASTRAKHAN REGION AND THE TATAR MIGRANTS IN CHINA

Aliev R.T.

Aliev Rastyam Tuktarovich, PhD in history, senior researcher of the Laboratory for the Study of the Socio-Political and Cultural Dynamics of the Lower Volga Region and the Northern Caspian Region, Astrakhan State University, Astrakhan. E-mail: rastaliev@gmail.com

This article focuses on comparative analysis of the linguistic patterns of the Tatar migrants of China and the Tatars of the Astrakhan frontier. In the introduction the author reviewed the main studies on the problem of the Tatar migration of the XX century, and made the assumption that in the border territories of these ethnic groups the development of language takes place according to special laws in connection with the nature of the spaces (Astrakhan and China frontiers). Thus, the subject of study was transferred into the field of cultural tendencies.

In the main part of the article the author discussed lexical items, grammatical forms, word formation and phonetic peculiarities of the language of the Tatar migrants of China and the Astrakhan Tatars. In the course of the study, the author supplies a comparative table for each category set and identifies the main factors that influenced the formation of the linguistic characteristics of these sub-ethnic groups with regard to the literary Tatar language. Among them, the author mentions a peripheral factor in the existence of ethnic and the influence of Islam in formation the Tartar ethnic communities in the new territories. The author considers that the influence of neighboring Turkic ethnic groups is very small, but the final answer could be received by obtaining the overall picture of the development of closely related Turkic languages.

Key words: frontier, Other, Alien, Tatars, Tatar migrants, Turkic-Tatar community, Far Eastern frontier, vestmentarity, alimentariness, linguistics, grammar, phonetics, vocabulary.

References

Dundar, A. (2004). Japonya Turk-Tatar Diasporasi. *Modern Turkluk Arastirmalari Dergisi*. – Ankara Üniversitesi, Kasim(7), pp. 76-88.

Esenbel, S. (2002). Japan and Islam Policy During the 1930s. *Turning Points in Japanese History*, pp. 180-214.

Esenbel, S. (2003). Japanese perspectives of Ottoman World. *The Rising Sun and the Turkish Crescent / Edited by S. Esenbel and I. Chinaru*. – Istanbul, pp. 7-41.

Esenbel, S. (2004). Japan's Global Claim to Asia and the World of Islam: Transnational Nationalism and World Power, 1900–1945. *The American Historical Review*, 109(4), Retrieved from: <http://www.historycooperative.org/journals/ahr/109.4/esenbel.html>.

Kamozawa, I. (1981). Zainichi tatarujin nitsuite nokiroku. *Bulletin of Faculty of letter, Hosei University*(28), pp. 27-56.

Komatsu, H. (2003). *Modern Central Eurasian Studies in Japan: An overview 1985-2000. Part 1*. Tokyo.

Matsunaga, A. (2003). Ayaz Ishaky and Turco-Tatars in the Far East. *The Rising Sun and the Turkish Crescent – Istanbul*, pp. 197-215.

Matsunaga, A. (2004). Ayaz Ishaki ve Uzak Dopu'daki Tatar Türkleri. *Tarih*(5), pp. 47-51.

Sakamoto, T. (2003). The First Japanese Hadji Yamaoka Kotaro and Abdurresid Idrachim. *The Rising Sun and the Turkish Crescent – Istanbul*, pp. 105-121.

Stephan, J. J. (1994). *The Russian Far East. A history*. Stanford University Press.

Usmanova, L. (2007). *The Turk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: Historical and Sociological Account between 1898 and the 1950s*. Tokyo: Rakudasha.

Adutov, R. (2001). Tatar-Bashkir emigration in Japan. Naberezhnye Chelny.

Aliev, R.T., & Demin, A.V. (2017). Tatars in a foreign land: the experience of intercultural communication in the conditions of the Far Eastern frontier. *Culture and Art* (11), pp. 1-17.

Akhatov, G. Kh. (1979). *Tatar dialectology. Middle dialect (textbook for university students)*. Ufa.

Gainetdinov, R.B. (1996). *Turko-Tatar political emigration: the beginning of the twentieth century. - 30-ies*. Naberezhnye Chelny.

Gosmanov, M.G. (1996). *Yabylmagan the kitap*. Kazan: Tat. Kitap nasper.

Denmukhametova, E. N., & Mugtasimov, G.R. (2012). Lexical features of speech of Tatars living in China. *Modern problems of science and education* (4), Retrieved from: <https://www.science-education.ru/en/article/view?id=6913>.

Nabiullina, G.A. (2013). Morphological features of speech of the Tatar diaspora In the PRC. In the collection: *Languages of Russia and CIS countries as foreign: teaching and learning materials Intern. scientific-practical. Under the general editorship of R.R. Zamaletdinova, Responsible editors TG Bochina, A. Sh. Yusupova.*, (P. 277-281).

Pronin, A.A. (2015). *The history of the study of Russian emigration in dissertational theses in dissertational research 1980-2005: Part I: monograph*. M.-Berlin: Direct-Media.

Revyakina, T.V. (2002). *Russian emigration in China: problems of adaptation (20-40s of the 20th century)*. M.

Romanova, A.P., Khlyshcheva, E.V., Yakushenkov, S.N., Topchiev, M.S. (2013). *Alien and cultural security*. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).

Safiullina, F.S., & Zekiev, M.Z. (2002). *Hazerge Tatar adabi tele*. Kazan: Margarif.

Usmanova, L. (2005). The Turko-Tatar emigration in Northeast Asia at the beginning of the 20th century. *Gasyrlar avazy* (1), Retrieved

from:

http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_1/03/03_2/.

Chanyshiev, M.K. (2007). *Kitayda tatar magarife tarihi*. Kazan: Jyen, Idel-press nashr.

Chernikova, L. (2003). The Turkic-Tatar colony in China. On the pages of the «Shanghai Dawn». *Russian field* (4), Retrieved from http://www.tatar-history.narod.ru/turk_migracion.htm.

Yunusova, A.B. (2015). *Tatar-Bashkir emigration in the Far East: The Muslim factor of social adaptation and preservation of ethno-cultural identity*. Retrieved from http://tatar-history.narod.ru/turk_migracion.htm

Yakushenkov, S.N. (2015). Topophilia vs topophobia as cognitive paradigms of the frontier space. *The Caspian region: politics, economy, culture* (3), pp. 261-266.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛАНДШАФТ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ¹

Топчиев М. С.

Топчиев Михаил Сергеевич, Астраханский государственный университет,
лаборатория по исследованию социально-политической и культурной
динамики регионов Нижнего Поволжья и Прикаспия, Российская
Федерация, 414056, г.Астрахань, ул. Татищева 20 а.
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

В статье рассматривается проблема религиозного ландшафта в контексте культурного ландшафта приграничных территорий. Географическое понятие «ландшафт», а к началу XX века и понятие «культурный ландшафт», благодаря исследователям гуманитарных наук, прочно вошло в научный оборот. В статье анализируются научные исследования, посвященные концептуальному оформлению, особенностям понятийно-категориального и методологического аппарата «культурного ландшафта». Автором поднимается проблема недостаточно активной разработки направления «религиозного ландшафта», которое возникло при попытках выделения и описания конфессионального слоя культурного ландшафта. В статье анализируется существующее определение понятия «религиозный ландшафт» и предлагается рассматривать это понятие как часть культурного ландшафта, поскольку религия является одним из существенных элементов культуры. Автор пишет о сложностях религиозного ландшафта приграничных территорий Российской Федерации в связи с ее мозаичной картиной. Религиозный ландшафт данных территорий формировался под действием активных этнических контактов нескольких народов. Каждая культура пыталась создать свой собственный ландшафт, превращая контактные приграничные районы в многослойные образования с различными религиозными традициями. Взаимодействие проходило не только в форме принятия новых элементов и соединения в одной системе, но и в открытой конфронтации. И применение заимствованного из смежных дисциплин метода религиозного ландшафта дает возможность взглянуть по-новому на затронутые в статье темы.

Ключевые слова: ландшафт, культурный ландшафт, религиозный ландшафт, религиозная ситуация, религия, приграничная территория, приграничное сотрудничество.

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации»

Понятие «ландшафт» пришло из географии. Начало XX века ознаменовалось введением в научный оборот понятия «культурный ландшафт», которое было обусловлено изучением влияния деятельности человека на природу. Научные исследования современности посвящены его концептуальному оформлению. Учеными разрабатывался понятийно-категориальный и методологический аппарат. В процессе изучения предпринимались попытки выделения и описания конфессионального слоя культурного ландшафта, который был назван «религиозным ландшафтом». Однако активной разработки данного направления пока так и не произошло, хотя его перспективность не вызывает сомнения. Современное секуляризированное общество отличается от традиционного особым статусом религии, особенно, если исследование касается приграничных территорий.

На сегодняшний день существует определенная сложность при использовании термина «ландшафт», когда речь идет об изучении религиозного опыта. Все это приводит к необходимости дополнительного выяснения контекстов основных понятий.

Слово «ландшафт» в переводе с немецкого языка означает «местность». Ландшафт является фундаментальным географическим понятием, в основе которого лежит идея о взаимосвязи всех природных явлений земной поверхности.

Американские исследователи пришли к выводу, что примерно в V веке термин *landschaft* использовался для обозначения жилища с хозяйственными постройками, лугом, пастбищем, пахотными землями, окруженные лесом. Следовательно, первоначально в понятие ландшафт входили и природные элементы и те, что были созданы человеком. А под категорию элементов, созданных человеком в тот период, попадали исключительно плоды сельскохозяйственной деятельности.

В конце XVI века в Европе слово «ландшафт» приобретает огромную популярность. Произошло это по причине развития традиций и моды, связанных с активным преобразованием окружающей среды путем целенаправленного озеленения территорий вокруг дворцов, окружения замков парками и садами (Главацкая, 2008, стр. 76). Именно такое «натурально природное» значение термина пришло в Россию в конце XVI – начале XVII вв.

Словарь М. Фаснера гласит, что впервые слово ландшафт было употреблено в русском языке в 1707 г. в форме «лендшафт» и было заимствовано из немецкого языка (Фасмер, 1967, стр. 457). В дальнейшем в русском языке появились словосочетания «природный

ландшафт», т.е. естественный, и «антропогенный ландшафт» (с явной негативной коннотацией) как результат деятельности человека.

Европейская наука сформировала особый подход, заключающийся в изучении исторических событий, явлений и коллективов в непосредственной связи с определенными территориями, получивший название «культурный ландшафт» (Webb, 1987, р. 78). Само понятие «культурный ландшафт» ввел в научный оборот в 1920-е годы представитель направления «культурная география» Карл Сойер, под которым он понимал определенный феномен, возникающий под воздействием специфического соединения как природных, так и культурных составляющих (Sauer, 1925, р. 343).

Идея «культурного ландшафта» К. Сойера активно обсуждалась и разрабатывалась географами, увлекшимися проблемами культуры, в основном в двух направлениях. Для первого направления было характерно изучение истории развития ландшафта как объективной реальности. Поэтому данное направление можно условно назвать «объективным» или «реалистичным» ландшафтоведением (Everson, Williamson, 1998, р. 59). Для второго направления исследований стала объединяющей идея о субъективности восприятия и понимания ландшафта. Именно по этой причине условно можно назвать данное направление «субъективным», «символическим» ландшафтоведением. Такой подход обширен, и предполагает исследование всех типов ландшафтов, которые реально существуют, видимы, а так же созданные в воображении. Общим для двух направлений стало понимание культурного ландшафта, как природы, преобразованной человеком.

В 1990-е гг. к разработке теории «культурного ландшафта» активно подключились антропологи. В частности, Тимом Ингольдом была проанализирована сущность культурного ландшафта, которому дано емкое определение – «окружающий мир в том виде, в котором он известен тем, кто в нем находится» (Ingold, 1993, р. 156).

Итак, в руководящих документах ЮНЕСКО появилась дефиниция «культурный ландшафт», под которой понимается результат совместной работы, совместного творчества человека и природы, произведение человека и природы (Норманская, 2013, стр. 230).

Понятие «культурный ландшафт» настолько обрело популярность, что стало активно использоваться в качестве научного инструментария представителями гуманитарных наук. В частности, И. Робертсон и П. Ричарде впервые обратили внимание на то, что культурный ландшафт является продуктом доминирующей на определенной территории или в обществе группы и одновременно

одним из средств сохранения ею своей власти. Таким образом, ландшафт является отражением социальных, политических, экономических и духовных процессов, породивших его (Robertson, Richards, 2003, p. 2-4).

В результате своей жизнедеятельности человек преобразует окружающую среду и придает данной территории особый сакральный статус, тем самым наделяя ландшафт новыми характеристиками не только физическими, но и духовными. При этом именно доминирующая в обществе группа оказывает наибольшее влияние на ландшафт, формируя его в соответствии со своими потребностями и представлениями. Следовательно, любой ландшафт несет в себе значительную информацию, которую можно использовать, имея необходимую методику (Главацкая, 2008, стр. 78).

Основательное развитие теории «культурного ландшафта» повлекло за собой разработку методик выявления и понимания феномена. Появились исследования, способные «читать» ландшафт, для интерпретации следов, оставленных на земле современными или исчезнувшими культурами, что крайне необходимо для реконструкции истории отдельных коллективов, их повседневной деятельности и изменений в ней.

Можно выделить следующие варианты видов классификаций ландшафтов: социокультурный, исторический, дизайнерский, современный, религиозный и т.д. И термин «религиозный ландшафт» все чаще употребляется в современной гуманитарной науке. В конфессиональном контексте упоминания о культурном ландшафте впервые появились в англоязычной литературе в 1970-х гг. Связано это было с работами о ландшафтах, которые возникли в результате развития различных религиозных традиций и течений. Основу подобных исследований составляли работы о деятельности мормонов и религиозности населения Америки (Francaviglia, 1978; Jacson 1979). Но понятие «религиозный ландшафт» не было введено в научный оборот.

Если следовать логике развития данного научного направления, вполне естественным кажется, предложение рассматривать религиозный ландшафт как культурно-исторический феномен. Кроме того, можно рассматривать это понятие как часть культурного ландшафта, поскольку религия является одним из существенных элементов культуры (Главацкая, 2008, стр. 79).

Итак, понятие «религиозный ландшафт» уже более тридцати лет используются в научном сообществе, но четкое определение дано лишь в работах уральского историка Е.М. Главацкой. Под религиозным ландшафтом понимается «религиозная ситуация,

складывающаяся на определенной территории в различные исторические периоды, характеризующуюся распространением представлений о существовании высших сил, влияющих на судьбу и жизнь людей, с которыми они пытаются установить диалог путем совершения определенных ритуальных практик и созданием соответствующих институтов» (Главацкая, 2008, стр. 29).

Термин «религиозная ситуация» в трактовке российского социолога и религиоведа Р.А. Лопаткина определяется как «такое положение дел в обществе, регионе, на конкретном обследуемом объекте, которое характеризуется наличием, характером и интенсивностью религиозных проявлений, динамикой и направленностью их изменений, характером и степенью их воздействия на общество или обследуемый объект» (Лопаткин, 2007). Следовательно, оценивая религиозную ситуацию, необходимо принимать во внимание, существование различных религий, конфессий, религиозных направлений в конкретном обществе или регионе в целом, а так же, каково их пространственное соотношение, историческое появление и взаимоотношение между собой.

Кроме того, Р.А. Лопаткиным подчеркивается, что религиозную ситуацию можно оценить только в данный момент времени. Следовательно, для выявления тенденций необходимо применить компаративный анализ, который позволит увидеть не только современную, но и предшествующую религиозную ситуацию. Важным это становится при рассмотрении, например, религиозного ландшафта приграничных территорий. Особенно если речь идет о Российской Федерации, с ее многовариантностью форм и тенденций приграничного сотрудничества. Должно быть соответствие разнообразия национальных традиций, менталитетов, природных условий, уровня культуры и экономического развития приграничных стран. В отношении российского приграничья выделяют три направления: европейское, азиатское и сотрудничество СНГ.

Для европейского направления приграничного сотрудничества российских регионов отличительным является их соприкосновение со странами – членами Европейского союза, что придает ему некоторые особенности. Во-первых, страны Европейского союза обладают накопленным опытом приграничного взаимодействия в разнообразных сферах, в том числе и духовной. Во-вторых, разрабатываются высокоэффективные международные программы при совместном финансировании, которые превращаются в основной элемент механизма сотрудничества и взаимовлияния.

Иные задачи ставятся в рамках приграничного сотрудничества российских регионов и стран СНГ. Главной идеей приграничного

сотрудничества, разделенных волею судеб народов, стала поддержание уверенности и стабильности межличностного общения, экономических, гуманитарных, религиозных и других связей.

На азиатском направлении приграничного сотрудничества затрагиваются прежде всего отношения с КНР, КНДР и Монголией. У данного направления сотрудничества существует две основные особенности. Первая особенность состоит в слабости развития приграничных территорий сопредельных стран, приводящая в результате к экономическому подъему этих районов. Вторая особенность в азиатском аспекте приграничного сотрудничества связана с существованием различий в культурно-цивилизационных системах, которые требуют дальнейшего более детального рассмотрения.

Особое значение приобретают гуманитарные аспекты сотрудничества, а так же социальная интеграция. Поскольку благодаря социальным и духовным аспектам жизни людей, культурным традициям, политическим, правовым, религиозным, эстетическим и другим нормам происходит связь не только прошлого с настоящим, но и дается основа для понимания исторического развития. Для приграничного сотрудничества эти аспекты особенно важны. Не возможно взаимопонимание без уважения и принятия культурных традиций и обычаев соседних народов (Грибова, 2006, стр. 16).

Довольно сложно проводить реконструкцию религиозного ландшафта приграничных территорий России, в связи с ее мозаичной картиной. Религиозный ландшафт данных территорий формировался под действием активных этнических контактов нескольких народов. Каждая культура пыталась создать свой собственный ландшафт, превращая контактные приграничные районы в многослойные образования с различными религиозными традициями. Взаимодействие проходило не только в форме принятия новых элементов и соединение в одной системе, но и в открытой конфронтации. И применение заимствованного из смежных дисциплин метода религиозного ландшафта дает возможность взглянуть по-новому на затронутые в статье темы.

Религиозный ландшафт мы рассматриваем не только как феномен, но и как процесс, в рамках которого происходит формирование религиозного, а возможно, и иного вида самосознания. Данный феномен не только становится отражением социальных отношений, но и участвует в формировании их организации и понимании окружающего мира. Религиозный ландшафт подвижен и подвержен постоянным изменениям.

Список литературы

- Everson P., Williamson T. (1998). *The Archaeology of Landscape*. Manchester: Manchester Univ. Press,
- Francaviglia, R.V. (1978). *The Mormon Landscape: Existence, Creation, and Perception of a Unique Image in the American West*. N. Y.: AMS Press
- Ingold, T. (1993). The Temporality of the Landscape. *World Archaeology*. Vol. 25. No 2: Conceptions of Time and Ancient Society.
- Jacson, J.B. (1979). The order of Landscape: Reason and Religion in Newtonian America. *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays*. New York.: Oxford University Press, pp. 153-163.
- Robertson, I. & Richards, P. (2003). *Introduction. Studying cultural landscapes*. London.
- Sauer, C.O. (1925). *The Morphology of Landscape*. Berkeley: Univ. of California press.
- Webb, M. (1987). Cultural Landscapes in the National Park Service. *The Public Historian*. Vol. 9. No 2: The National Park Service and Historic Preservation.
- Главацкая, Е.М. (2008). Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования. *Народы Урала: исторический опыт, традиции и проблемы современности*. (4), стр. 23-34.
- Главацкая, Е.М. (2008). Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкций, методы исследования. *Уральский исторический вестник* (4), стр. 76-82.
- Грибова, С.Н. (2006). Приграничное сотрудничество: теоретические и правовые истоки изучения. *Известия ИГЭА* (1), стр. 15-20
- Лопаткин, Р. А. (2007). *Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации*. Retrieved from: www.religare.ru/2_181.html
- Норманская, Ю.В. (2013). Феномен религиозного ландшафта Крыма: к постановке проблемы. *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»*, Т. 24, 3, стр. 228-234
- Фасмер, М. (1967). *Этимологический словарь русского языка*. Москва, Т.2.

**RELIGIOUS LANDSCAPE OF BORDER TERRITORIES: THE
PROBLEM OF FUNCTIONING**

Topchiev M. S.

Topchiev Mikhail Sergeevich, Astrakhan State University, Laboratory for the study of the socio-political and cultural dynamics of the lower Volga Region and the Caspian Region, Russian Federation, 414056, Astrakhan, Tatishcheva st. 20
a. E-mail: ceo.gfn@gmail.com

The article discusses religious landscape within the cultural landscape of the frontier. By the beginning of the XX century geographical concept "landscape", together with the notion of "cultural landscape" were generally accepted in the scholarly discourse. This article explores conceptual design and the features of categorical and methodological apparatus of the "cultural landscape". The author believes that the notion of "religious landscape" which can be instrumental in identifying and describing the confessional layer of cultural landscape has been researched insufficiently. The article analyzes the existing definition of the concept "religious landscape" and regards this concept as a part of the cultural landscape, since religion is one of the essential elements of culture. The author writes about the complexities of the religious landscape of the frontiers of the Russian Federation in connection with its mosaic picture. The religious landscape of these territories was formed under the influence of active ethnic contacts of several peoples. Each culture tried to create its own landscape, turning frontier areas into multi-layered entities with different religious traditions. The interaction took place not only in the form of the adoption of new elements and their combination into one system, but also in open confrontation. And the application of the notion of religious landscape borrowed from related disciplines gives a new perspective to the research.

Key words: landscape, cultural landscape, religious landscape, religious situation, religion, frontier territory, cross-border cooperation.

References

- Everson P., Williamson T. (1998). *The Archaeology of Landscape*. Manchester: Manchester Univ. Press,
Francaviglia, R.V. (1978). *The Mormon Landscape: Existence, Creation, and Perception of a Unique Image in the American West*. N. Y.: AMS Press
Ingold, T. (1993). The Temporality of the Landscape. *World Archaeology*. Vol. 25. No 2: Conceptions of Time and Ancient Society.

Jacson, J.B. (1979). The order of Landscape: Reason and Religion in Newtonian America. *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays*. New York.: Oxford University Press, pp. 153-163.

Robertson, I. & Richards, P. (2003). *Introduction. Studying cultural landscapes*. London.

Sauer, C.O. (1925). *The Morphology of Landscape*. Berkeley: Univ. of California press.

Webb, M. (1987). Cultural Landscapes in the National Park Service. *The Public Historian*. Vol. 9. No 2: The National Park Service and Historic Preservation.

Glavatskaya, E.M. (2008). Religious landscape of the Urals: phenomenon, reconstruction problems, research methods. *The peoples of the Urals: historical experience, traditions and problems of the present*, (4), pp. 23-34.

Glavatskaya, E.M. (2008). Religious landscape of the Urals: phenomenon, reconstruction problems, research methods. *The Urals Historical Herald*, (4), pp. 76-82.

Gribova, S.N. (2006). Cross-border cooperation: the theoretical and legal origins of the study. *Proceedings of the IGEA*, (1), pp. 15-20.

Lopatkin, RA (2007). *Confessional portrait of Russia: to the characterization of the modern religious situation*. Retrieved from: www.religare.ru/2_181.html

Normanskaya, Yu.V. (2013). The phenomenon of the Crimean religious landscape: to the formulation of the problem. *Scientific notes of the Tavrida National University. IN AND. Vernadsky. Series "Philosophy. Culturology. Political science. Sociology"*, 24. 24, (3), pp. 228-234

Fasmer, M. (1967). *Etymological dictionary of the Russian language*. Moscow, T.2.

**«NEW WINE INTO OLD WINESKINS»: THE OTHER HORIZONS
OF FRONTIER STUDIES AND PERFORMATIVE TURN IN
FANTASY BETWEEN MEDIEVALISM AND TRADITIONAL
POETICS**

Kyrchanoff M. W.

Kyrchanoff Maksim W. Voronezh State University, Voronezh, Russia, 394000,
Pushkinskaia 16, e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

The author of the article analyses the prospects for the development of frontier studies as an interdisciplinary trend in contemporary Humanities. It is assumed that there is not enough space for frontier studies in the contexts of traditional history, sociology, anthropology, ethnology and interdisciplinary approaches. The author believes that studies of really existing political, social and cultural institutions are not enough for further effective and dynamic development of frontier research. The author insists that the interdisciplinary potential of studies of multiple imagined worlds of fantasy and science fiction can provide historians with a significant corpus of texts. Further analysis of the imagined worlds actualizes their frontier character. The author believes that the studies of the imagined medievalism will assist to the development and progress of frontier studies in the contexts of analysis of social, political and economic institutions. An analysis of the imagined medievalism will bring together frontier studies with political, cultural, social and economic histories.

Keywords: frontier studies, imagined worlds, fantasy, science fiction, medievalism, mass culture

We accept as an axiom that whole worlds are
constructed in different genres of literature
Stanislaw Lem
Comparative ontology of science fiction

The formulation of the problem. Frontier studies arose in the United States historically and became an attempt of American intellectuals to actualise the frontier factor in national history. Frontier studies arose relatively late and therefore the influence of classical positivist historiography was smaller in them than in other spheres of historical science. Frontier studies developed dynamically and rapidly in the 20th century when the principles of interdisciplinary synthesis were entered the number of central and systemic in modern historiography. Frontier studies in these intellectual and cultural situations were, on the one hand, doomed

to become interdisciplinary. On the other hand, frontier studies relatively quickly understood and realised the narrowness of the analysis of frontier problems exclusively. Therefore, frontier studies mutated into a universal methodology focused on the studies of various border cultural, social, intellectual, religious and cultural dimensions of national histories in particular and world history in general. Contemporary post-post-modernist historiography, which survived several theoretical and methodological turns successfully, including social, cultural, performative and imaginative, became uncomfortably in a history that can be defined as real.

Imaginativism, inventionism and frontier studies. Imagination and invention became two influential trends in the development of Western humanities in the last quarter of the 20th century. Historians who dealt with frontier problems actively began to analyse the texts as sources of historical, cultural, national and other experiences. The development of world literature in the 20th century inspired some genres that can be defined as a frontier. Fantasy and science fiction belong to the number of these genres that occupy a frontier positions in contemporary literature and mass culture. The frontier character of them expresses in several features, including the frontier position at the junction of mythology and the traditional fairy tale, romantic literature and medieval western history, literature and cinema. Modern stereotypes of mass culture imagine fantasy as a historical and adventure novel, where heroes act in some nonexistent worlds, stylised as Western European medievalisms. The author of the article presumes that science fiction and fantasy became the frontier genres because they stimulate the imagination and invention of new worlds of frontier character. Virtually any text that belongs to these genres, offers its own unique world. These numerous worlds, never existing in reality, offer their possible historians numerous cases of existence of frontier historical, political, cultural, social, ethnographic, economic and religious situations.

Historiography. Fantastic literature, utopia and dystopia, fantasy almost from the very beginning of its history attracted the considerable attention of scholars (Lobdell, 2005; Sullivan, 2001; Wendorf, 2002; Cadden, 2014; Timmerman, 1983; Sammons, 2010; Attebery, 1980). The range of opinions, on the one hand, was very diverse and varied from the perception of these genres as parts of primitive mass literature to their imagination as elements of the serious and respected discourse (Zawalska, 2010; Kovtun, 2010; Fokin, 2010; Korol'kova, 2013). On the other hand, academic texts on science fiction and fantasy are extremely traditional and not very diverse. Researchers prefer to study the genetic links of these

genres, modern features, the main trends of the development (Käkelä, 2014; Bowman, 2014; Lehtonen, 2015; Lindgren Leavenworth, 2017).

These trends in literature are imagined as parts of artistic creativity and literary historians often ignore social, political and cultural aspects and messages of texts which belong to these genres. Formal literary criticism cannot escape from the vicious circle of traditional themes. The traditionality of the subjects and the principles of the normativist historiography dominate in the defended dissertations about fantasy and fiction in Russian universities (Nazarova, 2015; Demina, 2015; Krinitsyna, 2011; Vinterle, 2013). Therefore, historians often ignore the problems of the imagined worlds (Dyson, 1997; Lehmann, 2017; Bowen, Nemanic, 2010; Berger, 1977; Wolf, 2014; Wolf, 2016; Slusser, 1989; Deineka, Bulygina, 2015) and invented spaces in social, political, cultural, economic and anthropological dimensions. The studies of the imagined social, political and linguistic worlds are unfortunately extremely few in Russian historiography. Russian scholars analyse fantasy in particular and science fiction in general as developed and stable genres, preferring to use different clichés. Historians of these genres perceive them as stable systems and ignore their frontier character; they do not use the potential of imaginative and inventionist historiography for studies of the imagined political, social and cultural spaces.

What is this article about? The author of the article, on the one hand, will try to analyze some typical and tribal characteristics of the science fiction and fantasy in contexts of frontier studies. On the other hand, the author presumes that the number of texts that belong to genres of the science fiction and fantasy is so significant that it provides us with opportunity to imagine special direction in frontier studies, focused on the analysis of the political, social, cultural, economic histories of never existing worlds and spaces as frontier cases of the development of historical imagination, which actualizes the main and marginal tendencies in the invention of the worlds on the frontier of reality and imagination. The author also presumes that the fantastic, utopian and anti-utopian texts that offer non-existent ideal or anti-ideal worlds also provide scholars with the significant number of sources because their further studies can form a corpus of articles and other texts focused on the analysis of different versions of the development of frontierness in culture and literature.

The imagined worlds of Medievalism: real and unreal. The relationship between imagined and real historical, religious, social, political and cultural experiences is the first problem the author plans to analyse in this article. The texts that form the discourses of fantasy,

science fiction, utopia and anti-utopia (McGarry, Ravipinto, 2016; Gee, 2016) actualise, as a rule, two forms of imagined and imagining worlds that have parallels with the historical and political processes of the real history of human civilisation. Fantasy, on the one hand, actualises the mass and primitivised notions and representations about the Western Middle Ages and local feudalisms. Modern critics and historians (Anglberger, Hieke, 2012; Hobson, 2013; Łapińska, 2013) believe that the texts of George Martin (Martin, 2011; Martin, 2011; Martin, 2011; Martin, 2011; Martin, 2012; Marques, 2016; Ramon Ruiz, 2016) became the most vivid and significant attempts to actualise the discourse of medievalism in mass literature, but this ambitious and determined attempt made visible its frontier character also. Even if his texts are not such as critics imagine them, they become sources and inspired some scholars to write and defend some interdisciplinary dissertations (Fagnastøl, 2014; Pedersen, 2017; Thorstensen, 2014; Vike, 2009; Dearman, 2016; Tegelman, 2013; Natishan, 2012).

Science fiction and utopia can actualise collective notions about the ideal desired or imperfect and unwanted future. Therefore, the analysis of numerous imagined “medieval” and “modern” worlds, states, political regimes, systems and orders can actualise the achievements of medieval studies and modern history. The number of imagined worlds that imitate and simulate the historical and social realities, the political processes and religious practices of the Middle Ages are so significant and the author presumes that it will be quite possible and logical to assume that “imagined medieval studies” or “alternative medieval studies” can become a dynamically developing field of modern interdisciplinary frontier studies because the texts in the genres of science fiction and fantasy actualise various frontier and marginal cases of imagination of medieval phenomena, feudalism and capitalist ways of social changes, modernisations and transformations. These worlds are frontier because they are real for readers and fans of the genre, who form their unique subcultures on the unstable junction and the mobile frontier between reality and imagination. These cases of imagined and invented numerous medievalisms are marginal because they, as invented constructs contain typical characteristics of various forms of feudalism that emerged, developed and died in the real history of human civilisation. Any formally feudal society, authors of fantasy novels write about, is an ideal construct because it actualises the institutions, processes and relations that developed in different parts of feudal Europe.

The performative turn and the rise of Medievalism. Actually, the performative turn in historiography and the triumphs of imaginalism and

inventionism that preceded it de-arraigned the historical realities that became political, social and intellectual constructs. Desacralisation of history stimulated and inspired the triumph of literature that offers multiple imagined and invented worlds and spaces with their unique social, political institutions, although their uniqueness is only a formality because all these institutions and relationships are rooted genetically in their prototypes that existed in real history. These cultural strategies predetermined the basic system characteristics and features of the invented worlds as forms of a frontier imagined spaces. The worlds invented and imagined by the authors of modern fantasy novels are frontier because they actualise the achievements and potential of several genres, including utopia and anti-utopia (Loock, 2016; Starre, 2016; Leyda, 2016), although the last one belongs to a number of politically and ideologically difficult genres and therefore it is not very popular among contemporary writers and readers who prefer to perceive texts as a product of consumerism and tend to ignore their incentives to think and criticise political and social realities.

Desacralisation of history and the collapse of the monopoly of academic historiography restored myth and the romantic areole of the Middle Ages. These transformations and changes in Humanities were impossible without performative turn (Huizinga, 1943; Law, Urry, 2004) which inspired a new interdisciplinary paradigm for the development of anthropology, archaeology, history, and cultural studies. Performative turn actualised the potential for analysis of the roles and different cultural, social, political and economic strategies of behaviour inspired by the prescribed roles. Different communities and groups in general and individuals, in particular, are able to play these roles. Awareness and understanding of the performative nature of identity led to the fact that literature and film industry became forms of performance. The texts and films including “A Song of Ice and Fire” and “Game of Thrones” became incentives for the development of new group identities that are performative in their nature and imitate the medieval feudal realities. Medievalism in this cultural and intellectual situation became one of the many cultural roles and social performance.

It was impossible to predict the historical triumph of fantasy and the rest of fantastic literature because these genres vegetated in the shadow of the giants of naturalism and realism, but fantasy was able to actualise its potencies as an attempt to escape from reality and set the mass reader and consumer free from the world of capitalism with its political and social problems. Fantasy reanimated the myth about the Middle Ages as the golden age and satisfied the readers’ demand for texts that will free them from the unpleasant capitalist and other modernities. The escapist psychology of the mass reader and iron logic of capitalist book business

stimulated the constant growth of works in the genre of fantasy in algebraic progression. Fantasy, on the one hand, has much in common with the culture of mass consumerism and social escapism in this intellectual situation because imagined worlds became more attractive to readers than ones they lived in. On the other hand, it is very important to remember that fantasy in particular and science fiction with its particular cases of utopia and anti-utopia, in general, offers some idealised and sanitised worlds because historical realities were always worse and dirtier than worlds of fantasy.

This feature actualises the transitive and frontier character of fantasy and genetically related genres, expands our collective notions about the possibilities and potentialities of frontier studies as an integral attempt to synthesise the achievements of the postmodernism with traditional normativist historiography. Pioneers and founding fathers of fantasy and creators of science fiction did not expect that by the middle of the second decade of the 21st century the number of texts of these genres would be so significant that any statistical data would lose its reasonableness and objectivity. Therefore, the invented ideal feudal worlds in texts that form the discourse of fantastic prose in all its varieties from the pure science fiction to fantasy which was able to form its orthodox canon and generate numerous marginal and frontier branches provide scholars with mutually exclusive institutions, processes and trends that are not existed in the history of Western European or Eastern feudalisms.

Frontier studies of heterogeneous medievalisms. The differences between the real medieval studies of multiple histories as histories of the political, social and economic experiences of the West and the fictional attempts to imagine and invent the histories of the non-existent feudal “cozy worlds of conservative escapism” (Panfilov, 2014) can be formal and nominal because the medieval worlds invented in fantasy began to create their own historiographic traditions that simulate and imitate styles and large narratives of academic historiography successfully. The market triumph of fantasy and its successful film expansion (Kovaliov, 2014; Panfilov, 2014; Arnautova, 2016), despite the frontier cultural nature of the genre, actualised the universality of medievalism. Evgenii Savitskii, the Russian historian, defines medievalism in the following way:

images of the Middle Ages, scientific and popular, existing in the modern times, as well as institutions engaged in their production or using them, including literature, cinema, and computer games” (Savitskii, 2015)

Russian historian Dmitrii Haritonovich stresses that the phenomenon of medievalism became universal for modern cultures and “the Middle Ages are in us” (Haritonovich, 2000).

The first “professional” historians and medievalists of the imagined medievalisms can be the authors of fantasy novels that stimulate the historical imagination, but the social and cultural demands of consumer society stimulate the emergence of the specialised pseudo-academic communities that develop alternative historiographic discourses. The market, demand and interest became three factors that ensured this sort of literature with success and significant sales. On the one hand, these texts can stimulate, interest in the imagined worlds and inspire historians to criticise and analyse alternative historical narratives simultaneously, despite the fact that these histories are nothing more than a literary fiction, but these fantasies have much in common with the real history of medieval England.

Commenting on the historical parallels between the formally fantasy plot of the George Martin saga and the history of the War of Roses, American historian Brian A. Pavlac believes:

The doomed Richard of York influences the character of Eddard Stark. Robert Baratheon resembles Edward IV both in his warrior prowess and in his neglect for the rule. Robb Stark, also like a valiant Edward IV, makes a politically foolish marriage. Among the Lannisters, Tywin is a bold and sharp ruler, just like Edward I, “the Hammer of the Scots”. Richard III’s wit, insight, and alleged hunchback are exaggerated in the character of the dwarf Tyrion. His sister Cersei receives the same kind of abuse hurled at Margaret of Anjou (1430 – 1480), the wife of Henry VI. And young Danaerys combines the attributes of an inspirational Joan of Arc with those of the claimant to the throne, Henry Tudor” (Pavlac, 2017).

On the other hand, these fictitious historiographies (Martin, García, Antonsson, 2014; Martin, 2012; Martin, 2015; Martin, Pearlman, 2015) are extremely interesting in the contexts of genesis and the transformation of historiographical narratives: despite the fact that such texts focus on histories as fruits of imagination and mind games, they actualise the objective processes of genesis and further transformations of collective strategies of public use of history including its invention and manipulations with memory of communities, despite the fact that they emerged as the results of fans’ activities. These histories (Reinhart, 2014; Lowder, 2012; Langley, 2016) that imitate and simulate academic historiography, on the one hand, actualise the methodological crisis of medieval studies, blurring the boundaries of history as a form of knowledge with non-academic

strategies for the production of meanings. These authorised and amateur histories inspire a regress of historiography that actualises its genetic relationships with medieval chronicles and annals.

Authors of modern texts in the fantasy genre who simultaneously became authors of novels and authors of pseudo-academic descriptions of events, they invented in their texts, mutated into modern chroniclers and annalists of the non-existent worlds. Modern writers as convinced and hardened postmodernists became both authors of texts and researchers of the worlds, they imagined and invented. All these writings form “beyond” (Ryzhkovskii, 2009) of modern fantasy and legitimise the invented and imagined worlds post factum. On the other hand, they stimulated the response of the academic community, but professional historians reacted too late when the market was occupied by other texts written by the authors of the original fantasy novels or fans of the genre. Professional historians were forced to state the invasion of games in the Middle Ages in particular or quasi-medievalism in modern realities in general. Critics could only admit that mass literature and the film industry responded and reacted promptly to social and cultural demands, but the triumph of the new and simplifies medievalism actualised the frontier character of the modern intellectual situation.

Therefore, the voice of few representatives of the academic community (Larrington, 2016; Pavlac, 2017; Johnston, Battis, 2015; Attewell, 2014; Mondschein, 2017; Perpinya, 2016; Young, 2015; Carroll, 2017) who tried to analyse texts of the fantasy genre in contexts of their real historical genealogies and intellectual archaeologies turned out to be muffled by a harmonious chorus of fanatical writings and texts. The fantasy as a genre is extremely heterogeneous and therefore the author presumes that it would be logical to assume that imagined medieval studies of ideal feudal worlds, on the one hand, can provide frontier studies with several interdisciplinary and promising sub-disciplines, including sociology, historical anthropology, cultural anthropology, and microhistory of the imagined feudalisms. On the other hand, if we take into account that the corpus of texts is too significant and contemporary writers have no intention of stopping writing texts in the fantasy genre clearly, alternative medieval studies of imagined feudal worlds can mutate into the analysis of particular cases.

From frontier studies to... frontier studies, or a new agenda. This scenario of the evolution of alternative medieval studies as a part of frontier studies can provide the academic community with postmodernist and constructivist texts that can have much in common with Western medieval studies of the “Annals” or methodologically and theoretically

related approaches. “Institutional instability of the late Middle Ages: the case of Arkanar”, “Secular and religious elites of Arkanar and Vallek: comparative analysis”, “Principles of inner suzerainty and sources of feudal fragmentation: numerous cases of Winterfell”, “Political anthropology of power: Hand of the King (sacred and secular aspects)”, “Cities as the ancestral homes of social transformations: Braavos and Pentos between early capitalism and relapses of re-feudalisation” are just a few examples of possible names of plausible articles that have chances to form the interdisciplinary trend in frontier studies.

The author understands that these titles of possible articles have nothing in common with the Russian academic tradition and can annoy by their “deliberate anachronism”. Evgenii Savitskii, Russian historian, commenting on the situation states that

American professional historians, philologists, and art historians publish dozens of books that would anger the researcher who was brought up respecting the principle of historicism. These texts are little known in Russia because they look strange, do not correspond to academic criteria, which are still reproduced in Russian universities. The inadequate reception of this kind of research literature is evident evidence of a continuing gap in the theoretical horizons, a lack of understanding of some basic premises that have significantly influenced the production of historical knowledge in the US and to some extent in Western Europe since the 1970s and 1980” (Savitskii, 2016).

Analysing the cultural contribution of modern fantasy, including the texts of George Martin, it is extremely important to remember that this literature was able to become a stimulus for academic imagination and the synthesis of medievalism with studies of popular culture and collective perceptions of the past.

These new studies focused on the imagined feudalism of “Games of Thrones” look quite respectable and their authors imitate and simulate academic approaches actively and successfully, but this imitation has only a formal character because the actual studies of feudal relations and Westeros institutions imitate university discourse so deeply that it became part of semi-academic historiography. Westeros medievalism can inspire the analysis of problems, which academically recognized and respected medieval studies explore. The author presumes that the Western medievalists reached a compromise in the studies of the imagined and heterogeneous feudalisms and proposed an agenda that includes the studies of political and religious institutions (Riggs, 2017; Attali, 2017; Clasby, 2017; Swank, 2017; Giudici, 2017; Uckelman, 2017; Polack, 2017),

chivalry and the phenomenon of royalty (Finn, 2017; Quercia, 2017; Muhlberger, 2017; Pavlac, 2017), heterogeneous social spaces and situations of existence of multiple dependent groups of the population (Carroll, 2017; Ruiter, 2017). Modern historians of Westeros believe that gender and children's history of feudalism (Liedl, 2017; Strandgaard 2017; Mares, 2017; Alesi, 2017) are extremely promising also. Actually, contemporary interdisciplinary studies of plural and heterogeneous feudal and medieval worlds of Westeros (Peterson, 2015; Napolitano, 2015; Cowlshaw, 2015; Walker, 2015; Zontos, 2015; Hackney, 2015; Wittingslow, 2015; Nel, 2015; DeCoste, 2015; Gresham, 2015; Kozinsky, 2015; Leederman, 2015) actualise the experience of traditional positivist historiography and synthesise it with interdisciplinary postmodernist attempts to invent history.

This intellectual situation, on the one hand, confirms that modern medievalism as a postmodern construct and invented academic tradition is ready to analyse any sources that do not fix the real historical experiences of feudalisms and medievalisms, but actually imagines and invents them here and now for mass consumerism. American historians imagine the source as a universal absolute and they are ready to localise the texts in the genre of fantasy among other sources:

for historians, the first step in answering any problem is to find the sources. Any record of past human activity is a source, but most useful for historians are written records: letters, diaries, memoirs, autobiographies, writs, laws, accounts, speeches, and literature. Without sources, we know nothing of what happened in the past. And, even with sources, our knowledge is incomplete, tentative, and uncertain. The word “versus” [...] underscores the tension of understanding facts and reality, whether in fiction or in history. The narrators in *Game of Thrones* are sources, and, like all people, they offer individual perspectives that contradict and confuse one another” (Pavlac, 2017).

The frontier and fictitious character of the fantasy texts does not confuse their researchers that their conclusions will be the result of postmodern birth traumas because they will be temporary, situational, constructed, imagined and invented. This approach once again confirms the universality of presentism in American historiography that allows a historian to imagine and invent events and social historical realities. On the other hand, fantasy became an incentive that allows modern historians to experiment and not lose the skills of critical thinking because the analysis of non-existent worlds with their multiple feudalisms and the Middle Ages became an effective charging for the mind that turned the Middle Ages in

the more attractive object of analysis than international terrorism. The historical and political experiences of the West inspired the great capitalist mutation and transformation. The heterogeneous medievalisms and feudalisms with their numerous local versions were not able to withstand competition with the iron step of capitalism that destroyed the archaic dynastic states and replaced them with a nation or nationalising ones. Writers are cramped and sometimes uncomfortable in the discourse of pure and orthodox fantasy.

Therefore, the history of Soviet, Russian and Western science fiction provides its historians with numerous texts, where imagined societies passed feudalism and used different models of political, social, economic and cultural transformations and transitions into formal capitalism. The Analysis of the imagined capitalist, authoritarian and other constructed worlds of science fiction, utopias and anti-utopias can essentially supplement the list of hypothetical titles of academic articles of a new dynamically developing discourse of studies of the invented worlds. “Numerous non-classical fascisms: problems of the typology of political regimes in Saraksh”, “Tormance as Asia: the problems of political authoritarianism”, “Military elites as a political factor in Alai Duchy and the Empire” are only few names of plausible articles that can belong to the methodological canon of frontier studies or be the part of other dynamically changing interdisciplinary approaches simultaneously. Further analysis of imagined worlds in their political, social, economic, cultural, religious diversities can stimulate interdisciplinary synthesis.

The studies of the imagined worlds actualise and reveal the potential of inventionism and imaginalism because they will confirm the universality of these post-modernist approaches that are equally effective for analyzing real historical and political processes and imagining forms of economic and social transformations of non-existent societies. The research activities of historians who will explore non-existent worlds will have a lot in common with studies of real historical sources. They can achieve the same conclusions because the objects and subjects of their studies are equally inaccessible to them: a historian who analyzes the sources of the era of the War of Roses and his colleague who studies similar processes in various non-academic artistic texts of the fantasy genre are equally weak in verifying their conclusions because the Wars of Roses ended a few centuries ago in particular, and the fantasy worlds never existed in general. Real historical sources about the War of roses and texts about the struggle of the kingdoms that belong to the fantasy discourse have a lot in common because they are only constructed with different reputations.

Nothing foreshadowed interest in texts about the struggle of the English aristocracy for the king's throne because their anonymous writers,

representatives of the silent medieval majority, on the one hand, could not assume that their manuscripts would be almost the only source for modern historians. On the other hand, no one can guarantee that a few centuries later accidentally escaped and fragmented texts about the war of kingdoms and thrones will not be imagined as real historical sources because hypothetical historians of the future will work with texts, as modern historians do, and write history as an attempt to deconstruct the source and construct our collective ideas about it. The author presumes that it is possible to offer an agenda for further studies of the non-existent worlds in the contexts of frontier studies, intellectual, cultural and social histories, but the most of the texts will focus on alternative medievalisms or various experiences of political, economic and social developments in formally capitalist or leftist ideological dominants.

Preliminary conclusions. The author presumes that further studies of fantasy, science fiction, utopias and anti-utopias as special cases of the cultural frontiers can become very promising in the contexts of frontier studies, the history of literature, cultural, social and intellectual histories simultaneously. The analysis of fantasy allows us to trace the trajectories and ways how the mass consciousness and the culture of mass consumerism perceive academic discourse and discourse of high culture. The rapid progress and the triumph of fantasy became distorted and refracted reflections of the successes and achievements of Western medieval studies in general and of “Annales school” in particular. The successes of the fantasy and its expansion, on the one hand, were impossible without the works of French and Italian medievalists who discovered and actualised human, anthropological and microhistorical forms and dimensions of heterogeneous worlds and medieval landscapes.

On the other hand, the triumph of the consumerism that tends to consume almost everything, including primitivised and simplified historical facts, re-imagined and re-invented history as a story for entertainment, fun and pseudo-intellectual pleasures. The huge literature of fantasy responded to these social inquiries with numerous texts stylised as a chivalric novel. Fantasy became a frontier cultural phenomenon when it ceased to be the property of English and American literature only because foreign authors who began to master and even occupy and colonise this genre actively preferred to create template texts where social and cultural spaces, political and historical contexts grew out of Western European feudalism. It is extremely difficult to distinguish the texts of the American or English authors from the ones of their Russian colleagues because they prefer to use a limited set of storylines, including chivalry, magic, feudal

wars etc. The fantasy in this cultural situation mutated into the great cultural frontier with blurred borders between national literatures.

The frontier character of the fantasy actualises the marginality of this genre, but the marginality of the fantasy has no negative connotations. Fantasy is marginal because it is a frontier in the contexts of simultaneous exclusive non-belongingness of one cultural tradition only. The analysis of the texts that form the fantasy discourse is extremely promising in the contexts of interdisciplinary synthesis because it provides the historian with the opportunities to use the methods of historical, social, economic sciences to analyse non-existent worlds as frontier spaces between real historical facts, processes and institutions and fictional trajectories of social, political and economic developments of imagined multiple worlds.

References:

Alesi, D. (2017), *The Power of Sansa Stark: A Representation of Female Agency in Late Medieval England*. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood*, (pp. 161-170). NY: Wiley-Blackwell.

Anglberger, A. & Hieke, A. (2012). Lord Eddard Stark, Queen Cersei Lannister: Moral Judgments from Different Perspectives. In Jacoby, H. & Irwin, W. (2012) (eds.). *Game of Thrones and Philosophy: Logic Cuts Deeper than Swords* (pp. 87-98). Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.

Attali, M. (2017). Religious Violence in Game of Thrones: An Historical Background from Antiquity to the European Wars of Religion In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood*, (pp. 185-194). NY: Wiley-Blackwell.

Attebery, B. (1980). *The Fantasy Tradition in American Literature: From Irving to Le Guin*. Bloomington: Indiana University Press, 224 p.

Attewell, S. (2014). *Race for the Iron Throne: Political and Historical Analysis of «A Game of Thrones»*. Blue Buddha Press, 718 p.

Berger, M. (1977). *Real and Imagined Worlds: The Novel and Social Science*. Harvard University Press, 311 p.

Bowen, T. & Nemanic, M. L. (2010). (eds.). *Cultural Production in Virtual and Imagined Worlds*. Cambridge: CSP, 202 p.

Bowman, W. (2014). Women and Women: Use of Women Types as Rhetorical Techniques in Atwood's «Handmaid's Tale» and Tepper's «Gate to Women's Country». *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Volume 1, (4), pp. 7-26.

Cadden, M. (2014). *Ursula K. le Guin beyond Genre: Fiction for Children and Adults*. NY: Routledge, 219 p.

Carroll, S. (2017). *Medievalism in a Song of Ice and Fire and Game of Thrones*. Boydell & Brewer, 192 p.

Carroll, S. (2017). Barbarian Colonizers and Postcolonialism in Westeros and Britain. In Pavlac, Brian A. (2017). *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 73-84). NY: Wiley-Blackwell.

Clasby, Daniel J. (2017). Coexistence and Conflict in the Religions of Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. (2017). *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp 195-208). NY: Wiley-Blackwell.

Cowlshaw, B. (2015). What Maesters Knew: Narrating Knowing. In Johnston, S. & Battis, J. (eds). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 57-70). NY: McFarland.

Dearman, A. (2016). Redefining Masculinity through Disability in HBO's Game of Thrones. In *A Capstone Thesis Submitted to Southern Utah University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Professional Communication*. Utah University, 83 p.

DeCoste, D. M. (2015), Beyond the Pale? Craster and the Pathological Reproduction of Houses in Westeros, Johnston, Susan. Battis, In Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 225-242). NY: McFarland.

Dragons of Westeros: A Critical Look at the Beasts of Game of Thrones. (2016). CreateSpace Independent Publishing Platform. 58 p.

Dyson, F. (1997). *Imagined Worlds*. Harvard: Harvard University Press, 224 p.

Fagnastøl, I. (2014). *Learner Perspectives on Aspects of Power in George R. R. Martin's A Game of Thrones. Master's Thesis. Master i fremmedspråk i skolen. Avdeling for økonomi, språk og samfunnsfag*. Oslo: University of Oslo, 208 p.

Finn, K. (2017). High and Mighty Queens of Westeros. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 19-32). NY: Wiley-Blackwell.

Game of Thrones: A Family History. (2015). CreateSpace Independent Publishing Platform, 106 p.

Game of Thrones: Longclaw Collectible Sword. (2015). Bantam: Running Press, 64 p.

Game of Thrones: Prophecies and Dreams. (2015). CreateSpace Independent Publishing Platform, 66 p.

Game of Thrones: The Masterminds of Westeros. (2015). CreateSpace Independent Publishing Platform, 60 p.

Gee, N. (2016). The Wizards Beneath: Finding Plato and Freud in Ursula K. Le Guin's «The Tombs of Atuan». In Mark A. F. (ed.). *Fantasy Literature Challenging Genres* (pp. 27-40). Rotterdam: Sense publishers.

Giudici, G. (2017). By Whisper and Raven: Information and Communication in Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 227-240). NY: Wiley-Blackwell.

Gresham, K. (2015). Cursed Womb, Bulging Thighs and Bald Scalp: George R.R. Martin's Grotesque Queen. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 151-169). NY: McFarland.

Hackney, C. H. (2015). «Silk ribbons tied around a sword»: Knighthood and the Chivalric Virtues in Westeros. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 132-150). NY: McFarland.

Hobson, A. (2013). Is George R.R. Martin the 'American Tolkien'? *American Spectator*, May 31.

Huizinga, J. (1943). History changing form. *Journal of the History of Ideas*, Vol. 4, (2), pp. 217-223.

Johnston, S. & Battis, J. (2015) (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire*. NY: McFarland, 308 p.

Käkelä, J. (2014). Managing and Manipulating History: Perpetual Urgency in Asimov and Heinlein. *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Volume 1, (2), pp. 7–22.

Kozinsky, B. (2015). «A thousand bloodstained hands»: The Malleability of Flesh and Identity. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 170-180). NY: McFarland.

Langley, T. (2016). (ed.). *Game of Thrones Psychology: The Mind is Dark and Full of Terrors*. NY: Sterling, 304 p.

Łapińska, M. (2013). «A Game of Thrones» – a New Classic? *Crossroads. A Journal of English Studies* (3), pp. 52-54.

Larrington, C. (2016). *Winter is Coming: The Medieval World of Game of Thrones*. NY: I.B.Tauris, 288 p.

Law, J & Urry, J. (2004). Enacting the social. *Economy and Society*, Vol. 33, (3), pp. 390-410.

Leavenworth, M. L. & Leavenworth, V. (2017). Fragmented Fiction: Storyworld Construction and the Quest for Meaning in Justin Cronin's «The Passage». *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Volume 4, (2), pp. 22-33.

Leederman, T.A. (2015). A Thousand Westerosi Plateaus: Wargs, Wolves and Ways of Being. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (2015). (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 189-204). NY: McFarland.

Lehmann, O., Chaudhary, N. Bastos, A. C. & Abbey, E. (2017). (eds.). *Poetry and Imagined Worlds: Creativity and Everyday Experience*. Palgrave Macmillan, 273 p.

Lehtonen, S. (2015). Writing Oneself into Someone Else's Story – Experiments With Identity And Speculative Life Writing in «Twilight» Fan Fiction. *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Volume 2, (2), pp. 7-18.

Liedl, J. (2017). Rocking Cradles and Hatching Dragons: Parents in Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 135-136). NY: Wiley-Blackwell.

Lobdell, J. (2005). *The Rise of Tolkienian Fantasy*. Chicago: Open Court, 204 p.

Lowder, J. (2012). *Beyond the Wall: Exploring George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire, From A Game of Thrones to A Dance with Dragons*. NY: Smart Pop, 240 p.

Mares, N. M. (2017). Writing the Rules of Their Own Game: Medieval Female Agency and Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 147-160). NY: Wiley-Blackwell.

Marques, D. (2016). The Haunted Forest of «A Song of Ice and Fire»: a space of otherness. *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Vol. 3, (3), pp. 31 – 40.

Martin, G. & Pearlman, R. (2015). *Game of Thrones: In Memoriam*. Bantam: Running Press, 112 p.

Martin, G. (2011). *A Clash of Kings*. New York: Bantam Books

Martin, G. (2011). *A Feast for Crows*. New York: Bantam Books

Martin, G. (2011). *A Game of Thrones*. New York: Bantam Books

Martin, G. (2011). *A Storm of Swords*. New York: Bantam Books

Martin, G. (2012). *A Dance with Dragons*. New York: Bantam Books

Martin, G. (2012). *The Lands of Ice and Fire (A Game of Thrones): Maps from King's Landing to Across the Narrow Sea*. Bantam: Fol Map Mt edition, 16 p.

Martin, G. (2015). *Game of Thrones: The Noble Houses of Westeros*. Bantam: Running Press, 160 p.

Martin, G., García, E. & Antonsson, L. (2014). *The World of Ice and Fire: The Untold History of Westeros and the Game of Thrones*. Bantam: Later Printing edition, 336 p.

McGarry, N. & Ravipinto, D. (2016). In the Shadow of the Status Quo: The Forgotten in «The Lord of the Rings» and «A Song of Ice and Fire». In M. A. Fabrizi. (ed.). *Fantasy Literature Challenging Genres* (pp. 13-26). Rotterdam: Sense publishers.

Mondschein, K. (2017). *Game of Thrones and the Medieval Art of War*. McFarland, 236 p.

Muhlberger, S. (2017). Chivalry in Westeros. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (47-56). NY: Wiley-Blackwell.

Napolitano, M. (2015). «Sing for your little life»: Story, Discourse and Character. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (2015). (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 35-56). NY: McFarland.

Natishan, G. K. (2012). Returning the King: The Medieval King in Modern Fantasy. *Thesis submitted to the faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in English*. Blacksburg, Virginia, 58 p.

Nel, D. C. (2015). Sex and the Citadel: Adapting Same Sex Desire from Martin's Westeros to HBO's Bedrooms. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp 205-224). NY: McFarland.

Pavlac, B. A. (2017). *Game of Thrones versus History: Written in Blood*. NY: Wiley-Blackwell, 312 p.

Pavlac, B. A. (2017). Introduction: The Winter of Our Discontent. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 1-7). NY: Wiley-Blackwell.

Pavlac, B. A. (2017). Of Kings, Their Battles, and Castles. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 57-70). NY: Wiley-Blackwell.

Pedersen, B. W. (2017). *Words Are Wind: Investigating Literacy and Power in «A Song of Ice and Fire»*. Master's Thesis in Programme «Master in Literacy Studies». Faculty of arts and education. University of Stavanger, 90 p.

Perpinya, N. (2016). *Ruins, Nostalgia and Ugliness: Five Romantic perceptions of the Middle Ages and a spoonful of Game of Thrones and Avant-garde oddity*. Logos Verlag, 119 p.

Peterson, D. J. (2015). The Languages of Ice and Fire. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 15-34). NY: McFarland.

Polack, G. (2017). Setting up Westeros: The Mediaeval World of Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 251-260). NY: Wiley-Blackwell.

Quercia, J. della. (2017). A Machiavellian Discourse on Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 33-46). NY: Wiley-Blackwell.

Ramon Ruiz, J. L. de. (2016). The Favor of the Gods: Religion and Power in George R. R. Martin's «A Song of Ice and Fire». *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Vol. 3, (3), pp. 41 – 50.

Reinhart, M. C. (2014). *Game of Thrones: A Pop-Up Guide to Westeros*. Insight Editions; Ina Pop edition, 5 p.

Riggs, D. (2017). Continuity and Transformation in the Religions of Westeros and Western Europe. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 173-184). NY: Wiley-Blackwell.

Ruiter, B. de. (2017). A Defense against the “Other”: Constructing Sites on the Edge of Civilization and Savagery. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 85-96). NY: Wiley-Blackwell.

Sammons, M. (2010). *War of the Fantasy Worlds: C.S. Lewis and J.R.R. Tolkien on Art and Imagination*. Santa Barbara: Praeger, 257 p.

Slusser, G. E. & Rabkin, E. S. (1989). (eds.). *Mindscales: The Geographies of Imagined Worlds*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 324 p.

Strandgaard, J. H. & Qvistgaard, M. (2017). «Oh, my sweet summer child»: Children and Childhood in Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 137-146). NY: Wiley-Blackwell.

Sullivan, C. W. (2001). Folklore and Fantastic Literature. *Western Folklore*, Vol. 60, (4), Retrieved from: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-252595371/folklore-and-fantastic-literature>

Swank, K. (2017). «I shall take no wife»: Celibate Societies in Westeros and in Western Civilizationю. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 209-223). NY: Wiley-Blackwell.

Tegelman, A. (2013). «Forgive me for all I have done and all I must do» – Portrayals of Negative Motherhood in George R.R. Martin's «A Game of Thrones», «A Clash of Kings» and «A Storm of Swords». University of Tampere, School of Language, Translation, and Literary Studies English Philology. Pro Gradu Thesis, 91 p.

Thorstensen, B. (2014). «A Book Every King Should Read»: An Argument for the Inclusion of George R.R. Martin's *A Song of Ice and Fire* into the Fantasy Canon. A Thesis Submitted to The Department of Literature, Area Studies, and European Languages University of Oslo In Partial Fulfillment of the Requirements for the MA Degree. Oslo: University of Oslo, 88 p.

Timmerman, J. (1983). *Other Worlds: The Fantasy Genre*. Bowling Green: Bowling Green University Popular Press, 140 p.

Uckelman, S. L., Murphy, S. & Percer, J. (2017). What's in a Name? History and Fantasy in Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 241-250). NY: Wiley-Blackwell.

Vike, M. (2009). *The Familiar and the Fantastic. A Study of Contemporary High Fantasy in George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire and Steven Erikson's Malazan Book of the Fallen*. Master's Thesis. Department of Foreign Languages. University of Bergen, 89 p.

Walker, J. (2015). «Just songs in the end»: Historical Discourses in Shakespeare and Martin. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 71-91). NY: McFarland.

Wendorf, Th. (2002). Greene, Tolkien, and the Mysterious Relations of Realism and Fantasy. *Renascence: Essays on Values in Literature*, Vol. 55. (1), Retrieved from: <https://www.questia.com/article/1G1-98978417/greene-tolkien-and-the-mysterious-relations-of-realism>

Wittingslow, R. (2015). «All men must serve»: Religion and Free Will from the Seven to the Faceless Men. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 113-131). NY: McFarland.

Wolf, M. (2014). *Building Imaginary Worlds: The Theory and History of Subcreation*. Routledge, 408 p.

Wolf, M. (2016). (ed.). *Revisiting Imaginary Worlds: A Subcreation Studies Anthology*. Routledge, 406 p.

Young, H. (2015). *Fantasy and Science Fiction Medievalisms: From Isaac Asimov to A Game of Thrones*. Cambria Press, 240 p.

Zontos, M. (2015). Dividing Lines: Frederick Jackson Turner's Western Frontier and George R.R. Martin's Northern Wall. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 92-112). NY: McFarland.

Arnautova, Yu. (2016). Reflections of the medievalist on the new "image of the Middle Ages". *The new past* (1), pp. 26-37.

Winterle, I.D. (2013). *Phenomenon of incompleteness in the early works of J.R.R. Tolkien and the problem of the formation of the concept of fantasy*. The dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the candidate of philological sciences on specialty 10.01.03 - "Literature of the peoples of foreign countries (English)". Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, 24 pp.

Deineka, E. A. & Bulygina, N. S. (2015). On the semantics. Syntactics and pragmatics of "possible worlds" in the three-dimensional

space of idiolect: hypnotic hallucinations and fantasy. *Criticism and semiotics*, (2), pp. 135-160.

Demina, A. (2015). *Fantasy in modern culture: philosophical analysis*. Thesis for the degree of Candidate of Philosophy in specialty 24.00.01 - "Theory and History of Culture". Astrakhan: Astrakhan State University, 156 p.

Zavalska, I. (2010). Metaphysical space in fantasy. On the material of S. Loginov's novel "The Many-armed God of Dalain". In *Other times: the evolution of Russian fiction at the turn of the millennium* (pp. 23-32). Chelyabinsk: OOO Encyclopedia, 2010.

Kovalev, G. (2014). *Rumata against the Lannisters*. Retrieved from: http://seance.ru/blog/esse/tbb_gameofthrones/

Kovtun, E.N. (2010). "Continuing DRP. Tolkien ": the tradition of narration about Middle-earth in the newest domestic science fiction. In *other times: the evolution of Russian fiction at the turn of the millennium* (pp. 69-85). Chelyabinsk: Encyclopedia.

Korolkova, Ya. (2013). Hero-collective in works of fantasy. *Philological Sciences: Issues of Theory and Practice* (11/1), pp. 84-86.

Krinityna, O. (2011). *Slavic fantasy in the modern literary process: poetics, transformation, reception*. The dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the candidate of philological sciences on a specialty 10.01.01 - "Russian literature". Perm: Perm State National Research University, 23 p.

Nazarova, I. (2015). *The role of the mythology of fantasy in shaping the worldview of modern man*. Master's thesis in the direction 51.04.01 "Social Culturology". Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first president of Russia BN. Yeltsin, 217 with.

Panfilov, F. (2014). Knight of a fireplace rug. *Colt*. Retrieved from: <http://www.colta.ru/articles/media/1997>

Panfilov, F. (2014). Telemedievalism: "medieval" series of the late XX - early XXI century. *The Logos*, (6), pp. 193-208

Ryzhkovsky, V. (2009). Soviet medieval studies and Beyond (to the history of one discussion). *New literary review*, (97), Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/ry4.html>

Savitsky, E. (2015). "New Mediaevalism" a quarter of a century later. *New literary review*, (135), Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/27s-pr.html>

Savitsky, E. (2016). Preposterous History: an anachronistic Middle Ages at the turn of the 20th and 21st centuries. *Sociology of power*, (2), pp. 62-77

Fokine, AA (2010). "Savyanskoye Fantasy" as a phenomenon of mass literature in modern Russia. In *Other times: the evolution of Russian*

fiction at the turn of the millennium (pp. 168-178). Chelyabinsk: Encyclopedia.

Kharitonovich, D. (2000). Modernity of the Middle Ages. *In a new world* (10), Retrieved from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/10/sovr.html

**«НОВОЕ ВИНО В СТАРЫХ МЕХАХ»: ДРУГИЕ ГОРИЗОНТЫ
ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПЕРФОРМАТИВНЫЙ
ПОВОРОТ В ФЭНТЕЗИ МЕЖДУ МЕДИЕВАЛИЗМОМ И
ТРАДИЦИОННОЙ ПОЭТИКОЙ**

Кирчанов М.В.

Кирчанов Максим В., Воронежский государственный университет, 394000,
Россия, г. Воронеж, Пушкинская 16 Эл. почта:
maksymkyrchanoff@gmail.com

Автор статьи анализирует перспективы развития фронтальных исследований как междисциплинарного тренда современных гуманитарных наук. Предполагается, что фронтальным исследованиям тесно в контексте как традиционных истории, социологии, антропологии, этнологии и междисциплинарных подходов. Автор полагает, что реально существовавших политических, социальных и культурных институтов недостаточно для дальнейшего эффективного и динамичного развития фронтальных исследований. Автор настаивает, что междисциплинарный потенциал изучения множественных воображаемых миров фэнтези и твердой научной фантастики может обеспечить историков значительным корпусом текстов. Дальнейший анализ воображаемых миров актуализирует их фронтальный характер. Автор полагает, что изучение воображаемых медиевализмов будет содействовать развитию и прогрессу фронтальных исследований в контекстах анализа социальных, политических и экономических институтов. Анализ воображаемых средневековых сблизит фронтальные исследования с политической, культурной, социальной и экономической историями.

Ключевые слова: фронтальные исследования, воображаемые миры, фэнтези, научная фантастика, медиевализм, массовая культура

Список литературы

Alesi, D. (2017), The Power of Sansa Stark: A Representation of Female Agency in Late Medieval England. In Pavlac, Brian A. *Game of*

Thrones versus History: Written in Blood, (pp. 161-170). NY: Wiley-Blackwell.

Anglberger, A. & Hieke, A. (2012). Lord Eddard Stark, Queen Cersei Lannister: Moral Judgments from Different Perspectives. In Jacoby, H. & Irwin, W. (2012) (eds.). *Game of Thrones and Philosophy: Logic Cuts Deeper than Swords* (pp. 87-98). Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.

Attali, M. (2017). Religious Violence in Game of Thrones: An Historical Background from Antiquity to the European Wars of Religion In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood*, (pp. 185-194). NY: Wiley-Blackwell.

Attebery, B. (1980). *The Fantasy Tradition in American Literature: From Irving to Le Guin*. Bloomington: Indiana University Press, 224 p.

Attewell, S. (2014). *Race for the Iron Throne: Political and Historical Analysis of «A Game of Thrones»*. Blue Buddha Press, 718 p.

Berger, M. (1977). *Real and Imagined Worlds: The Novel and Social Science*. Harvard University Press, 311 p.

Bowen, T. & Nemanic, M. L. (2010). (eds.). *Cultural Production in Virtual and Imagined Worlds*. Cambridge: CSP, 202 p.

Bowman, W. (2014). Women and Women: Use of Women Types as Rhetorical Techniques in Atwood's «Handmaid's Tale» and Tepper's «Gate to Women's Country». *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Volume 1, (4), pp. 7-26.

Cadden, M. (2014). *Ursula K. le Guin beyond Genre: Fiction for Children and Adults*. NY: Routledge, 219 p.

Caroll, S. (2017). *Medievalism in a Song of Ice and Fire and Game of Thrones*. Boydell & Brewer, 192 p.

Carroll, S. (1917). Barbarian Colonizers and Postcolonialism in Westeros and Britain. In Pavlac, Brian A. (2017). *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 73-84). NY: Wiley-Blackwell.

Clasby, Daniel J. (2017). Coexistence and Conflict in the Religions of Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. (2017). *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp 195-208). NY: Wiley-Blackwell.

Cowlshaw, B. (2015). What Maesters Knew: Narrating Knowing. In Johnston, S. & Battis, J. (eds). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 57-70). NY: McFarland.

Dearman, A. (2016). Redefining Masculinity through Disability in HBO's Game of Thrones. In A Capstone Thesis Submitted to Southern Utah University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Professional Communication. Utah University, 83 p.

DeCoste, D. M. (2015), *Beyond the Pale? Craster and the Pathological Reproduction of Houses in Westeros*, Johnston, Susan. Battis, In Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 225-242). NY: McFarland.

Dragons of Westeros: A Critical Look at the Beasts of Game of Thrones. (2016). CreateSpace Independent Publishing Platform. 58 p.

Dyson, F. (1997). *Imagined Worlds*. Harvard: Harvard University Press, 224 p.

Fagnastøl, I. (2014). *Learner Perspectives on Aspects of Power in George R. R. Martin's A Game of Thrones. Master's Thesis. Master i fremmedspråk i skolen. Avdeling for økonomi, språk og samfunnsfag*. Oslo: University of Oslo, 208 p.

Finn, K. (2017). High and Mighty Queens of Westeros. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 19-32). NY: Wiley-Blackwell.

Game of Thrones: A Family History. (2015). CreateSpace Independent Publishing Platform, 106 p.

Game of Thrones: Longclaw Collectible Sword. (2015). Bantam: Running Press, 64 p.

Game of Thrones: Prophecies and Dreams. (2015). CreateSpace Independent Publishing Platform, 66 p.

Game of Thrones: The Masterminds of Westeros. (2015). CreateSpace Independent Publishing Platform, 60 p.

Gee, N. (2016). The Wizards Beneath: Finding Plato and Freud in Ursula K. Le Guin's «The Tombs of Atuan». In Mark A. F. (ed.). *Fantasy Literature Challenging Genres* (pp. 27-40). Rotterdam: Sense publishers.

Giudici, G. (2017). By Whisper and Raven: Information and Communication in Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 227-240). NY: Wiley-Blackwell.

Gresham, K. (2015). Cursed Womb, Bulging Thighs and Bald Scalp: George R.R. Martin's Grotesque Queen. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 151-169). NY: McFarland.

Hackney, C. H. (2015). «Silk ribbons tied around a sword»: Knighthood and the Chivalric Virtues in Westeros. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 132-150). NY: McFarland.

Hobson, A. (2013). Is George R.R. Martin the 'American Tolkien'? *American Spectator*, May 31.

Huizinga, J. (1943). History changing form. *Journal of the History of Ideas*, Vol. 4, (2), pp. 217-223.

Johnston, S. & Battis, J. (2015) (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire*. NY: McFarland, 308 p.

Käkelä, J. (2014). Managing and Manipulating History: Perpetual Urgency in Asimov and Heinlein. *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Volume 1, (2), pp. 7–22.

Kozinsky, B. (2015). «A thousand bloodstained hands»: The Malleability of Flesh and Identity. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 170-180). NY: McFarland.

Langley, T. (2016). (ed.). *Game of Thrones Psychology: The Mind is Dark and Full of Terrors*. NY: Sterling, 304 p.

Łapińska, M. (2013). «A Game of Thrones» – a New Classic? *Crossroads. A Journal of English Studies* (3), pp. 52-54.

Larrington, C. (2016). *Winter is Coming: The Medieval World of Game of Thrones*. NY: I.B.Tauris, 288 p.

Law, J & Urry, J. (2004). Enacting the social. *Economy and Society*, Vol. 33, (3), pp. 390-410.

Leavenworth, M. L. & Leavenworth, V. (2017). Fragmented Fiction: Storyworld Construction and the Quest for Meaning in Justin Cronin's «The Passage». *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Volume 4, (2), pp. 22-33.

Leederman, T.A. (2015). A Thousand Westerosi Plateaus: Wargs, Wolves and Ways of Being. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (2015). (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 189-204). NY: McFarland.

Lehmann, O., Chaudhary, N. Bastos, A. C. & Abbey, E. (2017). (eds.). *Poetry and Imagined Worlds: Creativity and Everyday Experience*. Palgrave Macmillan, 273 p.

Lehtonen, S. (2015). Writing Oneself into Someone Else's Story – Experiments With Identity And Speculative Life Writing in «Twilight» Fan Fiction. *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Volume 2, (2), pp. 7-18.

Liedl, J. (2017). Rocking Cradles and Hatching Dragons: Parents in Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 135-136). NY: Wiley-Blackwell.

Lobdell, J. (2005). *The Rise of Tolkienian Fantasy*. Chicago: Open Court, 204 p.

Lowder, J. (2012). *Beyond the Wall: Exploring George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire, From A Game of Thrones to A Dance with Dragons*. NY: Smart Pop, 240 p.

Mares, N. M. (2017). Writing the Rules of Their Own Game: Medieval Female Agency and Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 147-160). NY: Wiley-Blackwell.

Marques, D. (2016). The Haunted Forest of «A Song of Ice and Fire»: a space of otherness. *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Vol. 3, (3), pp. 31 – 40.

Martin, G. & Pearlman, R. (2015). *Game of Thrones: In Memoriam*. Bantam: Running Press, 112 p.

Martin, G. (2011). *A Clash of Kings*. New York: Bantam Books

Martin, G. (2011). *A Feast for Crows*. New York: Bantam Books

Martin, G. (2011). *A Game of Thrones*. New York: Bantam Books

Martin, G. (2011). *A Storm of Swords*. New York: Bantam Books

Martin, G. (2012). *A Dance with Dragons*. New York: Bantam Books

Martin, G. (2012). *The Lands of Ice and Fire (A Game of Thrones): Maps from King's Landing to Across the Narrow Sea*. Bantam: Fol Map Mt edition, 16 p.

Martin, G. (2015). *Game of Thrones: The Noble Houses of Westeros*. Bantam: Running Press, 160 p.

Martin, G., García, E. & Antonsson, L. (2014). *The World of Ice and Fire: The Untold History of Westeros and the Game of Thrones*. Bantam: Later Printing edition, 336 p.

McGarry, N. & Ravipinto, D. (2016). In the Shadow of the Status Quo: The Forgotten in «The Lord of the Rings» and «A Song of Ice and Fire». In M. A. Fabrizi. (ed.). *Fantasy Literature Challenging Genres* (pp. 13-26). Rotterdam: Sense publishers.

Mondschein, K. (2017). *Game of Thrones and the Medieval Art of War*. McFarland, 236 p.

Muhlberger, S. (2017). Chivalry in Westeros. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (47-56). NY: Wiley-Blackwell.

Napolitano, M. (2015). «Sing for your little life»: Story, Discourse and Character. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (2015). (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 35-56). NY: McFarland.

Natishan, G. K. (2012). Returning the King: The Medieval King in Modern Fantasy. *Thesis submitted to the faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in English*. Blacksburg, Virginia, 58 p.

Nel, D. C. (2015). Sex and the Citadel: Adapting Same Sex Desire from Martin's Westeros to HBO's Bedrooms. In Johnston, Susan. Battis,

Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp 205-224). NY: McFarland.

Pavlac, B. A. (2017). *Game of Thrones versus History: Written in Blood*. NY: Wiley-Blackwell, 312 p.

Pavlac, B. A. (2017). Introduction: The Winter of Our Discontent. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 1-7). NY: Wiley-Blackwell.

Pavlac, B. A. (2017). Of Kings, Their Battles, and Castles. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 57-70). NY: Wiley-Blackwell.

Pedersen, B. W. (2017). *Words Are Wind: Investigating Literacy and Power in «A Song of Ice and Fire»*. Master's Thesis in Programme «Master in Literacy Studies». Faculty of arts and education. University of Stavanger, 90 p.

Perpinya, N. (2016). *Ruins, Nostalgia and Ugliness: Five Romantic perceptions of the Middle Ages and a spoonful of Game of Thrones and Avant-garde oddity*. Logos Verlag, 119 p.

Peterson, D. J. (2015). The Languages of Ice and Fire. In Johnston, Susan. Batts, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 15-34). NY: McFarland.

Polack, G. (2017). Setting up Westeros: The Mediaevalsque World of Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 251-260). NY: Wiley-Blackwell.

Quercia, J. della. (2017). A Machiavellian Discourse on Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 33-46). NY: Wiley-Blackwell.

Ramon Ruiz, J. L. de. (2016). The Favor of the Gods: Religion and Power in George R. R. Martin's «A Song of Ice and Fire». *Fafnir – Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, Vol. 3, (3), pp. 41 – 50.

Reinhart, M. C. (2014). *Game of Thrones: A Pop-Up Guide to Westeros*. Insight Editions; Ina Pop edition, 5 p.

Riggs, D. (2017). Continuity and Transformation in the Religions of Westeros and Western Europe. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 173-184). NY: Wiley-Blackwell.

Ruiter, B. de. (2017). A Defense against the “Other”: Constructing Sites on the Edge of Civilization and Savagery. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 85-96). NY: Wiley-Blackwell.

Sammons, M. (2010). *War of the Fantasy Worlds: C.S. Lewis and J.R.R. Tolkien on Art and Imagination*. Santa Barbara: Praeger, 257 p.

Slusser, G. E. & Rabkin, E. S. (1989). (eds.). *Mindscapes: The Geographies of Imagined Worlds*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 324 p.

Strandgaard, J. H. & Qvistgaard, M. (2017). «Oh, my sweet summer child»: Children and Childhood in Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 137-146). NY: Wiley-Blackwell.

Sullivan, C. W. (2001). Folklore and Fantastic Literature. *Western Folklore*, Vol. 60, (4), Retrieved from: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-252595371/folklore-and-fantastic-literature>

Swank, K. (2017). «I shall take no wife»: Celibate Societies in Westeros and in Western Civilizationю. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 209-223). NY: Wiley-Blackwell.

Tegelman, A. (2013). «Forgive me for all I have done and all I must do» – Portrayals of Negative Motherhood in George R.R. Martin's «A Game of Thrones», «A Clash of Kings» and «A Storm of Swords». University of Tampere, School of Language, Translation, and Literary Studies English Philology. Pro Gradu Thesis, 91 p.

Thorstensen, B. (2014). «A Book Every King Should Read»: An Argument for the Inclusion of George R.R. Martin's *A Song of Ice and Fire* into the Fantasy Canon. A Thesis Submitted to The Department of Literature, Area Studies, and European Languages University of Oslo In Partial Fulfillment of the Requirements for the MA Degree. Oslo: University of Oslo, 88 p.

Timmerman, J. (1983). *Other Worlds: The Fantasy Genre*. Bowling Green: Bowling Green University Popular Press, 140 p.

Uckelman, S. L., Murphy, S. & Percer, J. (2017). What's in a Name? History and Fantasy in Game of Thrones. In Pavlac, Brian A. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* (pp. 241-250). NY: Wiley-Blackwell.

Vike, M. (2009). *The Familiar and the Fantastic. A Study of Contemporary High Fantasy in George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire and Steven Erikson's Malazan Book of the Fallen*. Master's Thesis. Department of Foreign Languages. University of Bergen, 89 p.

Walker, J. (2015). «Just songs in the end»: Historical Discourses in Shakespeare and Martin. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 71-91). NY: McFarland.

Wendorf, Th. (2002). Greene, Tolkien, and the Mysterious Relations of Realism and Fantasy. *Renascence: Essays on Values in*

Literature, Vol. 55. (1), Retrieved from: <https://www.questia.com/article/1G1-98978417/greene-tolkien-and-the-mysterious-relations-of-realism>

Wittingslow, R. (2015). «All men must serve»: Religion and Free Will from the Seven to the Faceless Men. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 113-131). NY: McFarland.

Wolf, M. (2014). *Building Imaginary Worlds: The Theory and History of Subcreation*. Routledge, 408 p.

Wolf, M. (2016). (ed.). *Revisiting Imaginary Worlds: A Subcreation Studies Anthology*. Routledge, 406 p.

Young, H. (2015). *Fantasy and Science Fiction Medievalisms: From Isaac Asimov to A Game of Thrones*. Cambria Press, 240 p.

Zontos, M. (2015). Dividing Lines: Frederick Jackson Turner's Western Frontier and George R.R. Martin's Northern Wall. In Johnston, Susan. Battis, Jes. (eds.). *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* (pp. 92-112). NY: McFarland.

Арнаутова, Ю. (2016). Размышления медиевиста о новом «образе средневековья». *Новое прошлое* (1), стр 26-37.

Винтерле, И. Д. (2013). *Феномен незавершённости в раннем творчестве Дж. Р.Р. Толкина и проблема становления концепции фэнтези*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья (английская)». Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 24 с.

Дейнека, Э. А. & Булыгина, Н. С. (2015). О семантике. Синтактике и прагматике «возможных миров» в трёхмерном пространстве идиолекта: гипнические галлюцинации и фэнтези. *Критика и семиотика*, (2), стр. 135-160.

Демина, А. (2015). *Фэнтези в современной культуре: философский анализ*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 24.00.01 – «Теория и история культуры». Астрахань: Астраханский государственный университет, 156 с.

Завальска, И. (2010). Метафизическое пространство в фэнтези. На материале романа С. Логинова «Многорукий бог Далайна». В *Иные времена: эволюция русской фантастики на рубеже тысячелетий* (стр. 23-32). Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2010.

Ковалёв, Г. (2014). *Румата против Ланнистеров*. Retrieved from: http://seance.ru/blog/esse/tbb_gameofthrones/

Ковтун, Е. Н. (2010). «Продолжая Д. Р.Р. Толкиена»: традиции повествования о Средиземье в новейшей отечественной фантастике. В *Иные времена: эволюция русской фантастики на рубеже тысячелетий* (стр. 69-85). Челябинск: ООО «Энциклопедия».

Королькова, Я. (2013). Герой-коллектив в произведениях фэнтези. *Филологические науки: вопросы теории и практики* (11/1), стр. 84-86.

Криницына, О. (2011). *Славянские фэнтези в современном литературном процессе: поэтика, трансформация, рецепция*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература». Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 23 с.

Назарова, И. (2015). Роль мифологии фэнтези в формировании мировоззрения современного человека. Магистерская диссертация по направлению 51.04.01 «Социальная культурология». Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина, 217 с.

Панфилов, Ф. (2014). Рыцарь каминного коврика. *Кольта*. Retrieved from: <http://www.colta.ru/articles/media/1997>

Панфилов, Ф. (2014). Телемедиализм: «средневековые» сериалы конца XX – начала XXI века. *Логос*, (6), pp, 193-208

Рыжковский, В. (2009). Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии). *Новое литературное обозрение*, (97), Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/ry4.html>

Савицкий, Е. (2015). «Новый медиализм» четверть века спустя. *Новое литературное обозрение*, (135), Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/27s-pr.html>

Савицкий, Е. (2016). Preposterous History: анахроничное Средневековье на рубеже XX–XXI веков. *Социология власти*, (2), стр. 62-77

Фокин, А. А. (2010). «Славянское фэнтези» как феномен массовой литературы в современной России. В *Иные времена: эволюция русской фантастики на рубеже тысячелетий* (стр. 168-178). Челябинск: ООО «Энциклопедия».

Харитонович, Д. (2000). Современность Средневековья. В *Новый мир* (10), Retrieved from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/10/sovr.html

ГЕРОИ СЕТЕВОГО ФРОНТИРА¹

Плотичкина Н.В.

Плотичкина Наталья Викторовна, Кубанский государственный университет, 350040, Краснодар, Россия, ул. Ставропольская, 149.

E-mail: oochronos@mail.ru

Освоение сетевого фронта является результатом коллективного сотрудничества, вместе с тем в статье интерпретируется роль инноваторов цифровой эпохи в процессе расширения сетевого пространства. Автором рассмотрены три типа героев сетевого фронта – пионеры, поселенцы и предприниматели, действовавшие на разных этапах колонизации фронтальной зоны. Периодизация развития сетевого фронта коррелирует с классификацией сетевых героев. Типологизация сетевых фронтисменов осуществлена в соответствии с ролью героев в процессах освоения сетевого фронта, создания сетевой реальности, формирования виртуальных сообществ. Пионеры зондировали фронт, разработали его базовые принципы и технологическую инфраструктуру. Поселенцы основали колонии, продвигали новые онлайн-сервисы. Предприниматели осуществили инвестиции в сетевые фронтальные поселения, цифровые стартапы. Показано, что большинству сетевых героев свойственен интерес к техническим наукам, программированию и искусству. Современные герои сетевого фронта представлены в образах поселенцев или предпринимателей, которые внедрили новые цифровые технологии, основали социальные сети, интернет-торговлю и сумели построить прибыльный бизнес. Описаны биографии, истории успеха разных фронтальных героев из различных стран (США, Китай, Россия): Джека Ма, М.Цукерберга, А. Носика и Е. Касперского. Появление новых сетевых фронтисменов обусловлено динамичностью цифрового мира.

Ключевые слова: фронт, теория фронта, сетевой фронт, электронный фронт, герои сетевого фронта, герои Интернета, Интернет, социология Интернета

Сетевой фронт – динамичная граница освоения сетевого пространства, проницаемость и подвижность которой коррелируют с уровнем ИТ-грамотности, цифровых компетенций пользователей, степенью распространения компьютерных технологий, фронтальных поселений, онлайн-ресурсов, сетевых структур и практик.

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00339 «Фронт сетевого общества как пространство политического взаимодействия»

«Завоевание» сетевого фронта происходило последовательно и постепенно, на каждом из этапов освоения фронта действовали свои герои. «Пионеры» исследовали, зондировали фронт, заложили основы его технологической инфраструктуры, сформулировали идеи и принципы о том, каким должен быть фронт, основали небольшие поселения, а затем стали разрабатывать новые технологии в целях дальнейшей «колонизации» фронта и расширения освоенного онлайн-пространства (Плотичкина, Довбыш, 2017, стр. 52-53). Исследование этапизации освоения сетевого фронта фиксирует принцип «первого эффективного заселения», роль «пионеров» в колонизации территории, когда деятельность нескольких сотен первых колонизаторов может быть более важной для культурной географии места, нежели вклады десятков тысяч новых мигрантов спустя несколько поселений. Так, Интернет появился в США благодаря сотрудничеству военных, университетских ученых и промышленных исследовательских центров. Заслуга создания этого союза принадлежала Вэнивару Бушу, специалисту-инженеру, декану Школы инженерии Массачусетского технологического института, военному советнику администрации президента США (Айзексон, 2015, стр.265-270).

«Пионерами» сетевого фронта были, прежде всего, инженеры, работавшие в исследовательских центрах, научных подразделениях институтов, финансируемых Министерством обороны США (Лаборатория Линкольна, Bolt, Beranek and Newman company, RAND Corporation, ARPA и т.д.), занимавшиеся первоначально разработкой компьютерной сети для первой национальной системы противовоздушной обороны. Идея о том, что подобные компьютерные сети могут связывать и университеты принадлежала Дж.К.Р.Ликлайдеру, которого считают духовным отцом Интернета. Ликлайдер был специалистом в сфере психоакустики, инженером, автором идей о «симбиозе человека и компьютера», распределенном Интернете, о межгалактической компьютерной сети, учеником Н.Винера, основателя кибернетики (Flichy, 2007, p.36-41). В 1962–1964 гг. он возглавлял Агентство передовых исследовательских проектов (ARPA), созданное при Министерстве обороны США. Именно сотрудники ARPA разработали компьютерную сеть ARPANET, из которой впоследствии и появился Интернет. Руководителями проекта ARPANET были Роберт Тейлор и Лоуренс Робертс. Метод коммутации пакетов, способ передачи данных по сети, от компьютера к компьютеру, был разработан в ходе совместных усилий Пола Бэрна, сотрудника RAND Corporation, британского ученого Дональда Дэвиса и сотрудника ARPA Леонарда Клейнрока. В

1973 году Винт Серф, обучение которого в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе происходило под руководством Клейнрока, и Роберт Кан, сотрудник ARPA, создали TCP/IP-протоколы для Интернета. Впоследствии в 1976-1982 годах Серф стал работать на ARPA. В 1972 году было написано специальное приложение для ARPANET – e-mail.

Вслед за «пионерами» пришли «поселенцы» сетевого фронта, которыми стали учёные из гражданских научных учреждений, использовавшие возможности онлайн-коммуникации, разработавшие доступное программное обеспечение, основавшие Интернет-сообщества, внедрявшие технологии с целью преодоления барьеров на путях фронтальной «колонизации». Классический концепт фронта подразумевает наличие границ, блокирование права прохода, утвержденное территориально в различных районах. Соответственно, эксплицитно метафорический конструкт сетевого фронта может указывать на существование «привратников», контролирующих пути доступа к определенным областям цифрового мира. Степень проницаемости сетевого фронта определяется уровнем цифровой грамотности пользователей. Распространение доступного цифрового оборудования и интерфейсов облегчили работу пользователей с программами, стали распространяться высокотехнологичные стартапы, новые пограничные поселения сетевого фронта.

В 1985 году Стюарт Бранд и Ларри Бриллиант запустили одно из первых виртуальных сообществ WELL (Curran, Fenton, Freedman, 2012, p.39). В 1991 году Тим Бернерс-Ли, консультант ЦЕРН, лаборатории физики около Женевы, объявил о создании Всемирной паутины. В 1992 году появился поддерживающий графику веб-браузер Mosaic. Основной вклад в его разработку внес студент Марк Андрессен, который постоянно дорабатывал браузер на основе отзывов и комментариев пользователей (Flichy, 2007, p.59).

Билл Гейтс не был похож на типичных IT-поселенцев, в детстве его не интересовала техника, он не собирал радиоприемники, компьютеры очаровывали его не микросхемами, а программным обеспечением. В 1974 году Билл Гейтс вместе с Полом Алленом твердо решили: сделать программное обеспечение для компьютеров универсальным продуктом. В 1975 году они разработали язык BASIC для компьютера Altair, учредили компанию Microsoft, которая в 1983 году объявит о создании Windows (Йоффи, Кусумано, 2016, стр. 27-28, 32).

Стив Возняк в детстве играл с транзисторами, собирал детекторные приемники, встреча со Стивом Джобсом изменит его жизнь. В 1975 году он конструирует персональный компьютер Apple I,

а Стив Джобс, используя свою деловую хватку и харизму, обеспечит их продажу. Компьютер Apple II был первым, полностью укомплектованным персональным компьютером, который можно было достать из коробки. В 1984 году в продажу поступит Machintosh, недорогой и массовый компьютер с понятным графическим интерфейсом и принципом «наведи и щелкни» (Йоффи, Кусумано, 2016, стр. 29-31).

Выпускник СПбГУ Павел Дуров основал социальную сеть «ВКонтакте» и разработал мессенджер Telegram. В 2012 году вышла книга Н.Кононова «Код Дурова» об истории создания «ВКонтакте» (Кононов, 2013).

Вслед за поселенцами пришли предприниматели, увидевшие значительные перспективы для извлечения прибыли в сфере информационных технологий, коммерциализации виртуальных земель, инвестировавшие в интернет-рекламу и онлайн-торговлю.

Уильям Фердинанд фон Мейстер, один из первых предпринимателей в сфере цифровых технологий, во второй половине 1980-х гг. вместе со Стивеном Кейсом и Джимом Кимси запустил онлайн-сервис America Online (AOL), который был удобен в использовании, предоставлял услугу онлайн-общения и позволял выходить в сеть (Айзексон, 2015, стр. 457).

В 2000-х гг. Эван Уильямс придумал скрипт для блогов, который позволял легко трансформировать посты. В итоге, он запустил платный сервис Blogger Pro и стал продавать программное обеспечение, в конечном итоге, Blogger купила компания Google. Впоследствии Эван Уильямс стал одним из основателей Twitter (Rosenberg, 2009, p.101-130).

Ларри Пейдж, сын университетских преподавателей теории искусственного интеллекта и программирования, уже в начальной школе делал домашние задания на компьютере. Его кумирами были Никола Тесла и Томас Эдисон, он с детства увлекался игрой на саксофоне, а впоследствии в различных интервью отмечал, что увлечение музыкой стимулировало его одержимость скоростью в вычислениях. Пейдж поступил в аспирантуру Стэнфорда, где познакомился с другим аспирантом Сергеем Брином, который вырос в семье советских ученых-математиков, иммигрировавших в США в конце 1970-х годов. Для диссертации Пейдж вместе с Брином пытались составить каталог веб-ссылок, систему цитируемости, ранжирования, комментирования сайтов, на основе которой была создана Google (Лау, 2010, стр. 12-28, 36-39). В 1998 году в их проект вложились инвесторы, Брин и Пейдж покинули Стэнфорд, арендовали гараж в Силиконовой долине и основали собственную компанию.

Юрий Мильнер, выпускник физфака МГУ, Уортонской школы бизнеса, в 1999 году создает компанию Mail.ru, впоследствии занимается инвестиционной деятельностью; его фонд DST Global поддерживает цифровые стартапы: Alibaba, Snapchat, WhatsApp, Xiaomi, Spotify, Airbnb. В 2012 году Мильнер основал научный Оскар Breakthrough Prize – «Премия за прорыв», популяризируя науку.

Существует множество различных героев онлайн-реальности: пионеры, поселенцы, интернет-предприниматели. Все они внесли свою лепту в развитие цифрового мира. Но на текущий момент времени современный герой сетевого фронта представлен, в основном, в образах поселенца или предпринимателя, придумавших цифровые технологии, социальные сети или интернет-торговлю и сумевших построить прибыльный бизнес.

Джек Ма, основатель Alibaba Group, примечателен тем, что он сумел организовать онлайн-бизнес в Китае, построить глобальный виртуальный торговый центр. В Китае он – мифическая фигура, находящаяся на пересечении культов бизнеса и потребления.

Джек Ма родился в 1964 году в бедной семье, в Ханчжоу, увлекался искусством, что вполне объясняет его коммуникабельность, свойственную большинству героев сетевого фронта. Он – не вполне типичный герой, являясь основателем технологической компании, не имел связанного с технологиями IT-образования.

С начала 1980-х гг. благодаря экономическим реформам Дэн Сяопина китайское правительство стало поддерживать частный бизнес. В 1994 году в возрасте 29 лет Джек Ма организовал свое первое дело – агентство переводов Ханчжоу Хайбо. В этом же году по просьбе муниципальных властей Джек впервые отправится в США в качестве переводчика. Там он познакомится с Интернетом, купит компьютер и найдет партнера для другого бизнес-проекта – China Pages, англоязычного онлайн бизнес-каталога компаний в Китае. В 1995 году было зарегистрировано в США доменное имя chinapages.com (Erisman, 2015, p.11-13). Осенью этого же года в Ханчжоу, наконец-то, появился доступ к сети, что было большим технологическим прорывом для коммунистического Китая. Без Интернета замысел Джека соединить китайских предпринимателей с глобальным рынком никогда бы не реализовался.

Интересно, что китайский сетевой фронт был вначале освоен учеными-физиками: впервые онлайн-связь была установлена между американским научным центром Стэнфордского университета и Институтом физики высоких технологий в Пекине. Впоследствии появился сервис-провайдер ChinaNet, предоставивший доступ к сети

обычным пользователям. В стране стали появляться первые технологические предприниматели (Кларк, 2017, стр.66-67).

Однако к концу 1995 года проект China Pages все еще не приносил доход, многие китайцы не знали, что такое сеть, и Джеку буквально приходилось популяризовывать Интернет в своей стране, ссылаясь на ставшую тогда бестселлером в Китае книгу Б.Гейтса. Проблема состояла и в том, что органы власти неохотно поддерживали первых онлайн-бизнесменов.

Однако Джек усиленно продвигал свой проект, он даже сделал веб-сайт на China Pages для правительства провинции Чжэцзян. Данный веб-ресурс стал одним из первых национальных проектов по выходу китайского правительства в Интернет. О Джеке, его компании и его первой сенсационной поездке в США сначала стали писать местные СМИ, потом – пекинские издания. Джек становился популярным, но China Pages нельзя было назвать успешным проектом, попытки пробиться с помощью центрального правительства были провальными. В 1996 году его бизнес был поглощен более крупной компанией. Такая же судьба постигла и других первых онлайн-предпринимателей в Китае, которые были вытеснены с рынка государственными компаниями.

Ситуация стала меняться, когда компания Yahoo, одним из основателей которой был Джерри Янг, добилась значительных успехов в США, ее положительный опыт мотивировал многих китайских предпринимателей, в том числе и Джека. Государственным медиакомпаниям Китая становилось труднее конкурировать с предпринимателями, создающими бизнес-контент в Интернете.

В 1999 году Джек Ма принимает решение основать компанию Alibaba Group. На тот момент команда Alibaba Group состояла из 18 человек, которые не оканчивали престижные вузы и не работали в известных компаниях, но оказались связанными между собой энергией Джека Ма и его нетрадиционными стратегиями управления. К концу 1990-х гг. Alibaba Group стала выходить на международный уровень.

В мае 1999 года Джек Ма привлек в свою команду Джо Тсаи, гонконгского инвестора, имевшего обширные связи, ставшего его правой рукой. Джо удалось привлечь инвестиции Goldman Sachs в Alibaba Group (Erisman, 2015, p.17). Компания переехала в новый офис в Гонконге, ее услугами пользовались 40 тыс. человек (Кларк, 2017, стр. 96-105). Для привлечения покупателей Alibaba Group переводила тексты объявлений на английский. Публикация объявлений на сайте была бесплатной для потребителей и продавцов. Когда количество пользователей сайта возросло, другие китайские компании стали

использовать этот ресурс для общения друг с другом и с внешним миром.

В конце 1999 года японская инвестиционная компания Softbank вложила в Alibaba Group 20 млн. долларов в обмен на 30% акций (Русяева, Луганская, 2015, стр. 75). Параллельно Джеку удалось привлечь в свою команду исполнительного директора Yahoo, первоклассного технолога Джона У.

В 2000г. произошел окончательный крах пузыря доткомов, вызванный быстрым и неоправданным взлетом акций интернет-фирм, их большой численностью и при этом неэффективностью их бизнес-моделей, чрезмерными затратами на рекламу, что привело к банкротству множества организаций, занимавшихся электронной коммерцией. Ситуация отразилась и на Alibaba Group, которая несла убытки. Джек Ма решил изменить стратегию развития компании, которая стала ориентироваться на Китай.

Изначально компания Alibaba Group ориентировалась на интересы малого бизнеса, но в 2003 году Джек Ма решил выйти на потребительский рынок электронной коммерции, получив от инвесторов 162 млн. долларов и запустив сайт Taobao («охота за сокровищами»). Основным конкурентом Alibaba Group в этом сегменте стала компания eBay, которая пришла в 2002 году на китайскую интернет-сцену, охватив 90% китайского потребительского рынка электронной коммерции. Но даже в этой ситуации Джек Ма обошел eBay. Дизайн сайта Taobao был разработан с учетом местной интернет-культуры, структурирован как местный базар, без комиссионных сборов с торговцев и покупателей за предоставляемые услуги. При этом компания Alibaba Group запустила собственный сервис совершения платежей Alipay и сервис доставки (Бабицкий, 2014, стр.24).

В 2005 году проект Yahoo China и 1 млрд. долларов были переданы руководством Yahoo Джеку Ма в обмен на 40% доли в Alibaba Group. С этой сделкой New York Times назвал Джека Ма новым интернет-королем Китая (Кларк, 2017, стр. 176).

В 2015 году компания разместила свои акции на Нью-Йоркской фондовой бирже, сумев привлечь 25 млрд. долларов. Курс акций постоянно колебался. Например, в 2015 году китайский орган власти по бизнесу и лицензированию официально опубликовал отчет, в котором указывалось, что Alibaba Group на своем сайте Taobao торгует поддельными товарами; Джеку Ма пришлось лететь в Пекин, чтобы в ходе личной встречи с руководителем ведомства урегулировать конфликт. Чтобы окончательно забыть о данном инциденте, Alibaba Group увеличила количество персонала,

занимающегося выявлением контрафакта, и создала специальную службу интернет-безопасности (Кларк, 2017, стр. 215-216).

Джек Ма – удивительный герой сетевого фронта. Не имея технологического образования, бывший учитель английского сумел построить успешный онлайн-бизнес, стать самым богатым человеком в Азии. Внешне похожий на эльфа или инопланетянина, он показал миру «харизму» Джека, умение очаровывать людей; он никогда не учился за границей и о себе говорит: «на 100% сделано в Китае». Его история – это история о том, как китайская компания попала в Силиконовую долину, о том, как Восток победил Запад. Для многих он стал вождем китайской революции потребления и предпринимательства, лицом нового Китая.

Но герои сетевого фронта не только организуют успешные торговые площадки на глобальном онлайн-рынке, они еще создают социальные сети.

Марк Цукерберг родился в 1984 году в интеллигентной еврейской многодетной семье в Уайт-Плейнсе. Благодаря отцу, который подарил ему компьютер и продемонстрировал базовые навыки языка программирования Atari Basic, он рано познакомился с цифровым миром. В 1996 году двенадцатилетний Марк написал программу ZuckNet, предназначенную для мгновенного обмена сообщениями. В восьмом классе он разработал онлайн-версию настольной игры «Риск»; в 2001 году юный программист придумал медиаплеер Synapse, который способен автоматически формировать плейлисты с учетом музыкальных предпочтений пользователей; при этом Цукерберг отказался от продажи своей разработки Microsoft, AOL и предложений о трудоустройстве в компаниях (Циттлау, 2012, стр. 206-213).

Во время обучения в престижной школе Phillips Exeter Academy Марка интересовали не только технические науки и компьютерное программирование; он занимался фехтованием, демонстрировал наилучшие результаты в классе по астрономии, физике, увлекался литературой, свободно цитируя «Илиаду» Гомера и римского поэта Вергилия, прекрасно писал и читал на французском, иврите и древних языках.

В 2002 году Марк поступил в Гарвардский университет и стал изучать информатику и психологию. В 2003 году Цукерберг разработал веб-сайт Facemash, позволявший пользователям онлайн-ресурса оценивать фотографии студентов, которые он получил из архива Гарварда; позже студенты жаловались на использование личных фотографий без разрешения (Апанасик, 2012). В 2004 году Марк запустил социальную сеть по адресу thefacebook.com (в 2005

году Цукерберг приобрел доменное имя facebook.com). В середине 2004 года Цукерберг, взяв пример с Билла Гейтса, бросил учебу в Гарвардском университете, переехал в Пало-Альто – компьютерную столицу США, зарегистрировал свой проект как юридическое лицо, став генеральным директором Facebook, и занялся поиском инвесторов (например, Питер Тиль, основатель платежной системы PayPal, приобрел 7% акций) (Киркпатрик, 2011, стр.16).

С 2006 года в Facebook мог регистрироваться любой пользователь, достигший тринадцатилетия и имевший электронную почту. В 2007 году Марк Цукерберг запустил приложение Facebook Platform, он обнародовал некоторые коды платформы, интерфейсы программирования и открыл новые возможности для разработчиков программного обеспечения, сделав Facebook основой для многочисленных приложений и глобальной франшизой (Бим, 2014, стр. 131-138).

В 2015 году Facebook стал вторым по посещаемости сайтом в мире; в 2017 году число его пользователей достигло 2 млрд. человек; Марк Цукерберг завоевал титулы влиятельнейшего человека на планете и успешного бизнесмена до 40 лет.

В 2010 году образ сетевого фронтирмена был мифологизирован в кинофильме «Социальная сеть», который был снят Дэвидом Финчером по роману Бена Мезрича (Мезрич, 2011).

А что же происходило с российским сетевым фронтиром? Какие герои внесли свою лепту в освоение российского онлайн-пространства, развитие цифровой реальности, появление первых отечественных блогов, интернет-СМИ, виртуальных сообществ?

Антон Носик родился в 1966 году в семье писателя, драматурга, журналиста, переводчика Бориса Носика и филолога Виктории Мочаловой. В 1989 году окончил лечебный факультет Московского государственного медико-стоматологического университета. В 1989 году уехал в Израиль, где работал в газетах The Jerusalem Post (на английском языке), «Маарив» (на иврите), «Вести» и «Время» (на русском языке) (Носик, 2008-2017). Поскольку медицинская карьера не сложилась в силу внешних причин, Носик стал заниматься журналистикой, написанием текстов и построением редакционных компьютерных систем. С 1990 года биография Носика неразрывно связана с Интернетом.

В Израиле Носик основал компанию Sharat Communications Ltd, предоставлявшую услуги по разработке веб-сайтов, его клиентами были Государственный банк Израиля и Музей Израиля. Своими первыми сайтами в Интернете Носик называл страницу памяти Иосифа Бродского, руководство по изготовлению сайтов и каталог

русских сайтов (Идлис, 2010, стр. 21). Именно живя в Израиле, Антон серьезно заинтересовался Интернетом и его возможностями информационного охвата огромного количества людей. В газете «Вести» он вел колонку «Наши сети», посвященную сетевым новостям, делал экономические обзоры. С 1996 года он прекратил писать об экономике и полностью переключился на рубрику «Наши сети», в рамках которой давал читателям «цифровые» советы, вел обзор веб-технологий, онлайн-сервисов (Спиридонов, 2012, стр. 163-180). Со временем вместо рубрики «Наши сети» появилась ежедневная колонка «Вечерний интернет», которая дала начало «эпидемии» веб-обзоров (Идлис, 2010, стр. 23). После закрытия «Вечернего Интернета» в 2001 году Носик завел блог на Livejournal.

В 1999 году в России А.Носик основал ежедневную интернет-газету Gazeta.ru, в которой он руководил не только редакцией, но и занимался разработкой сайта, писал издательский движок, обучал сотрудников языку верстки веб-страниц, программированию.

В 1999 году вместе с Фондом эффективной политики основал интернет-издание Lenta.ru, главным редактором которого был до 2004 года (Носик, Тимченко, 2015, стр. 9, 21). Создавая проект Gazeta.ru, Носик обратил внимание на значительную посещаемость раздела «Новости» онлайн-газеты по сравнению со статьями, интервью, аналитикой, форумами; впоследствии было принято решение сделать новостной веб-ресурс Lenta.ru на базе издания Gazeta.ru (Носик, Тимченко, 2015, стр. 11-12).

А.Носик участвовал в создании интернет-изданий Newsru.com (NTVRU.com, сайт телекомпании NTV), «Вести.ру», агентства «Курсор», MosNews.com и других медиапроектов. В 1999–2000 гг. занимал должность главного редактора онлайн-СМИ Vesti.ru, также созданного на базе Gazeta.ru (Спиридонов, 2012, стр. 163-165).

В 2000 году возник «Рамблер Интернет Холдинг», в структуре которого был новостной сервис Лента.ру. Руководство холдинга обратило внимание на успехи Носика и пригласило его на должность президента. В 2004 году Носик перешел на работу в Rambler Media Group на должность советника.

С 2009 по 2011 год был главным редактором сайта деловой информации BFM.ru, на котором освещались новости экономики и бизнеса России и мира. В 2009 году универсальный справочник WhoYOUgle, разработанный Антоном Носиком, получил премию Рунета (Идлис, 2010, стр. 42). До 2012 года работал в компании SUP Media, которая владела «Живым Журналом». Владельцы актива не являлись специалистами в цифровых технологиях, блогосфере. За

период работы Носика аудитория «Живого журнала» значительно выросла.

Антон Носик считается одним из первопроходцев российского Интернета. С ним связано создание известных онлайн-ресурсов и проектов, пользующихся популярностью у различных пользователей. Он был пионером среди русских пользователей блог-платформы «Живой журнал», входил в десятку самых популярных блогеров Рунета по версии Яндекса, выиграл первый чемпионат Яндекса по поиску в Интернете.

Евгений Касперский – этот тот герой сетевого фронта, который беспокоится о безопасности его жителей, создавая различные антивирусные программы, технологии и продукты. Он основал большую международную корпорацию со штаб-квартирой в Москве, которая ведет деятельность более чем в двухстах странах мира. Для Касперского важным критерием работы являются полезность и доступность антивирусов для онлайн-пользователей. Он один из самых известных в мире российских поселенцев сетевого фронта, профессиональный криптограф, шифровальщик, выпускник элитной школы разведки, умелый бизнесмен.

Евгений Касперский родился в 1965 году в Новороссийске в семье инженера В.Касперского и историка-архивиста С.Касперской (Дорофеев, Костылева, 2011, стр.13). В детстве Евгений был общительным любознательным ребенком. Он всегда был чем-то занят: составлением кроссвордов, игрой в «Монополию», ездой на байдарках, яхтах. Уже в детстве оформилась его склонность к лидерству: он часто выступал в роли инициатора мероприятий, вокруг него собирались толпы сверстников (Дорофеев, Костылева, 2011, стр.17). В 6–8 классах Касперский был постоянным корреспондентом математического журнала для школьников «Кванты». Он регулярно получал призы за победы в решении задач из математического журнала. К тому же, родители отдали его на год раньше в вечернюю математическую школу при МФТИ. Потом его пригласили в физико-математический интернат им А.Н.Колмогорова при МГУ, в котором он учился в 1980–1982 гг., и именно там сформировался костяк основателей будущей команды «Лаборатории Касперского» (Дорофеев, Костылева, 2011, стр.18-21).

В 1987 году он окончил школу КГБ СССР им. Ф.Э.Дзержинского и получил специальность инженера-математика. Одной из сложных дисциплин для Касперского оказалась криптография, легко давалось программирование; тогда же он освоил английский язык.

После окончания учебы Касперский попал по распределению в НИИ при Министерстве обороны, где впервые обнаружит на своем компьютере вирусы, начнет их коллекционировать и создавать антивирусную «базу данных».

В 1990-1991 годах Касперскому пришлось сделать выбор: либо быть лейтенантом Вооруженных сил СССР, работать на оборонку либо заниматься коммерческой деятельностью. Касперский уволился с секретного военного предприятия «по несоответствию служебной деятельности» и в 1991 году пошел работать в компьютерный отдел «Научно-технического центра КАМИ», где вместе с группой единомышленников развивал антивирусный проект «Antiviral Toolkit Pro», прототип будущего «Антивируса Касперского» (Касперский, 2010, стр.28).

В эти годы у Касперского были различные конкуренты: «Антивирус Зайцева», «Доктор Веб» и др. Но Касперский пошел дальше, он стремился реализовать инновационную идею: создание отдельного ядра (движка) антивирусной программы и отдельной базы данных, которая должна постоянно обновляться. Потом он разработал первый в мире интерфейс для антивируса (Дорофеев, Костылева, 2011, стр. 32-35).

В ноябре 1992 года группа выпустила свою первую полноценную программу – AVP 1.0. В ходе сбыта продукции команда часто сталкивалась с обманом со стороны партнеров. В 1996 году удалось заключить крупный контракт с немецкой компанией G-Data на поставку движка, который действовал до 2008 года, потом с финской фирмой F-Secure, российским «1С». В 1996 году был разработан новый антивирусный движок AVP3, потом – продукт для Windows 95. В 1996 году появился первый веб-сайт www.avp.ru.

1996 год стал переломным для антивирусного проекта Касперского: формировалась партнерская сеть, продукт AVP набирал популярность, НТЦ Ками, на который работал Касперский и его команда, раскололся на независимые отделы, в итоге, было принято решение о создании независимой компании.

На начальных этапах «Лаборатория Касперского» продавала технологии западным партнерам (70% прибыли компании), при этом не требовались большие вложения в маркетинг, каналы продаж и производство. В 1999-2000 гг. компания столкнулась с технологическим кризисом: антивирус был сложен в использовании для обычного пользователя, к тому же, он отнимал много ресурсов у компьютера. Постепенно антивирусная программа «Лаборатории Касперского» становилась доступней и понятней массовому пользователю (Касс, 2016, стр. 49-66).

В 1999 году компания обрела популярность, поскольку смогла быстрее своих конкурентов создать продукт против глобальной эпидемии вируса «Чернобыль»; СМИ стали писать о лаборатории; определенную роль сыграла харизма Касперского.

В 1999 году был открыт первый зарубежный офис компании (в Англии). В 2000 году компания официально объявила о смене названия и логотипа продукта с AVP на «Антивирус Касперского». С марта этого же года компания впервые в мире предложила своим клиентам ежедневное обновление баз данных, что было большим технологическим прорывом (Дорофеев, Костылева, 2011, стр. 92, 102).

В 2001 году была разработана дифференциальная продуктовая линейка для домашних пользователей и корпоративных клиентов. Если в 1997-2000гг. «Лаборатория Касперского» работала, в основном, на домашнем рынке, в 2001-2003гг. она стала следовать экспортной модели маркетинга, в 2004-2007гг. компания начала ориентироваться на международный рынок.

В 2007 году в компании произошли структурные изменения системы управления. Это также было время стремительного роста корпоративных и розничных клиентов, покупавших «Антивирус Касперского 6.0». Была придумана и выпущена новая компонентная архитектура и новая идея антивирусного движка следующего поколения «Прага», которому были свойственны: незаметность, низкая ресурсоемкость, более эффективные алгоритмы вычислений. Антивирус стал продаваться в крупных торговых центрах, что привело к увеличению объема розничных продаж в России. К 2008 году «Лаборатория Касперского» занимала четвертое место в мире по объемам продаж антивирусов.

В 2009 году Касперский получил государственную премию РФ в области науки и технологий, стал членом Общественной палаты РФ третьего состава. В компании был разработан кодекс корпоративных ценностей Familia: товарищество, честность, профессионализм, импровизация, умение быть разными в разных странах, предприимчивость, амбиции.

В 2012 году Касперский вошёл в рейтинг 100 самых влиятельных мыслителей года по версии журнала Foreign Policy. С мая 2016 года «Лаборатория Касперского» начала вкладывать инвестиции в перспективные стартапы. Для вузов, готовящих IT-специалистов, компания разработала специальную программу – «Академия Касперского», которая действует в 40 заведениях страны.

«Лаборатория Касперского» – первая российская компания, которая получила компьютерный Оскар – Secure Computing. Это пример российской технологической компании, сумевшей прочно

закрепить свои позиции на сетевом фронтире. Ее успех связан, прежде всего, с личностью лидера, умеющего предвидеть ситуацию, придумывать цифровые технологии и собрать команду единомышленников.

Мы представили вам истории успеха разных фронтирных героев из различных стран (США, Китай, Россия). Каждый герой внес свою лепту в освоение сетевого фронта. Кто-то снимался в кино, о ком-то, наоборот, снимали фильмы; кто-то придумал цифровые технологии, виртуальные сообщества, создавал онлайн-контент, беспокоился о безопасности жителей фронта; а у кого-то не было IT-образования, но была четко сформулированная идея. Многим из героев нравится позиция исследователя, причем исследовать можно различные явления, например, антивирусную индустрию или законы компьютерного мира. Но для многих из фронтирных лидеров была свойственна любовь к искусству и техническим наукам, а, главное, к Интернету, компьютерным технологиям, сетевому фронтиру.

Список литературы

Curran, J. & Fenton, N. & Others (2012). *Misunderstanding the Internet*. London and New York: Routledge.

Erisman, P. (2015). *Alibaba's world: how a remarkable Chinese company is changing the face of global business*. New York: St. Martin's Press.

Flichy, P. (2007). *The Internet Imaginaire*. Cambridge, MA: MIT Press.

Rosenberg, S. (2009). *Say everything: how blogging began, what it's becoming, and why it matters*. New York: Crown Publishers.

Айзексон, У. (2015). *Инноваторы. Как несколько гениев, хакеров и гиков совершили цифровую революцию*. М.: Издательство АСТ: CORPUS.

Апанасик, В. (2012). *20 великих бизнесменов: люди, опередившие свое время*. М: Эксмо.

Бабицкий, А. (2014). Сокровища Али-Бабы. *РБК*, 10, стр. 24-27.

Бим, Дж. (2014). *Марк Цукерберг*. М.: АСТ.

Дорофеев, В. Ю. & Костылева, Т.П. (2011). *Принцип Касперского: телохранитель интернета*. М.: Эксмо Коммерсантъ.

Идлис, Ю.Б. (2010). *Рунет: сотворенные кумиры*. М: Альпина нон-фикшн.

Йоффи, Д. & Кусумано, М. (2016). *Искусство стратегии. Уроки Стива Джобса, Билла Гейтса и Энди Гроува*. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Касперский, Е. (2010). Наш бизнес – это пятый элемент. *Системный администратор*, 1-2 (86-87), стр. 28-33.

Касс, П. (2016). *Успех. Лидер. Действие*. М.: Альпина Паблишер.

Киркпатрик, Д. (2011). *Социальная сеть: как основатель Facebook заработал \$ 4 миллиарда и приобрел 500 миллионов друзей*. М: Эксмо.

Кларк, Д. (2017). *Alibaba. История мирового восхождения*. М.: Издательство «Э».

Кононов, Н.В. (2013). *Код Дурова: реальная история «ВКонтакте» и ее создателя*. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Лау, Д. (2010). *Google. Прошлое. Настоящее. Будущее*. М: Манн, Иванов и Фербер.

Мезрич, Б. (2011). *Миллиардеры поневоле: альтернативная история создания Facebook*. М.: United press.

Носик, А. & Тимченко, Г. (2015). *Дорогая редакция. Подлинная история «Ленты.ру», рассказанная ее создателями*. М: АСТ.

Носик, А. (2008-2017). Профиль автора на портале Сноб.ру. *Snob.ru*. Retrieved from <https://snob.ru/profile/5319/about>

Плотичкина, Н.В. & Довбыш, Е.Г. (2017). Сетевой фронтир как метафора и миф. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 1, стр. 51-62. doi: 10.22363/2313-2272-2017-17-1-51-62

Русяева, П. & Луганская, Д. (2015). Экспресс в Россию. *РБК*, 9, стр. 70-77.

Спиридонов, М.Ю. (2012). *Рунетология: кто управляет русским Интернетом?* М: Манн, Иванов и Фербер.

Циттлау, Й. (2012). *От Диогена до Джобса, Гейтса и Цукерберга: «ботаники», изменившие мир*. СПб: Питер.

HEROES OF NETWORK FRONTIER¹

Plotichkina N.V.

Plotichkina Natalya Viktorovna, Kuban State University,
350040, Krasnodar, Russia, Stavropolskaya Str., 149.
E-mail: oochronos@mail.ru

¹ The research was supported by the Russian Foundation for Humanities. Project No 15-03-00339 «Frontier of the network society as a space for political interaction»

Development of network frontier is a result of collective collaboration, the role of digital era innovators in the process of network space expansion is also interpreted in the article. Author describes three types of network frontier heroes – pioneers, settlers and entrepreneurs, acting on the different stages of frontier zone colonization. Staging of network frontier development correlates with network heroes classification. Typology of network frontiersmen is done according with the role of heroes in the process of network frontier development, creation of network reality, formation of virtual communities. Pioneers probed frontier, developed its base principles and technology infrastructure. Settlers founded colonies, promoted new on-line services. Entrepreneurs invested in network frontier settlements, digital startups. It is shown, that the majority of network heroes have an interest to technical science, programming and art. Modern heroes of network frontier are represented in the images of settlers and entrepreneurs, that introduced new digital technologies, founded new social networks, network trade and managed to develop profitable business. Biographies, success stories of different frontier heroes from various countries (The USA, China, Russia): Jack Ma, Mark Zuckerberg, Anton Nossik and Eugene Kaspersky are described in the article. The emerging of new network frontiersmen is conditioned by dynamism of digital world.

Keywords: frontier, theory of frontier, network frontier, electronic frontier, heroes of the network frontier, heroes of the Internet, Internet, sociology of the Internet

References

- Apanasik, V. (2012). *20 great businessmen: people ahead of their time*. Moscow: Eksmo.
- Babitsky, A. (2014). Treasures of Ali Baba. *RBC*, 10, pp. 24-27.
- Beahm, G. (2014). *The boy billionaire: Mark Zuckerberg in his own words*. Moscow: AST.
- Casse, P. (2016). *Success. Leader. Action*. Moscow: Alpina Publisher.
- Cittlau, J. (2012). *From Diogenes to Jobs, Gates and Zuckerberg. The botanists, who have changed the world*. St. Petersburg: Piter.
- Clark, D. (2017). *Alibaba: the house that Jack Ma built*. Moscow: Publishing house Eksmo.
- Curran, J. & Fenton, N. & Others (2012). *Misunderstanding the Internet*. London and New York: Routledge.
- Dorofeev, V.Y. & Kostyleva, T.P. (2011). *The principle of Kaspersky: the bodyguard of the Internet*. Moscow: Eksmo Kommersant.
- Erisman, P. (2015). *Alibaba's world: how a remarkable Chinese company is changing the face of global business*. New York: St. Martin's Press.

Flichy, P. (2007). *The Internet Imaginaire*. Cambridge, MA: MIT Press.

Idlis, Y.B. (2010). *Runet: conjured idols*. Moscow: Alpina non-fiction.

Isaacson, W. (2015). *The Innovators. How a Group of Hackers, Geniuses, and geeks created the Digital Revolution*. Moscow: Publishing house AST: CORPUS.

Kaspersky, E. (2010). Our business is the fifth element. *System administrator*, 1-2 (86-87), pp. 28-33.

Kirkpatrick, D. (2011). *The Facebook effect: the inside story of the company that is connecting the world*. Moscow: Publishing house Eksmo.

Kononov, N. (2013). *Code of Pavel Durov. The real story of VKontakte VK.com and its creator*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.

Lowe, J. (2010). *Google speaks: secrets of the world's greatest billionaire entrepreneurs, Sergey Brin and Larry Page*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.

Mezrich, B. (2011). *The accidental billionaires: the founding of Facebook, a tale of Sex, money, genius, and betrayal*. Moscow: United press.

Nosik, A. & Timchenko, G. (2015). *Dear editor team. True history of «Lenta.ru», narrated by its creators*. Moscow: AST.

Nosik, A. (2008-2017). Author's profile on the portal Snob.ru. *Snob.ru*. Retrieved from <https://snob.ru/profile/5319/about>

Plotichkina, N.V. & Dovbysh, E.G. (2017). Network frontier as a metaphor and myth. *RUDN Journal of Sociology*, 1, pp. 51-62. doi: 10.22363/2313-2272-2017-17-1-51-62

Rosenberg, S. (2009). *Say everything: how blogging began, what it's becoming, and why it matters*. New York: Crown Publishers.

Rusyaeva, P. & Luganskaya, D. (2015). Express to Russia. *RBC*, 9, pp.70-77.

Spiridonov, M.Y. (2012). *Runetology: Who runs the Russian Internet?* Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.

Yoffie, D. & Cusumano, M. (2016). *Strategy Rules: Five Timeless Lessons from Bill Gates, Andy Grove, and Steve Jobs*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.

ФРОНТИР С ЯПОНСКИМ ЛИЦОМ¹

Павленко Н. В.

Павленко Надежда Владимировна, ООО «Лукойл-Нижневожскнефть»,
414000, Астрахань, Россия, ул. Адмиралтейская, дом 1, корпус 2.

Эл. почта: kitai.kibo@gmail.com

Вопросы японской этнической истории, как правило, невольно приводят исследователя к проблеме внутренней противоречивости японской культуры, выражающейся с одной стороны, в ее унифицированности, а с другой, в наличии множества этнических и культурных пластов. В данной статье анализируется вопрос фронтирной истории Японии. Хотя в зарубежной историографии проблемы японского фронтира неплохо изучена, в отечественной исторической науке этот вопрос практически никак не освещен. В своей статье автор пытается рассмотреть данную проблему в нескольких аспектах: историческом и этническом. Исторический аспект затрагивает ряд территорий и племен, которые могут быть отнесены к понятию «фронтирный», т.е. связанных с определенной зоной культурных контактов японцев с неяпонцами. На севере страны это эмишу, айны и другие группы, а на юге это различные этнические группы островов Рюкю.

Этнический аспект анализируется через призму истории айнов и через процесс их инкорпорированности в общепонскую национальную культуру. На примере взаимоотношения с айнами автор выделяет три периода (модели) фронтирной политики японцев: архаичный, модернистский и современный. Архаичная модель являлась продолжением китайской модели, построенной на дихотомии центра и периферии. В ней доминировали мифопоэтические параметры, предписывавшие отношение к варвару в соответствии с его местом в картине мира. Модернистский подход был своеобразным синтезом традиционного японского и западного стиля мышления. Современная модель характеризуется пересмотром ряда положений прошлой японской истории и признанием некоторых старых ошибок.

Ключевые слова: фронт, Япония, Чужой, этническая история, идентичность, межкультурная коммуникация, айны.

Бытует мнение, что японцы представляют собой некое единое в генетическом и культурном плане население, в котором нет места для инородных элементов (Hardy, p. 17). Да и те, кто однажды побывал в

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «а2» «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

Японии, готовы уверять всех, что японцы представляют собой нацию с гомогенной культурой.

Однако, более близкое знакомство с японской культурой показывает, насколько эта культура полна чужеродных элементов, а японцы – в их региональной специфике – население довольно-таки разнообразное. Кроме этого, японская культура представляет нам уникальный образчик отношений с чужой культурой, построенный на удивительном синтезе, казалось бы, несовместимых элементов родного и иностранного. Любой человек, находясь в Японии, невольно ловит себя на мысли уникальной совместимости японского с неазиатским. Порой очень сложно отделить эти два элемента друг от друга, насколько гармонично они сочетаются, объединенные в одно целое. Но уникальность японской культуры не только в этом синтезе, или гибридности чужого и традиционно японского. В силу своего островного расположения и особенностей политического развития, Япония почти более чем на два столетия оказалась в полнейшей изоляции, представленная сама себе и почти не имеющая контактов с чужой культурой и значит с Чужим.

Кроме этого в японской культуре легко обнаруживаются две сильнейшие тенденции – одна направлена на максимальное поддержание многовековой традиции, а другая на активное заимствование нового из чужих культур. Все это приводит нас к вопросу о том, как японцы смогли совмещать в своей культуре порой несовместимые понятия, инкорпорировать Чуждое, делать его своим, творчески перерабатывать, не теряя свой уникальности.

Все это ставит перед учеными задачу анализа этого культурного феномена. Осмелимся предположить в качестве гипотезы, что эта гомогенность есть не реальное состояние дел с японской культурой, а лишь специфика нашего восприятия японской культуры. Как нам кажется, «унифицированность японской культуры» является лишь условным конструктом, возникшим под влиянием двух факторов: стремления японских властей утвердить эту гомогенность, и плохим знанием европейцев об истории Японии, особенно ее этнической истории. Вместе с тем даже беглое знакомство с ее историей демонстрирует нам большое этническое и культурное разнообразие населения японских островов. Об некой условности, или точнее искусственности японского государства говорит и известный специалист по японскому фронтиру австралийский профессор Т. Моррис-Судзуки: «Современное японское национальное государство, вполне очевидно, представляет собой искусственную конструкцию, границы которой были сформированы во второй половине XIX в.. Эти границы объединили в национальном государстве широкий круг групп

с различными диалектами, образами жизни и убеждениями. Особенно проблематичные отношения существовали между государством и фронтирными сообществами («фронтир», с точки зрения японской метрополии), которые традиционно имели лишь незначительные связи с центрами японской власти» (Morris-Suzuki, 2001, p. 82).

Ряд этих этнических групп, особенно на юге страны, уже давно перестали существовать, были ассимилированы японцами или уничтожены в продолжительных сражениях. Среди подобных этнических групп можно назвать хаято (隼人) – «люди-соколы» и кумасо (熊襲), жившие на ос. Кюсю. При этом этноним кумасо обозначал два разных народа – кумабито (люди кума) и собито (народ со). Кумабито были народом, живущим в горах, и, вероятно, производили устрашающее впечатление на японцев, за что и были отождествлены с «медведем». Со, напротив, жили в низине, за что и были названы «людьми, живущими в тени гор» (Takakura & Harrison, pp. 7-8). В конечном итоге кумабито и собито в сознании японцев слились в единый народ «кумасо», воспринимаемый как единое целое. В этом условном синтезе, как нам кажется, нет ничего удивительного, так как он отражает лишь то, что и первые, и вторые воспринимались японцами как враги, противостоящие им. Хотя до сих пор нет убедительного подтверждения этим фактам (Hudson, 1999, p. 194). Все эти иноэтнические конструкции строились на основе сложной картины мира, в которой японскому центру (ка) противостояли варвары (и). Варвары буквально «окружали» или точнее сжимали японцев с Севера и Юга.

Интересным предстает слово, переводимое на русский буквально как варвар, дикарь – *итеки* (夷狄) iteki – это книжный вариант для обозначения варвара или чужестранца, если мы посмотрим на иероглифы, то в основе лежит «иероглиф 夷 – ebisu, что означает «варвар», а в архаичном варианте обозначало айна.

Во многом система взаимоотношения японской метрополии с иноэтническими окраинами была заимствована из Китая. Все китайские варвары типологизировались на основе сложной системы: «На севере страны проживали северные варвары Ди или Бей-ди. На востоке – Дун-и, на юге – Нань Мань, на западе – Си Жун или Цуань Жун. В соответствии с этим, а точнее с традиционной китайской картиной мира, им присваивались определенные признаки. Каждая группа варваров наделялась особым цветом: северные варвары обозначались черным цветом, восточные зеленым или синим, варвары Мань – красным, а Жун белым» (Якушенков & Якушенкова, 2012, стр. 236).

Заимствовали японцы и слово 夷狄 (いてき) итеки для обозначения варвара. В дальнейшем это слово стало «литературным для обозначения варвара» (Hok-Lam, pp. 411-418).

Айны по-японски アイヌ ainu, букв.: «человек», «настоящий человек», в исторических японских текстах обозначаются как Эзо / Эмиши / Эбису (蝦夷) или айну (アイヌ), это населявший когда-то обширную территорию Южного Сахалина, Курильских островов, южной оконечности Камчатки и современной Японии и сохранившийся ныне в незначительном количестве лишь на острове Хоккайдо, ни своим антропологическим обликом, ни своей культурой не похожи ни на какой другой народ Восточной Азии. На данный момент официальное число айнов составляет 25 000 человек, но неофициально оно оценивается в 200 000 человек из-за того, что многие айны полностью ассимилировались в японское общество и, как следствие, не знают своих предков. Активный контакт между ваджинцами (этнически японцами) и айну из Эдзо начался в XIII в. (Walker, 2001, pp. 49–56). В этот период территория Эдзо (т.е. айнов) включала в себя не только современное Хоккайдо, но и север о. Хонсю.

Хотя наиболее раннее упоминание об эмиши относится к 649 г. н.э. Правда, следует оговориться, что еще не совсем ясно, следует ли ставить знак равенства между айнами и эмиши. Возможно, что под этим этнонимом скрывается какой-то иной народ, не связанный с айнами (Hanihara, p. 37).

Айны представляли собой «общество охотников-собирателей» (Walker, 2001, p. 17), занимавшихся главным образом охотой и рыболовством в северных и северо-западных территориях. В этот период айны и японцы, селившиеся на границе территории проживания айнов, во многом нуждались друг в друге. И хотя японцы воспринимали айнов чуть ли не как демонов, они все же не могли не взаимодействовать с ними, получая от них мясо, рыбу и другие продукты. В свою очередь, «японцы снабжали айнов рисом, кузнечными изделиями, хлопчатобумажной продукцией и т.д.» (Siddle, 2009, pp. 23-24). Конфликты между японцами и айнами усилились в период феодальной раздробленности, когда на территории основного проживания японцев царил смута, войны и раздор. Не будет преувеличением сказать, что в своем отношении к айнам в этот период японцы переносили ту же модель поведения, что царил и между различными японскими кланами.

Новый этап в отношениях с айнами наметился с наступлением периода Эдо (1601-1868), когда страна на долгое время оказалась в состоянии мира и покоя, что активизировало развитие экономики и

культуры. И хотя сёгунат не прекратил политику военного захвата территорий на Хоккайдо, уже не было того напряжения в отношениях двух народов, как прежде. Айны, проживающие на севере Хоккайдо, стали все более активно участвовать в торговле с японцами, которые контролировали южную часть острова. Сегунат Токугава предоставил клану Мацумаэ (Kakizaki) исключительные права на торговлю с айнами. Клан Какидзаки, как они называли себя в предыдущую эпоху, освоил территорию южной части острова. Это освоение происходило в ожесточенной борьбе с айнами, но во второй половине XVI в. лидеры клана осознали, что политика постоянных войн не сулит им ничего хорошего, и начали искать мирные способы отношений с айнами. Именно поэтому Токугава, после того как земли Какидзаки-Мацумаэ были присоединены к сёгунату, «поручили им контролировать отношения с айнами» (Siddle, 2009, pp. 24-25). Позже, Мацумаэ начал сдавать в аренду права на торговлю японским торговцам, и контакты между японцами и айнами стали более обширными. В течение всего этого периода айны становились все более зависимыми от товаров, ввозимых японцами, и «страдали от эпидемических заболеваний, таких как оспа» (Walker, 2001, pp. 177-189). Хотя возросшие контакты, стимулируемые торговыми отношениями между японцами и айнами, способствовали углублению взаимопонимания. Но нередко это также вело и к усилению противоречий, что приводило к кровопролитным конфликтам, которые иногда перерастали в вооруженное сопротивление айнов. Наиболее мощным было восстание против японской власти или война Сягусяина (Шакушаина) (1669-1672). Другим широкомасштабным восстанием айнов против японского правления стала битва Менаси-Кунашир в 1789 году.

Начало Реставрации Мэйдзи в 1868 году явилось поворотным моментом в культуре айнов. Японское правительство ввело целый ряд социальных, политических и экономических реформ в надежде на модернизацию страны в западном стиле. Одним нововведением является аннексия Хоккайдо. Шведский антрополог К. Шёберг (Sjöberg) так поясняет доводы японского правительства по этому поводу: «...Развитие большого северного острова Японии преследовало несколько целей: во-первых, оно рассматривалось как средство защиты Японии от стремительно развивающейся и экспансионистской России, во-вторых ... оно предлагало решение проблемы безработицы для бывшего класса самураев ... Наконец, развитие обещало предоставить необходимые природные ресурсы для растущей капиталистической экономики» (Sjöberg, 1993, pág. 117).

Кроме этого, перед правительством Японии стояла задача ликвидации любой возможности для регионального сепаратизма на

окраинах. Попытка создания Республики Эдзо (1868-1869 г.г.) на Хоккайдо показала, что отдаленные окраины могут легко превратиться в оплот для противодействия центральной власти. Возможно, именно соображения национальной безопасности играли решающую роль в присоединении этих территорий. Страх перед Россией, расширяющей свое влияние на Дальнем Востоке, и возможность для опальных самураев найти убежище на этой территории заставляли японское правительство действовать решительно в направлении укрепления центральной власти на этой территории (Hirano, p. 198).

Конечно не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что новые территории давали возможность центральной власти расширить ресурсную базу. Все это нашло свое отражение в «натурализации» Хоккайдо. Ранее используемый термин Эдзо (Ezo, Yezo), для обозначения территории севернее Хонсю, к 1890 г. окончательно уступает новому наименованию – Хоккайдо (北海道) – «регион северного моря» или «путь северного моря». Как нам кажется, сам термин также был своеобразной данью китайской традиции наименования подобным образом отдаленных территорий. Термин 道 (яп. «до», кит. «дао») возник еще в период империи Хань (206 до н. э.—220 н. э.) для обозначения территорий, населенных не китайцами или расположенными на периферии. И хотя в Японии этот термин имел давнюю историю и часто употреблялся и по отношению территорий, населенных японцами (Гокиситидо – «пять провинций-семь путей»), но после отмены системы феодальных владений (хан) он утратил свое значение.

Неслучайно, что именно в этот период территория Хоккайдо начинает позиционироваться как область, богатая природными ресурсами (Mason, p. 31). Это символическое сочетание удаленности и наличия богатых ресурсов (Якушенков & Якушенкова, 2013) как нельзя лучше подчеркивают фронтальный характер Хоккайдо в осмыслении японцами в конце XIX в.

Все эти идеи нашли свое отражение в 1872 г. в государственной политике Японии по регулированию земельных владений, объявившей эту территорию ничейной землей («землей без хозяина») – (mushu no chi 無主の地) (Hirano, p. 197).

Но японское правительство не остановилось на «символической натурализации» этой территории на уровне топонима. В 1899 году японское правительство приняло акт, обозначающий айнов как «бывших аборигенов», с целью ассимилировать их, а их земли перешли в собственность императора. Это привело к тому, что японское правительство захватило земли, на которых жили айны, и с

этого момента эти территории уже контролировались японцами. Помимо прочего в это же время айнам было автоматически предоставлено японское гражданство, фактически лишавшее их статуса коренного населения. Айны оказались маргиналами на своей собственной территории. В то время этот процесс открыто назывался колонизацией («takushoku»), но это понятие позднее было пересмотрено японскими элитами к общепринятому в настоящее время политкорректному термину «kaitaku» (開拓, русское «развитие», «открытие новых горизонтов»), которое вместо этого передает ощущение открытости или «рекультивации земли айнов» (Matsumoto, 1921, p. 72).

В этот период айны были обязаны изучать японский язык. При этом ставилась задача не просто обучить японскому языку, но ассимилировать их в языковом отношении. Как указывает Курасима Нагамаса, тогда «распространялся не nihongo (японский язык для иностранцев), а kokugo, то есть японский язык в качестве родного» (Алпатов, 2003). От айну требовали принять японские имена, а также прекратить религиозные практики, такие как жертвоприношения животных и «обычай татуирования женщин» (Ohnuki-Tierney, p. 204). Межнациональные браки между японцами и айнами активно пропагандировались среди айнов под предлогом уменьшения дискриминации в отношении их потомства.

Упомянутый выше акт 1899 года был отменен в 1997 году – до этого времени правительство заявляло, что «не существует этнических меньшинств» (Sato, 2007, pp. 618–620). Таким образом, потребовалось сто лет, чтобы изменить ситуацию с правами айнов. Примечательно, что добиться этого удалось в результате судебных процессов, в которых несколько айнских активистов выступили против правительства Хоккайдо, решившего затопить некоторые айнские земли, считавшиеся для айнов священными. Актом 1989 г. они экспроприировали часть земель айнов для строительства дамбы Нибутани. Председательствующий на процессе судья Саппоро Кадзуо Итимия вынес решение о запрете подобных действий на основании того, что айны являлись этническим меньшинством (Mason, стр. 150). Но только 6 июня 2008 года Япония на государственном уровне официально признала айнов как коренное население.

Японский Парламент 6 июня 2008 года принял не имеющую обязательной силы резолюцию, призывающую правительство Японии признать народ айнов в качестве коренного народа, и призвал положить конец дискриминации в отношении этой группы японцев. Резолюция утверждала, что народ айнов – «коренной народ с отличным языком, религией и культурой». Правительство немедленно

отреагировало на данную резолюцию, заявив: «Правительство хотело бы торжественно принять исторический факт, что многие айны были дискриминированы и ввергнуты в нищету, несмотря на то, что они юридически равны (японцам)» (Fogarty, 2008).

Конечно этот короткий обзор не может представить всю полноту развития фронтирных отношений на территории Японии. В этом кратком анализе мы в основном остановились на северных территориях, где все фронтирные процессы проходили в наиболее концентрированной форме. Вместе с тем не стоит забывать, что фронтир был и на юге Японии. И на протяжении длительного времени острова Рюкю воспринимались японцами как иностранная территория. Не следует сбрасывать со счетов и такие территории, над которыми власть Японии продолжалась недолго. Достаточно упомянуть среди подобных Тайвань, Сахалин и т.д.

Кроме этого список фронтирных народов Северных территорий может быть расширен, включением туда и другие этнические группы, например, нивхов.

И хотя термин фронтир по отношению к Японии уже давно и широко употребляется не всегда ясно, какой смысл вкладывают те или иные авторы. Большой специалист по японскому фронтиру уже упомянутая австралийская исследовательница Т. Моррис-Судзуки, анализируя японский фронтир, постоянно подчеркивает, что восприятие японцами фронта в значительной мере перемещалось в сторону темпоральных характеристик, т.е. от категорий пространства к категории времени (Morris-Suzuki, 2015, p. 10). Но как только мы совершаем этот переход от пространства к темпоральным характеристикам (современный, прогрессивный/отсталый, архаичный и т.д.), фронтирные параметры ускользают от нас. В этой дихотомии мы уходим не в сторону «времени», а в сторону аксиологических оценок.

Вообще, если мы начинаем рассматривать фронтирные системы на Японских островах, то мы неизбежно приходим к нескольким моделям: архаичной, модернистской и современной. Архаичная модель, как и деление населения на японцев и варваров, восходит к китайской картине мира, в которой, как и подобает мифопоэтической картине, большую роль играли пространственные характеристики: деление на четыре стороны мира, деление на верх/низ и т.д. Отсюда все народы, живущие по разным сторонам света, маркировались в соответствии с этими сторонами (северные варвары, южные варвары и т.д.). Место проживания этнических групп (горы, равнины, моря) также накладывали свой отпечаток.

Уже упомянутые кумасо, хаято и эмиши символизировали три мира: кумасо (медведи) – землю, хаято (соколы) – воздух, эмиши, отождествляемые с креветками, – море (Hudson, p. 194).

Основываясь на принципах разделяй и властвуй, японские правители активно привлекали «варваров» для борьбы с другими варварами, что давало свои положительные результаты. Нередко фронтирный Чужой представляется в зооморфной форме, легко превращается в демона и наделяется сверхъестественными характеристиками.

Эпоха модернизации коренным образом изменила отношение к иноэтническим группам на Японских островах. Именно в этот период к традиционным оценкам добавились новые маркеры, отводившие этим народам место уже не только на периферии, но и ставящие их на ступень ниже по сравнению с японцами. В этом плане японский подход ничем не отличался от общеевропейского. Своеобразным подтверждением этому могут быть различные выставки и экспозиции, особенно так называемая «Колониальная выставка» (Takushoku hakurankai), проводимая в Токио в октябре-ноябре 1912 г. Среди «экспонатов» выставки устроители демонстрировали посетителям и айнскую «деревню». Нет нужды пояснять, что в выставке приняли участие и настоящие айны с Хоккайдо и Сахалина. Были там и несколько нивхов с Сахалина (Siddle R. M., 2012, p. 102). Правда, первая японская выставка, на которой «выставляли» айнов была организована в Осаке в 1903 г. (Пятая промышленная выставка).

Предыдущий период преследований и страхов, а также ненависти к Чужому сменяется колониальной политикой, направленной на покорение новых народов и получение максимальной выгоды с новых территорий. В этот период к позиции силы, с которой метрополия разговаривала со своей периферией, добавился закон, согласно которому коренное население лишалось всех своих прав. Параллельно происходила активная ассимиляция, выражавшаяся в уничтожении айнской идентичности, о чем говорилось уже ранее. Им запрещали татуировку лиц, ношение серег, и ритуалы сжигания жилища умершего (Siddle, 2012, p. 61). Одновременно делаются попытки приобщения айнов к земледелию и распространению японской культуры. В силу необходимости получения новых территорий центральные власти проводят политику насильственного переселения. Все это сводит все старания по ассимиляции на нет, так как с одной стороны айны объявляются равноправными с японцами, но с другой, они автоматически превращались в изгоев, «переселяемых» в еще более отдаленные земли.

Как мы видим, современный период фронтирной истории Японии характеризуется частичным пересмотром старой истории и признанием «несправедливого» отношения к покоренным народам. Хоккайдо все меньше напоминает отдаленную недоразвитую провинцию, населенную «дикими волосатыми» людьми.

Конечно, это ни в коей мере не решает всех проблем, так как накопившиеся за долгое время противоречия не могут быть разрешены в одночасье. Кроме этого, проблемы, часто имеющие отношение к прошлому подобных территорий, не могут быть решены старыми методами, так как в любом случае и эти проблемы, и старые методы решений войдут в противоречие с нынешней реальностью. И в этом плане действия японских властей по решению данных проблем может представлять уникальный опыт, полезный для многих стран мира, в том числе и для нашей страны.

Список литературы

Fogarty, P. (6 June 2008 г.). *"Recognition at last for Japan's Ainu"*. (2. Retrieved June 7, & J. 7. Ito M. Diet officially declares Ainu indigenous// The Japan Times, Ред.) Получено 23 11 2017 г., из <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/asia-pacific/7437244.stm>

Hanihara, K. (1990). Emishi, Ezo and Ainu: An Anthropological Perspective. *Japan Review*, 35-48.

Hardy, T. (1986). *People of the Garden: Aesthetics in Everyday Life in a Tokyo Neighborhood*. Tokyo: New School for Social Research.

Hirano, K. (2015). Thanatopolitics in the Making of Japan's Hokkaido: Settler Colonialism and Primitive Accumulation. *Critical Historical Studies*, 2, 191-218.

Hok-Lam, C. (1968). The "Chinese Barbarian Officials" in the Foreign Tributary Missions to China during the Ming Dynasty. *Journal of the American Oriental Society*, 88(3), pp. 411-418.

Hudson, M. (1999). *Ruins of Identity: Ethnogenesis in the Japanese Islands*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Mason, M. M. (2012). *Dominant Narratives of Colonial Hokkaido and Imperial Japan: Envisioning the Periphery and the Modern Nation-State*. New York: Springer.

Matsumoto, H. (1921, Jan. — Mar.). Notes on the Stone Age People of Japan. *American Anthropologist, New Series*, Vol. 23(No. 1), pp. 72.

Morris-Suzuki, T. (2001). A Descent into the Past: the Frontier in the Construction of Japanese Identity. В D. Denoon, G. McCormack, M.

Hudson, & T. Morris-Suzuki (Ред.), *Multicultural Japan: Palaeolithic to Postmodern* (стр. 81-94). New York: Cambridge University Pres.

Morris-Suzuki, T. (2015). *Re-Inventing Japan: time, space, nation*. New York: Routledge.

Ohnuki-Tierney, E. (1980, Autumn). Shamans and Imu: Among Two Ainu Groups Toward a Cross-Cultural Model of Interpretation. *Ethos*, Vol. 8(No. 3), pp. 204.

Sato, T. (1968). Origins and genetic features of the Okhotsk people, revealed by ancient mitochondrial DNA analysis. *Journal of Human Genetics*, 52 (7), 618–627.

Sato, T. (2007). Origins and genetic features of the Okhotsk people, revealed by ancient mitochondrial DNA analysis. *Journal of Human Genetics*(52 (7)), pp.618–620.

Siddle, R. (2009). Aynu. Indigenous people of Japan. (M. Weiner, Ред.) *Japan's minorities: the illusion of homogeneity*, 23-24.

Siddle, R. M. (2012). *Race, Resistance and the Ainu of Japan*. New York: Routledge .

Sjöberg, K. (1993). *The Return of the Ainu*. Switzerland: Harwood Academic Publishers.

Takakura, S., & Harrison, J. A. (1960). The Ainu of Northern Japan: A Study in Conquest and Acculturation. *Transactions of the American Philosophical Society*, 50, 1-88.

Walker, B. (2001). *The conquest of Ainu Lands: Ecology and Culture in Japanese Expansion 1590–1800*. Los Angeles: University of California Press.

Алпатов, В. М. (2003). *Япония: язык и общество*. Москва: «Муравей».

Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2012). Тело варвара: конструирование образа Чужого на китайском фронтире. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 233-240.

Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2013). Изобилие ресурсов как одна из черт фронтирных территорий. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, стр. 4-15.

FRONTIER WITH A JAPANESE FACE

Pavlenko N.V.

Pavlenko Nadezhda Vladimirovna, Limited Liability Company “LUKOIL-Nizhnevolzhskneft”,
414000, Astrakhan, Russia, Admiralteyskaya Str., 1, Block 2.

E-mail: kitai.kibo@gmail.com

Questions of Japanese ethnic history, as a rule, involuntarily lead the researcher to the problem of the internal controversy of Japanese culture, expressed on the one hand, in its unification, and on the other, in the presence of a multitude of ethnic and cultural layers. This article analyzes the issue of the frontier history of Japan. Although in the foreign historiography of the problem of the Japanese frontier is well studied, this question is practically not covered in the domestic historical science. In his article the author tries to discuss this problem in several aspects: historical and ethnic. The historical aspect is uncovered in the analyses of a number of territories and tribes, which can be referred to the concept of "frontier", i.e. connected with a certain zone of cultural contacts of Japanese with non-Japanese. In the north of the country, they are the Emishu, the Ainu and other groups, and in the south – various ethnic groups of the Ryukyu Islands.

Ethnic aspect is analyzed through the prism of Ainu history and through the process of their incorporation into the all-Japanese national culture. Using as an example the relationship with the Ainu, the author identifies three periods (models) of the Japanese frontier policy: archaic, colonial and modern. The archaic model was a continuation of the Chinese model, built on the dichotomy of the center and periphery. It was dominated by mythopoetic parameters, prescribing a relation to the barbarian in accordance with his place in the world picture. Modernist (colonial) approach was a kind of synthesis of the traditional Japanese and Western style of acting. The modern model is characterized by a revision of a number of events in the past Japanese history and the recognition of some old mistakes.

Keywords: Frontier, Japan, Alien, ethnic history, identity, intercultural communication, the Ainu

References

Fogarty, P. (6 June 2008 г.). *"Recognition at last for Japan's Ainu"*. (2. Retrieved June 7, & J. 7. Ito M. Diet officially declares Ainu indigenous// The Japan Times, Ред.) Получено 23 11 2017 г., из <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/asia-pacific/7437244.stm>

Hanihara, K. (1990). Emishi, Ezo and Ainu: An Anthropological Perspective. *Japan Review*, 35-48.

Hardy, T. (1986). *People of the Garden: Aesthetics in Everyday Life in a Tokyo Neighborhood*. Tokyo: New School for Social Research.

Hirano, K. (2015). Thanatopolitics in the Making of Japan's Hokkaido: Settler Colonialism and Primitive Accumulation. *Critical Historical Studies*, 2, 191-218.

Hok-Lam, C. (1968). The "Chinese Barbarian Officials" in the Foreign Tributary Missions to China during the Ming Dynasty. *Journal of the American Oriental Society*, 88(3), pp. 411-418.

Hudson, M. (1999). *Ruins of Identity: Ethnogenesis in the Japanese Islands*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Mason, M. M. (2012). *Dominant Narratives of Colonial Hokkaido and Imperial Japan: Envisioning the Periphery and the Modern Nation-State*. New York: Springer.

Matsumoto, H. (1921, Jan. — Mar.). Notes on the Stone Age People of Japan. *American Anthropologist, New Series*, Vol. 23(No. 1), pp. 72.

Morris-Suzuki, T. (2001). A Descent into the Past: the Frontier in the Construction of Japanese Identity. В D. Denoon, G. McCormack, M. Hudson, & T. Morris-Suzuki (Ред.), *Multicultural Japan: Palaeolithic to Postmodern* (стр. 81-94). New York: Cambridge University Press.

Morris-Suzuki, T. (2015). *Re-Inventing Japan: time, space, nation*. New York: Routledge.

Ohnuki-Tierney, E. (1980, Autumn). Shamans and Imu: Among Two Ainu Groups Toward a Cross-Cultural Model of Interpretation. *Ethos*, Vol. 8(No. 3), pp. 204.

Sato, T. (1968). Origins and genetic features of the Okhotsk people, revealed by ancient mitochondrial DNA analysis. *Journal of Human Genetics*, 52 (7), 618–627.

Sato, T. (2007). Origins and genetic features of the Okhotsk people, revealed by ancient mitochondrial DNA analysis. *Journal of Human Genetics*(52 (7)), pp.618–620.

Siddle, R. (2009). Aynu. Indigenous people of Japan. (M. Weiner, Ред.) *Japan's minorities: the illusion of homogeneity*, 23-24.

Siddle, R. M. (2012). *Race, Resistance and the Ainu of Japan*. New York: Routledge .

Sjöberg, K. (1993). *The Return of the Ainu*. Switzerland: Harwood Academic Publishers.

Takakura, S., & Harrison, J. A. (1960). The Ainu of Northern Japan: A Study in Conquest and Acculturation. *Transactions of the American Philosophical Society*, 50, 1-88.

Walker, B. (2001). *The conquest of Ainu Lands: Ecology and Culture in Japanese Expansion 1590–1800*. Los Angeles: University of California Press

Alpatov, V.M. (2003). *Japan: language and society*. Moscow: «Muravey».

Yakushenkov S.N. & Yakushenkova O.S. (2012) Barbarian body: construction of the alien's body on the chinese frontier. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 4, pp. 233-240.

Yakushenkov S.N. & Yakushenkova O.S. (2013) Aboundance of resources as one of the peculiarities of frontier territories. *Human, Community, Management*, 1, pp. 4-15.

ISSN: 2500-0225

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№4 (8)

2017

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№4 (8)

2017